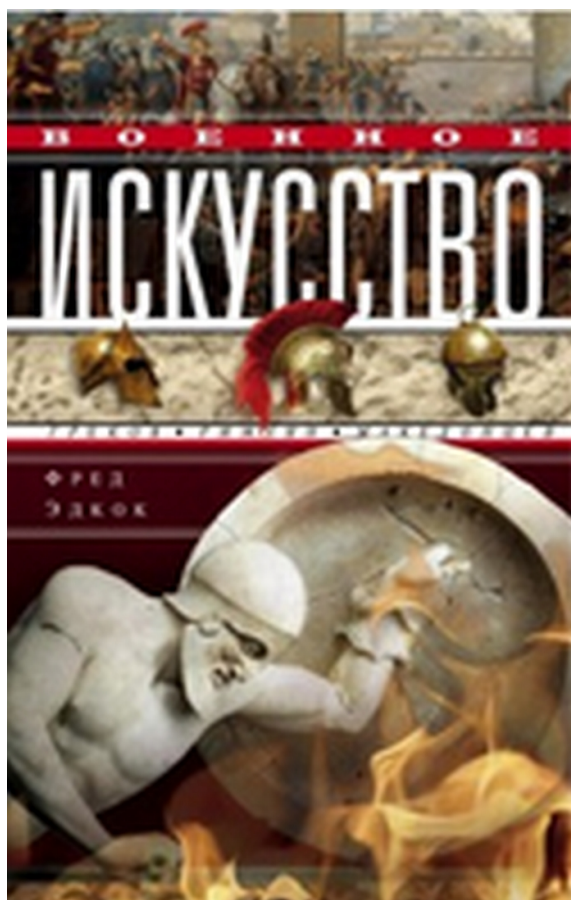

Фрэнк Эзра Эдкок
Военное искусство греков, римлян, македонцев

Фрэнк Эзра Эдкок
Военное искусство греков, римлян, македонцев

Книга 1 ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ЭПОХИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Глава 1 ЛЮДИ

Выбранная мной тема – римское военное искусство периода республики. Я надеюсь, вы не сочтете меня безрассудным и бессердечным поборником войны, однако я должен признать, что в истории человечества были времена, когда даже самые порядочные люди считали войну наименьшим из возможных зол, времена, когда в мире не находилось места мудрости и благоразумию. Как и в наши дни, в Античности полагали, что раз уж война началась, то гораздо лучше победить в ней, нежели проиграть. Если бы в международных отношениях того времени рассудительность и честность играли большую роль, глава, которую римлянам пришлось вписать в историю войн, оказалась бы значительно меньше. Однако, чтобы понять прошлое, в котором к тому же содержатся и многие ключи к пониманию настоящего, мы не имеем права ошибиться в оценке тех факторов, которые влияли на ход этой истории. Военное искусство было неотъемлемой частью Римского государства, и, как и само это государство, оно оставило в мировой истории неизгладимый след. Римляне отнюдь не восторгались войной и еще меньше были склонны идеализировать

ее. Тем не менее они неплохо понимали суть войны, и без осмысления их отношения к войне мы вряд ли сумеем понять их самих.

Много усилий было затрачено на изучение географии военных кампаний Античности, пожалуй, даже больше, чем на организацию армий и вооружение солдат. Хотя все эти вопросы и не составляют предмет моего непосредственного изучения, я, разумеется, заинтересован в результатах этих исследований. Моя же задача состоит скорее в том, чтобы оценить, как римляне сумели использовать те средства, которые оказались в их руках с позиций их времени, постараться оценить их качества как солдат, моряков и полководцев. Такая постановка задачи подразумевает толкование имеющихся сведений в довольно широких пределах, а это всегда весьма рискованно и дает достаточно субъективные результаты. Таким образом, я могу лишь постараться передать тот образ, который сформировался в моем сознании, не претендуя на его абсолютную достоверность.

Римское военное искусство важнейшим фактором для достижения победы полагало подготовку и численность солдат, а непосредственное размещение их на поле боя стояло на втором месте. Соответственно, эти вопросы мы рассмотрим именно в таком порядке. Далее, поскольку стратегия и внешняя политика неразрывно связаны друг с другом, я постараюсь дать совместную оценку этим сторонам римской политики, оставив напоследок те вопросы, которые многие находят наиболее интересными, – это, собственно, полководческое искусство и руководство армией на поле боя. Период римской истории, который составляет предмет нашего изучения, ограничен битвой при Акции, которая может считаться концом истории Римской республики и одновременно отправной точкой истории Римской империи. Август впоследствии перестроил военную машину Рима, приспособил ее к новым географическим условиям и поставил перед Римским государством новые политические задачи. Эти реформы оказали значительное влияние, если не переменяли совершенно сам характер римского военного искусства. Ограничение рассматриваемого периода поэтому, хотя и продиктовано практическими соображениями, поскольку объем лекций не позволяет рассмотреть весь ход римской истории, не является произвольным или надуманным.

Греческий гений – здесь я не подразумеваю македонян – проявлялся в основном в мирных, гражданских делах. Помимо наемников, лишь немногие из греков становились профессиональными солдатами. В Спарте, для которой война всегда стояла на первом месте, была создана армия, не имевшая себе равных во всей Элладе в течение двухсот лет. В целом же греки привнесли в тактику и военную технику больше инноваций, чем римляне. Однако последние лучше умели пользоваться плодами своих побед и оказались намного дальновиднее и выносливее в военных вопросах. Битвы иногда выигрывают полководцы, но войны почти всегда выигрывают солдаты. Если Риму иногда и хватало по-настоящему талантливых военачальников, то уж, во всяком случае, он всегда имел в избытке хороших солдат. Рим старался вести войну так, чтобы по максимуму использовать те преимущества, которыми обладал. Римлянин рождался, будучи уже наполовину солдатом, а тренировки и служба в армии давали ему недостающую часть. Война для него была не увлекательным приключением, а тяжелой работой, и самого себя он воспринимал как своего рода инструмент для этой работы. Развитие римского военного искусства никогда не шло широкими семимильными шагами, оно продвигалось неторопливо и поступательно, впрочем всегда достигая своих целей. Однако, как бы то ни было, первым делом мы должны разобраться в том, какими солдатами были римляне, что в их характере имелось уже от природы, а что определялось воспитанием и дисциплиной римской армии.

С самого начала истории республики ее армия состояла из легионов. В пехоте служили в соответствии со своим имущественным положением обычные римские граждане, а сравнительно немногочисленная кавалерия комплектовалась из представителей высших слоев общества. Армией командовал один или оба консула года, если только крайняя опасность не заставляла избрать диктатора, чьим заместителем становился магистр конницы (*Magister equitum*. – *Пер.*). Военная служба была для римских граждан одновременно и привилегией, и долгом, поскольку большую часть армии составляли землевладельцы и

свободные крестьяне. Организация армии постепенно совершенствовалась, и со временем молодые воины, способные выносить тяготы долгой военной кампании, были отделены от тех, кто был в состоянии лишь защищать стены самого города. Борьба патрициев и плебеев в конечном итоге привела к дальнейшей консолидации всех военных средств государства. Командование на войне перестало быть монополией патрициев, а политические привилегии вместе с обязанностью нести военную службу теперь были равномернее распределены между всеми сословиями римского общества. Временные политические разногласия, военные мятежи, столкновения экономических интересов и борьба за привилегии, конечно, еще не раз вызывали в Риме настоящий политический кризис. Но это не должно вводить нас в заблуждение – амбиции и обиды всегда в конечном счете отступали перед главным принципом римского общества – *Salus populi – suprema lex* («Благо народа – высший закон». – Пер.).

О ранних войнах, которые Рим вел в союзе со своими родичами латинами, нам известно немного. Впрочем, мы можем с уверенностью предположить, что, по примеру этрусков, римские пехотинцы выстраивали на поле боя фалангу [1] . Главными задачами римлян оставались оборона окрестных плодородных равнин, отражение набегов этрусков и жителей окрестных гор. Преимущество римлян перед их ближайшими соседями заключалось главным образом в дальновидности и методичности, которые они проявляли в развитии военного дела. Когда возникла необходимость вести долгие боевые действия, римляне ввели плату за военную службу, хотя их легионы по-прежнему оставались всего лишь ополчением граждан и мало чем отличались в этом отношении от армий их соседей. Затем, в начале IV века до н. э., случилась катастрофа при Аллии, когда воинственные галлы, легко рассеяв римских ополченцев, едва не уничтожили само Римское государство. Когда гроза миновала, республика приложила немало усилий, чтобы восстановить и преумножить свою военную мощь. Спустя всего два поколения после этой катастрофы римляне создали армию, которой оказалось по силам завоевать господство в Центральной Италии. К тому моменту, как это господство было установлено, Риму уже нечему было учиться у своих галльских и италийских врагов, характер римской армии и собственно римского солдата уже вполне сформировался.

Сейчас я вынужден коснуться вопроса, который всегда вызывал немало споров и дискуссий [2] . Вопрос этот состоит в том, как именно действовали в бою легионы Римской республики, учитывая, что к тому моменту они уже состояли из отдельных манипул численностью 120 человек. Ответ на этот вопрос весьма важен для нас, поскольку он проливает дополнительный свет на характер римского солдата того периода. Чтобы разобраться в этом, мы должны сначала обратиться к изучению работ Полибия и Ливия [3] . Однако главы, посвященные сражениям, содержат слишком мало подробностей, поэтому постараемся реконструировать ход событий на основе тех данных, которыми мы все же располагаем. Начинали битву легковооруженные застрельщики – *велиты* , чьей задачей было прикрыть продвижение тяжелой пехоты, составлявшей основу боевой силы легиона. Первую линию пехоты формировали *гастаты* , чье название происходит от метательного копья *гасты* , которое, впрочем, уже вышло из употребления к тому моменту. Во второй линии стояли *принципы* , а воины третьей линии именовались *триариями* . Первые две линии несли мечи и один или два *пиллума* – довольно тяжелых метательных копья, которые легионеры могли бросать на расстояние до 30 ярдов. Триарии вооружались мечом и копьем, но не несли пиллумов. На этом, по сути, и заканчивается то, что мы знаем доподлинно, и начинаются предположения и гипотезы. В целом между исследователями существует согласие относительно того, что манипулы перед боем выстраивались в шахматном порядке таким образом, что между соседними подразделениями в линии имелся интервал, равный по ширине самой манипуле. Интервал этот прикрывался манипулой, следовавшей во второй линии, и т. д. Манипулы первых двух линий могли при необходимости сомкнуть строй или отступить назад через интервалы в третьей линии, в которой шли наиболее опытные воины – триарии. Последние же в таком случае, пропустив назад гастатов и принципов, выстраивали

перед неприятелем сплошную стену копий. Так, по крайней мере, все должно было выглядеть в теории. Однако как развивались события в сражении в реальных условиях, остается для нас загадкой.

Если события развивались по описанному выше сценарию, то манипулы должны были наступать, поддерживая установленные между ними интервалы. Противник же, как правило, строился в одну линию, поскольку для большинства армий древности это было обычным построением. Таким образом, в начальный момент лишь часть линии неприятеля вступала в действие. Если противником были галлы, обычно атаковавшие лавиной, то наступающий неприятель, разумеется, проникал в промежутки между манипулами первой линии, но задерживался следовавшими позади манипулами второй линии. Если же легион атаковал фалангу, то фалангиты не могли продвинуться в интервалы между манипулами, не сломав собственного строя, в котором, собственно, и заключалось их главное преимущество, и не подставившись под мечи римлян. Легион, таким образом, довольно легко приспосабливался к условиям конкретной битвы. Атаку римлян начинали гастаты, которые, бросая с короткой дистанции свои пиллумы, в критический момент вынуждали неприятеля смешать строй. Стоунуолл Джексон писал: «Перед боем лучше всего сберегать метательные снаряды до тех пор, пока противник не приблизится на короткую дистанцию. Затем произвести один смертоносный залп и броситься в атаку».

Затем в дело вступали мечи. Воины, стоявшие в задних шеренгах, сменяли погибших или уставших. Вторая линия затем, вступая в бой, придавала новые силы натиску римлян. Если противник превосходил числом и начинал одолевать, римляне начинали медленно отступать, прикрываемые воинами первых рядов. Первые две линии, теперь уже смешавшиеся в одну, доходили до строя триариев, которые до тех пор лишь наблюдали за ходом битвы. Затем, по сигналу легионных труб, гастаты и принципы быстро проходили сквозь линию триариев, возможно жертвуя при этом первыми рядами воинов, которые, сколько могли, задерживали неприятеля и давали этим время своим товарищам организованно отступить. Триарии должны были за короткий промежуток времени расступиться, чтобы пропустить гастатов и принципов, а затем снова сомкнуть ряды, образовав сплошную стену копий на пути неприятеля. Враг, первые ряды которого уже были утомлены боем, теперь должен был сражаться с опытными и сохранившими свои силы солдатами, понимавшими к тому же, что они являются последней надеждой на победу для своей армии. Триарии были своего рода пережитком старой и уже вышедшей из употребления в Риме тактики – а именно фаланги. Римляне сохранили его, чтобы дополнить и придать устойчивость войскам нового типа. Глубина построения триариев была всего три шеренги, к тому же стоявших не вплотную друг к другу, чтобы иметь возможность пользоваться мечами. Так что все решала их стойкость, хотя мы можем предположить, что гастаты и принципы старались по мере возможного поддерживать триариев.

Такая тактика, конечно, не могла гарантировать победу в бою, но она позволяла в полной мере использовать сильные стороны в подготовке римских легионеров. В случае победы она сохраняла силы триариев, наиболее опытных солдат, которые к тому же, как правило, являлись главами многочисленных семейств, и гибель их имела не только военные, но и социальные последствия.

В случае же поражения такая тактика давала уцелевшим гастатам и принципам хорошие шансы на спасение. Взамен от солдат требовались присущие традиционному римскому характеру личные качества – стойкость, уверенность, умение беспрекословно повиноваться приказам. Поскольку италийские союзники Рима использовали ту же тактику, от их солдат требовались ровно те же качества, что и от римских легионеров. Поражения римлян, как правило, происходили в тех случаях, когда битва начиналась неожиданно в результате случайной встречи с неприятелем и римляне не могли в полной мере использовать преимущества своей тактики, или же тогда, когда плохо подготовленные войска не могли реализовать ее на практике. Исключения составляли главным образом те сражения, в которых причиной поражения римской армии был исключительный талант

противника, как, например, в случае с Ганнибалом. В рассматриваемый период разведка в римской армии была поставлена довольно плохо, и есть немало примеров, когда римляне бывали вынуждены сражаться на такой местности, которая сама по себе не годилась для применения легионной тактики, и им приходилось вести бой на условиях неприятеля. Но в данном случае для меня важнее всего понять, как сочеталась такая тактика боя с характером римлян и италиков, характером, превратившим их в лучших солдат Античности за вычетом разве что спартанцев. В случае, если ход битвы был неблагоприятен для римлян, они всегда могли отступить в заблаговременно сооружавшийся укрепленный лагерь, если только сражение не было результатом внезапной встречи с неприятелем и к нему готовились заранее. Сам по себе римский полевой лагерь весьма примечателен по своему устройству и раскрывает немало особенностей римского военного искусства и характерных черт римского солдата.

Для начала я должен сказать несколько слов в защиту традиции ежедневного сооружения укрепленного лагеря для ночлега, обычая, подобного которому мы не видим ни в одной армии древности. Если скорость продвижения к цели имела решающее значение, то эта практика становилась серьезным замедляющим фактором, поскольку на собственно движение отводилась лишь первая часть дня, середина его уходила на сооружение лагеря, а вечер посвящался отдыху от дневной работы. Чтобы несколько смягчить впечатление от крайней нерациональности такого распорядка дня, я должен заметить, что римское военное искусство того периода вообще не придавало скорости переброски армий большого значения. Греки тоже старались устраивать походные лагеря, используя такие места, где сама природа создавала естественные укрепления и служила им защитой, однако на поиски таких мест также уходило немало времени. Кроме того, недавние раскопки профессора Шультена в Испании показали, что и римляне стремились использовать особенности рельефа местности при постройке своих лагерей [4]. Однако, что действительно важно для нас, так это в полной мере проявившееся в этой традиции стремление римлян к точности и порядку. Есть и еще один важный фактор. В Полевых уставах армий Англии, Франции, Германии, России есть одно общее положение – даже в самых неподходящих условиях размещать войска по квартирам считалось лучше, чем оставлять их в полевом лагере. Во время Франко-прусской войны, например, обе стороны вполне сознательно шли на риск размещения армий по квартирам [5]. Главной причиной такой практики служила забота о сохранении боевого духа армии, а ощущение комфорта и спокойствия у солдат во время затишья в боевых действиях исключительно важно в этом отношении. С другой стороны, находясь в полевом лагере, армия сосредоточена в одном месте и готова к немедленным действиям. Римский укрепленный лагерь сочетал в себе все эти преимущества. Армия оставалась собранной и готовой к немедленному выдвигению, а между стенами лагеря и палатками легионеров, по свидетельству Полибия [6], оставлялось значительное пространство, так что стрелы неприятеля не могли поражать их. Такой распорядок, быть может, в какой-то степени подавлял личную инициативу, зато лагерь давал солдатам ощущение безопасности, а заодно и помогал поддерживать в армии дисциплину.

Часы, следовавшие за завершением строительства лагеря, посвящались отдыху. Римляне старались отдыхать не только телом, но и душой [7]. Сейчас, разумеется, уже трудно реконструировать психологический портрет обычного римлянина или италика времен республики. Надо полагать, что присущие многим сегодняшним жителям Италии черты, такие как, например, повышенная эмоциональность, присутствовали и у них. Даже среди аристократии было не принято сохранять спокойствие и невозмутимость в обществе. Но в военных вопросах римляне сохраняли завидную выдержку и хладнокровие. Возможно, им временами и недоставало способности к импровизации, но применительно к тактике действия легионов требовался именно такой характер. Тактика римской армии, как мы уже видели, предусматривала отступление наравне с атакой. Римляне старались оберегать солдат от избыточного нервного напряжения настолько долго, насколько это было возможно, и укрепленный лагерь был прекрасным средством для этого. С другой стороны, лагерь

представлял собой и скрытую опасность, поскольку внушал гастатам и принципам мысль о том, что им есть куда отступать, и, возможно, был своего рода расчет в том, что третья линия войск – триарии – помещалась между лагерем и ими, поскольку опытные и подготовленные триарии поддались бы панике в последнюю очередь.

Практика сооружения укрепленных лагерей подчеркивает и еще одну характеристику римской армии – упорство в бою и нежелание мириться с поражением. Греческие армии классического периода стойко сражались до тех пор, пока одна из противоборствующих сторон не начинала сдавать свои позиции. Когда наступал этот момент [8], порядок слабой армии нарушался, и начиналось повальное бегство. Римская армия редко отступала столь же поспешно и обычно старалась продолжать сражение до тех пор, пока это было вообще возможно. Если верить в правдоподобность описаний сражений, приводимых античными авторами, отступление римлян крайне редко превращалось для них в окончательное поражение.

Когда римская армия терпела поражения, причину их обычно искали в недостатке дисциплины и стойкости у солдат. Способнейшие из римских военачальников отказывались вести в бой армию до тех пор, пока прежний порядок, основанный на жесткой, если не сказать жестокой, дисциплине, не был восстановлен. В большинстве армий в одних и тех же подразделениях служили люди с весьма разным уровнем подготовки и опыта. С началом войны части первой линии пополняются как резервистами, так и новобранцами, что позволяет получать в среднем достаточно хорошо подготовленные соединения. Насколько мы можем судить, республика прилагала немало усилий, по крайней мере в собственно римской части армии, чтобы большая часть личного состава каждого легиона была примерно равноценна по опыту и возрасту. На лицо было явное нежелание ослаблять боевую ценность и однородность опытных и обученных подразделений с тем, чтобы усилить менее подготовленные. Были ли попытки применить такую же практику к контингентам союзников – сказать трудно [9]. Но поскольку римская тактика боя требовала определенной подготовки от легионеров, а союзные подразделения действовали совместно с легионами, можно предположить, что методы их комплектования были весьма сходны с римскими [10]. С другой стороны, по крайней мере начиная со времени Второй Пунической войны уже существовала целая прослойка людей, сделавших военную службу своей профессией. Именно из их среды выходило большинство центурионов римской армии, составлявших стеновой хребет легиона [11].

Теперь рассмотрим другой, не менее важный, вопрос – социальный состав римской армии. Английская армия XVIII века состояла из профессиональных солдат, которыми командовали офицеры благородного происхождения [12]. Рядовые, капралы и сержанты происходили из одного сословия, офицеры же, начиная с самых младших званий, принадлежали к совершенно другим слоям общества. Любыми, даже самыми небольшими подразделениями, способными действовать самостоятельно, командовали молодые офицеры благородного происхождения, а человек, поступивший на службу рядовым, но прошедший уже, быть может, двадцать кампаний, все равно оставался его подчиненным. На самом деле механизм этот вполне исправно работал и в армии, в которой столь щепетильно относились к классовым различиям, он даже способствовал формированию и поддержанию некоего командного духа. В римской армии процент аристократов среди офицеров был сравнительно невелик. К высшим слоям общества принадлежали разве что командующие легионом или несколько военных трибунов (*tribunus militum*). Военный трибун мог командовать отрядом солдат, отправленных с каким-либо особым поручением, но, когда легион вступал в сражение, командование поручалось наиболее опытным легионерам, принадлежавшим к разряду рядовых. Молодые римские аристократы, как правило, начинали службу в кавалерии, а не в легионах и достигали командных постов, как правило, в уже довольно зрелом возрасте. Аристократы в римской армии становились полководцами или штабными офицерами, но редко командовали полевыми подразделениями. Таким образом, то, что имело наибольшее значение для римского ведения боя, – грамотное проведение тактики, –

оставлялось в руках людей, которые принадлежали по своему положению к разряду обычных солдат, жили вместе с солдатами, находились в рамках той же строгой дисциплины, но которые были опытны, храбры и выносливы на поле боя. Легионер носил в своем походном ранце не маршальский жезл, но стимул центуриона [13], который, пожалуй, больше побуждал его к усердию и, при необходимости, оставлял на спинах солдат наглядные свидетельства власти этого центуриона. Следует помнить, что вплоть до последнего столетия существования республики легионеры набирались среди свободных крестьян, которые принадлежали скорее к среднему классу, чем к низшим слоям римского общества. Они получали шанс сделать военную карьеру, обрести прочное материальное положение и заслужить уважение представителей своего класса. Полибий так отзывался о центурионах республиканской армии: «От центурионов римляне требуют не столько смелости и отваги, сколько умения командовать, а также стойкости и душевной твердости, дабы они не кидались без нужды на врага и не начинали сражения, но умели бы выдерживать натиск одолевающего противника и оставаться на месте до последнего издыхания» [14].

Несмотря на все сказанное выше о центурионах, республиканская армия оставалась в основной своей массе непрофессиональной. Легионы собирались лишь на короткое время, а в силу того, что основную часть легионеров составляли свободные крестьяне, они, разумеется, всегда стремились как можно скорее вернуться к своим хозяйствам. Армии италийских союзников Рима комплектовались, вероятно, по такому же принципу, причем срок, на который призывались на службу италики, превышал таковой для римских граждан. Если войска долгое время оставались в одном регионе и под началом одного полководца, как, например, было в Испании под командованием Сципиона Африканского, появлялась возможность тщательнее обучить легионеров тактическим приемам и взаимодействию в бою. Однако за все следующее столетие мы не видим ни одного подобного примера, поскольку специфические условия для такого положения более не повторялись. Центурионы и солдаты, сделавшие военную службу своим ремеслом, обеспечивали некоторый процент профессионалов, однако вплоть до конца II века до н. э. этот процент был не слишком велик. Проследим теперь за тем, как изменился облик римского солдата, когда армия Рима сделалась целиком профессиональной.

Когда Марий в конце II века до н. э. отменил суровые имущественные цензы для подлежащих призыву граждан, он получил солдат, для которых не было другого будущего, кроме службы в армии, и именно с этого момента служба в римском легионе стала профессиональной. Дополнительным фактором, укреплявшим преданность солдат, была общность интересов, возникшая в то время между ними и их полководцами. Римское государство снимало с себя всякую ответственность за ветерана, после того как его служба в легионе подходила к концу. Легионер, таким образом, смотрел на своего полководца как на единственный шанс, дослужившись до пенсии, получить при выходе в отставку полагавшиеся ему денежную премию и земельный участок [15]. Об этом факторе, игравшем важную роль в последние десятилетия республики, я подробнее расскажу в лекции, посвященной полководческому искусству.

Еще одним изменением, оказавшим существенное влияние на характер римского солдата, было появление в составе легиона когорт – подразделений примерно эквивалентных батальону. Процесс этот начался еще во времена Сципиона Африканского, но завершился лишь ко времени реформ Мариа [16]. Образование когорт расширило возможности легиона, сделав его в конечном счете более универсальным и независимым подразделением. Вместе с тем возросли требования к боевой подготовке легионеров, от которых теперь требовались не только боевые навыки, но и навыки строителя и даже ремесленника. Эти изменения сделали легионера профессиональнее, теснее связали его с полководцем и сделали его зависимым от навыков и подготовки его непосредственного командира – центуриона. Насколько перемены отразились и на союзниках Рима италиках, судить довольно трудно, но они, несомненно, должны были оказать какое-то влияние на них. Однако, когда миновал кризис, вызванный Союзнической войной в начале I века до н. э., римская пехота стала абсолютно однородной

по своему составу, и войска союзников теперь ничем не отличались от собственно римских легионов. Римская армия стала профессиональной и была теперь предана в большей степени своим полководцам, чем своему правительству. Эта армия сохранила свой итало-римский характер, чувство собственного превосходства по отношению к наемным армиям соседних государств, сохраняла стойкость и дисциплину, по крайней мере до тех пор, пока верила в своего полководца. Центурионы по-прежнему мечтали о жизни зажиточного гражданина после отставки, хотя они всегда были готовы вновь стать под знамена по призыву именитого военачальника. Прекрасно подготовленные войска поздней республики, возможно, были лучшими солдатами, которых когда-либо видел мир. Империя унаследовала военные традиции республики, и Август сумел привить этой армии твердую преданность принцепсу, а через него и самому Римскому государству.

До сих пор я старался описать лишь некоторые особенные отличительные качества римского солдата. Теперь я должен попробовать дать количественную оценку людским ресурсам Рима.

Уже во времена ранней республики численность населения Рима превосходила численность ближайших соседей римлян – латинов. Последние, в свою очередь, были, насколько можно судить по имеющимся скудным сведениям, более многочисленны, чем окружавшие их италийские народы [17]. Римляне поступили мудро, заключив союз со своими соседями герниками и латинами. Занимая положение между этрусками и латинами, Рим служил своего рода щитом для последних, чем обеспечивал их преданность новому альянсу. До тех пор пока римляне сохраняли внутреннее единство, их сил было достаточно для отражения внешних угроз и они могли не уклоняться от встречи со своими врагами. С другой стороны, потребность в частой мобилизации всех людских ресурсов государства в совокупности с тем, что каждый римлянин, призывавшийся на службу, мог сам видеть поле боя и гордиться силой своего отечества, заставляла патрициев быть сговорчивее, а плебеев лояльнее по отношению к властям республики и представителям высших слоев общества. Опасность со стороны этрусков уменьшилась, зато появилась новая угроза, на сей раз со стороны галлов. В этой ситуации соседи Рима, хотя и были уже обеспокоены его стремлением к доминированию в регионе, не решились бы перед лицом новой угрозы нанести им удар в спину. Дальновидной политикой Риму удалось искусно использовать самнитов в борьбе с латинами, а затем покончить уже с самнитами, заключив союз с латинами и другими италиками [18].

Противостояние равнин и холмов завершилось установлением римского господства в Центральной Италии. Отчасти по воле случая, отчасти благодаря целенаправленной политике, Риму всякий раз удавалось обеспечивать себе численное преимущество на войне. Первая Пуническая война стоила жизни многим жителям Италии, но к тому моменту, когда Риму пришлось встретиться со своим главным врагом – Ганнибалом, он сохранял значительное преимущество в людской силе, а по завершении войны у Рима образовался значительный резерв хорошо обученных и прошедших школу реальной войны солдат. В следующие пятьдесят лет почти непрерывные войны на севере Италии и в Испании поставили перед республикой новые проблемы с потребностью в людской силе, и не все эти проблемы республика оказалась в состоянии своевременно решить. Римляне продолжали помогать противникам Филиппа Македонского и в том числе посылкой своих войск. Одним из важнейших принципов римской внешней политики было то, что Рим сам по себе должен как минимум не уступать по силе своим союзникам. На практике этот принцип, унаследованный затем и империей, означал, что военные силы Рима должны пропорционально увеличиваться по мере расширения государства и сферы римского влияния. Во II веке до н. э. этот принцип регулярно нарушался ввиду частого использования союзных италийских контингентов в войнах на удаленных театрах военных действий, поскольку италики и римляне в тот период не составляли еще единого целого в полном смысле. И когда недовольство италиков вылилось в Союзническую войну, Риму пришлось принять вынужденный компромисс, который превратил италиков в римлян, даровав им всю

полноту прав, но вместе с тем этот шаг значительно увеличил число собственно римских граждан, это решение увеличило и военный потенциал Рима, что во многом и сделало возможным то небывалое ранее расширение сферы римского влияния, которое произошло в течение сорока лет после Союзнической войны. Хотя сама римская армия в значительной степени повинна в упадке старой республики, те же самые легионы обеспечили долгое существование Римской державы, а преимущественно западный характер легионов предопределил сохранение центра государства на западе империи.

Наконец, остается еще вопрос о том, какую значимость имели с точки зрения римлян те или иные рода войск. Войну на море и усилия, которые римляне предпринимали в этом отношении, мы рассмотрим в следующей лекции. Сейчас следует отметить, что, хотя в римской армии вплоть до конца II века до н. э. имелись значительные контингенты кавалерии, а союзники Рима выставляли еще большее число всадников, королевой на поле боя для римлян всегда оставалась пехота. Стремена были неизвестны в Античности, а без стремян всадник уподоблялся регулярно падавшему со своего коня Белому рыцарю из «Алисы в Зазеркалье». Этот недостаток так или иначе научились преодолевать, и в греческой истории есть прецеденты, когда сражения выигрывались за счет удачных действий кавалерии. Но римляне все же по своему характеру больше отдавали предпочтение пехоте, и кавалерия играла сугубо вспомогательную и второстепенную роль в сражениях римской армии. В Античности кавалерия, как правило, чаще пользовалась метательным оружием – дротиками, луками и т. д. Римляне попросту считали такое оружие недостаточно эффективным и, хотя некоторые римские полководцы – особенно Лабиев – посвящали немало времени отработке взаимодействия пехоты и кавалерии, обычно всадников набирали вместе с пращниками и лучниками среди населения зависимых или покоренных Римом стран, там, где использование такого оружия было национальной традицией. Таким образом, основные черты характера римского солдата сохранялись неизменными, а легионы, особенно в своем реформированном виде в последние годы республики, были основой римской армии.

Рим стал ведущей военной силой во всем Средиземноморье, а его легионы доминировали на полях сражений. Исход многих войн был предопределен еще до их начала, и со временем военное преобладание Рима дало эффект поистине мирового масштаба. Если бы Рим, отказавшись от легионной тактики боя, больше полагался на пращников, лучников и кавалерию, это, пожалуй, дало бы странам, для которых эти виды оружия были традиционными, больше шансов выстоять. Цезарь, признанный мастер легионной тактики, одерживал победы над врагом, чьи армии были намного разнообразнее по своему составу. Империя унаследовала от республики армию, доминировавшую на полях сражений античного мира, и в становлении и укреплении империи во многом заслуга именно этой армии.

Глава 2 МОРЕ

Еще со времен Мэхэна историки спорят, как могло получиться, что римляне так недооценивали значение морской силы, ее способность влиять на ход событий вдалеке от берегов Италии. Нельзя, конечно, сказать, что из этого правила совершенно не было исключений. Сам Мэхэн отмечал, что во Второй Пунической войне именно преобладание римского флота на море оказало решающее влияние на ход боевых действий. Однако следует признать, что немало справедливого содержится и в тех упреках, которые адресовал римлянам Моммзен за их неспособность понять преимущества владения морем. Они скорее были готовы вообще уничтожить морскую мощь, чем воспользоваться ею. За весьма редкими исключениями, римляне воевали на море лишь тогда, когда обстоятельства вынуждали их к этому. Высокая оценка тех преимуществ, которые давало обладание морем, хорошо отражена у греческих авторов V века до н. э., но совершенно не видна в сочинениях римских историков. Для римлян, так же как, например, и для спартанцев, во все времена

главным приоритетом оставалась армия, а не флот. Можно вспомнить, как во время атаки на афинян на пляжах Пилоса спартанский полководец Брасид призвал своих капитанов выбрасывать корабли на отмель, чтобы позволить гоплитам скорее вступить в дело [19]. В этом проявилась подлинная сущность спартанцев, стремившихся превратить морское сражение в подобие сухопутной битвы. Так же поступали и римляне. Согласно жизнеописаниям Плутарха, начальник одной из когорт заметил Антонию перед битвой при Акции: «Ах, император, ты больше не веришь этим шрамам и этому мечу и все упования свои возлагаешь на коварные бревна и доски! Пусть на море бьются египтяне и финикийцы, а нам дай землю, на которой мы привыкли стоять твердо, обеими ногами, и либо умирать, либо побеждать врага!» [20]

На настоящий момент считается, что этот эпизод у Плутарха, скорее всего, выдумка самого автора. Однако, надо признать, он неплохо отражает взгляды, обычные для римских солдат того времени. Известен случай, когда по приказу Нерона часть подразделений легионов, стоявших в Германии, была переведена в Александрию, а затем отозвана обратно [21]. Морское путешествие, которое они при этом совершили, оказало крайне негативное воздействие не только на моральный дух, но даже и на самочувствие солдат. Для римлян море всегда оставалось коварной и непредсказуемой стихией, и даже когда оно было спокойно, они в любую минуту ждали от него подвоха. Море было своего рода сфинксом, который время от времени требовал ответа на свои загадки, но от решения которых римляне всегда стремились уклониться, если была такая возможность.

Римляне относились к морю примерно так же, как и спартанцы, которые поднимались на борт корабля лишь при крайней необходимости, когда уже не было другого выхода. В 264 году до н. э. один карфагенский адмирал утверждал, что римляне смогут омыть свои руки в море лишь в том случае, если он позволит им это сделать [22]. Спустя всего четыре года римляне одержали над карфагенянами свою первую морскую победу. Помпею принадлежит известный афоризм – *Navigare necesse est, vivere non est necesse* [23] («Плыть необходимо, жить нет необходимости». – *Пер.*). В «Записках об Александрийской войне» [24] приводится рассказ о том, как офицер Цезаря – Ватиний – атаковал превосходящие силы Октавия, укомплектовав отставными ветеранами команды своих немногочисленных кораблей. «Хотя Ватиний видел, что ни величиной, ни числом своих судов он не может помериться с врагом, он предпочел пойти на риск, приняв сражение». Далее следует краткий рассказ о том, как Ватиний, сцепившись с флагманским кораблем неприятеля, сумел, уподобив таким образом морское сражение сухопутной битве, при помощи своих ветеранов одержать верх в абордажном бою. Наконец, не следует забывать и о том, что последнее великое сражение республики, определившее исход противостояния Октавиана и Антония, происходило на море вблизи мыса Акции.

Но, несмотря на отдельные исключения, римляне все-таки всегда старались одерживать победу в войне на суше. Можно даже сказать, что они стремились завоевать море на суше. В старые добрые времена англичане могли самодовольно отмечать, что Британии не требуются башни и бастионы для защиты берегов, и в полной мере ощущать на себе силу Королевского флота, оборонявшего эти берега. Римским эскадрам было не под силу оборонять берега Италии, однако республика стремилась решить эту задачу, размещая свои колонии таким образом, чтобы максимально затруднить неприятелю передвижения как вдоль побережья, так и в глубь полуострова. Если для греков море представляло собой открытую дорогу, то для римлян оно служило скорее барьером на пути к цели. Как правило, морские вопросы занимали далеко не первые места в расчетах римской стратегии.

При проведении своей внешней политики Римская республика в первую очередь заботилась о своих сухопутных границах. Вплоть до конца IV века до н. э. Рим почти совсем не интересовался морем и довольствовался тем немногим, что доставляла ему его слабо развитая морская торговля. Изначально Рим владел лишь небольшим участком побережья, и, когда флот соседнего города Анций разграбил его, Рим не стал создавать собственный флот, а лишь вынудил Анций сдать свои корабли, чьи носовые украшения были

поставлены на римском форуме. Ливий утверждает [25], что часть захваченных кораблей Анция была включена в состав римского флота, что, вполне возможно, и соответствует действительности, хотя прошло еще много лет, прежде чем в Риме был впервые утвержден институт *duoviri navales* (начальников флота, подчиненных непосредственно консулам года. – *Пер.*), каждый из которых командовал лишь небольшой эскадрой из десяти кораблей. В истории с Анцием [26] римляне избрали подход, которого придерживались потом не раз – вместо того, чтобы попытаться самим установить господство на море, они следили лишь за тем, чтобы никто из их соседей не создал флота, способного угрожать их интересам. Когда в 311 году до н. э. впервые назначили начальников флота, главной задачей, которую поставили перед ними, была поддержка сухопутных операций и обеспечение надежного сообщения с Кампанией. В течение следующих пятидесяти лет об их деятельности и вовсе ничего не было слышно. На основании этого можно предположить, что *duoviri navales* назначались только тогда, когда возникала необходимость в проведении какой-то конкретной операции на море [27]. Пиррова война началась из-за незначительного конфликта, возникшего между Римом и Тарентом по поводу нарушения морского соглашения одним из римских консулов. Потерпев поражение на море, римляне попытались взять Тарент с суши, а когда на стороне Тарента выступил Пирр, заключили союз с Карфагеном, что позволило им использовать могущественный флот пунийцев и избавило от необходимости строить свой собственный флот.

До начала войны на Сицилии, являвшейся естественным продолжением Итальянского полуострова, республика не сталкивалась с серьезной необходимостью вести масштабные действия на море. Теперь, когда Карфаген превратился из союзника во врага, Рим мог прочно установить контроль над островом только в том случае, если сумел бы обеспечить надежную связь со своими армиями на Сицилии по морю и одновременно максимально затруднить коммуникации неприятелю. Более того, добраться до вражеской столицы было возможно только по морю. Таким образом, по словам Полибия [28], римляне вынуждены были признать, что победа в этой войне будет возможна только в том случае, если Карфаген будет побежден на море и утратит контроль над ним. В конце концов республике пришлось мобилизовать все средства на создание военно-морских сил. Двадцать лет успехи чередовались с бедствиями, причем последние чаще происходили по причине штормов, чем непосредственно от действий неприятеля. Создание флота легло тяжелым бременем на население Италии, но в конце концов именно окончательная победа над карфагенским флотом решила обе основные задачи войны – карфагенские армии оказались заперты на Сицилии, а римляне смогли организовать вторжение в Африку, и Карфаген уже не имел шансов перегруппировать силы и отразить его, как он сделал за пятнадцать лет до этого.

Римский флот находился на службе у римской же армии, да и сам характер морской войны с ее случайностями, непредвиденными обстоятельствами и катастрофами был чужд римлянам. Энтузиазм, сопровождавший первые успехи на море, быстро угас. Своими ранними победами римляне во многом обязаны приспособлению (так называемый *ворон* (лат. *corvus* – «ворон»). – *Пер.*), которое позволило легионерам демонстрировать свои лучшие качества в абордажном бою, а учителями римлян в морском деле стали сами карфагеняне – *Fas est et ab hoste doceri* («учиться позволено и у врага». – *Пер.*).

Еще меньше римляне стремились заменить Карфаген в роли ведущей морской державы и превратить Западное Средиземноморье в *mare clausum* – внутреннее море. Они вполне удовлетворялись тем, что обезопасили от карфагенян моря, омывающие берега Италии. Рим при заключении мирного договора даже не стал оговаривать ограничения численности карфагенского флота, хотя нет сомнений в том, что всякая попытка возрождения морского могущества Карфагена была бы встречена Римом крайне враждебно. Количественные оценки морских операций Первой Пунической войны показывают, что флот Карфагена обыкновенно насчитывал около 130 боевых кораблей, но при необходимости мог выставлять и до 200. Когда возникла необходимость воевать на море, Рим легко превзошел врага, и к концу войны его морские силы численно далеко превосходили те 200 кораблей, которые

имел в своем распоряжении Карфаген.

Ни разу за время Второй Пунической войны Рим не уступил врагу господства на море. За исключением отдельных удачных операций на море [29], Карфаген никогда не мог оспорить римского господства на море и даже не имел средств надежно обеспечить свои коммуникации или поддерживать связь со своими союзниками. Слабость морских сил Карфагена сделала Филиппа V, по существу, лишь пассивным наблюдателем в этой войне. Как указывает Мэхэн, именно господство римского флота в морях между Италией и Испанией затруднило снабжение армии Ганнибала. Карфаген не мог ни поддержать антиримское движение на Сицилии, ни даже быть уверенным в безопасности своих собственных берегов, в результате чего пребывал в постоянном страхе перед возможностью высадки римлян в самой Африке. В начале войны только неожиданное вторжение Ганнибала в Италию не позволило римлянам окончить войну одним ударом по карфагенской метрополии, зато, когда момент высадки Сципиона в Африке наконец настал, Рим мог уже не опасаться за свои морские коммуникации. И все же господство римлян на море не могло быть полным – карфагенские корабли почти без помех и риска встречи с превосходящими силами Рима могли достигать союзных гаваней, что демонстрирует несколько ограниченные возможности морской силы в Античности.

Мирный договор, завершивший это долгое противостояние, обязывал Карфаген ограничить свой флот десятью боевыми кораблями. Римляне вообще стремились, кажется, только к тому, чтобы не допустить появления в Средиземном море флота, способного представлять для них угрозу. Им было на руку серьезнейшее ослабление македонского флота, произошедшее из-за нехватки средств на его строительство и содержание. Не вызывает сомнения, что именно начавшееся при Филиппе V возрождение флота Македонии стало одним из факторов, побудивших римлян начать с ним войну. Во время Второй Македонской войны и войны с Антиохом Рим прибегал к помощи союзных флотов Родоса и Пергама, однако сенат всегда зорко следил за тем, чтобы республика не слишком впадала в зависимость от таких союзников и чтобы флоты их не сделались сильными настолько, что стали бы представлять опасность уже для самого Рима [30]. В течение первых десятилетий II века до н. э. Рим возродил институт *duoviri navales* и содержал в постоянной готовности небольшие эскадры, необходимые для действий против истрийских и лигурийских пиратов [31].

Однако в целом римский флот все больше и больше приходил в упадок. Республика рассчитывала, что в случае большой морской войны сможет быстро нарастить свои морские силы и возродить флот, а содержать корабли в мирное время, когда большой потребности в них не было, считалось слишком накладным.

Эти изменения во взглядах римских политиков хорошо видны из мирных договоров с Македонией (197 до н. э.) и Сирией (188 до н. э.). Македонии согласно договору дозволялось иметь лишь шесть боевых кораблей, а флот Сирии ограничивался десятью судами, причем им запрещалось покидать Восточное Средиземноморье. Египет сохранил свои морские силы, но теперь его флот был лишь тенью великих флотов III века до н. э. и не представлял почти никакой угрозы для Рима. Римская политика в отношении флота, кажется, вообще сводилась лишь к тому, чтобы устранить саму необходимость в нем.

Рим в итоге так и не создал своей талассократии и не выработал никакой долгосрочной политики в отношении моря. Эти функции во многом взял на себя союзник Рима – Родос, и в конечном счете именно это и подорвало его силы. К концу II века до н. э. Восточное Средиземноморье наводнили пираты, представлявшие для республики угрозу, которую она тем не менее не спешила устранять, хотя и имела к тому все необходимые средства [32]. К самому концу II века до н. э. относятся свидетельства о том, что римляне потребовали от зависимых государств в Восточном Средиземноморье закрыть пиратам доступ в их гавани. Возможно, эти действия представляли собой часть масштабной операции, спровоцированной политическими неурядицами в самом Риме, однако они хорошо отражают основную линию римской политики – безопасность на море должна достигаться контролем за побережьями.

Сама по себе эта концепция была уже не нова. Например, еще во второй половине III века до н. э., когда иллирийские пираты стали причинять значительный урон италийской торговле на Адриатике, Рим в ответ предпринял масштабную военную экспедицию и установил протекторат над иллирийским побережьем. Со временем на берегах Италии возникало все больше приморских колоний Рима, которые служили защитой от набегов, помогая одновременно бороться с контрабандой. Посланная против лигурийских пиратов эскадра добилась победы и на море и уничтожила их корабли, однако римляне продолжали преследовать пиратов и на суше, чтобы добить или захватить в плен бежавших и лишить их возможности заниматься своим преступным промыслом [33]. Рим конфисковал после завершения войны корабли иллирийских союзников македонского царя Персея [34], а затем предпринял еще серию военных экспедиций в Далмацию, которые отбили охоту конфликтовать с республикой у тамошних пиратов.

Однако нежелание сената увеличивать расходы на римские провинции возложило на союзнические флоты такую нагрузку, которую они уже не могли вынести. Неуклонно слабевшие эллинистические державы с трудом могли исполнять свои союзнические обязательства по отношению к Риму. В последнее столетие республики их флоты были уже весьма малочисленными, но даже их стало трудно собирать, когда в этом возникала необходимость. Когда Митридат бросил вызов Риму, флот его был далеко не столь велик, как можно было бы заключить исходя из сочинений античных авторов. Римские губернаторы мало что сделали для того, чтобы собрать корабли для защиты своих провинций от пиратов, а саму республику от необходимости заново создавать флот во время Третьей войны с Митридатом спасло только то, что морской флот последнего был фактически распущен после заключения альянса с пиратами. Малые государства Средиземноморья тщетно ожидали спокойствия и установления на морях римского владычества, подобного тому, что существовало на суше.

В полную противоположность вялой и неэффективной политике на море, римский полководец Сервилий провел энергичные и весьма успешные сухопутные операции в Памфилии и Киликии – традиционных центрах средиземноморского пиратства. Против Крита, также служившего убежищем для пиратов, Рим действовал с меньшим успехом. Вообще, опасность, исходившая от пиратства, была наконец-то осознана и, если раньше Рим видел в пиратах лишь постоянный источник новых рабов, пополнявших рынки республики, то теперь размах их деятельности угрожал голодом Италии, зависевшей от поставок продовольствия по морю. Лукулл смог разбить Митридата и предпринял затем некоторые меры для восстановления союзных флотов. Однако обстоятельства требовали более масштабных и скоординированных мероприятий. Рим решил одним ударом покончить с пиратством. Был собран большой флот, который смог загнать пиратов в их гавани, и Рим довершил на суше то, что было начато на море. Помпей раньше других понял все преимущества комбинированных действий флота и армии. Он завершил начатое Лукуллом, а его успехи на востоке вместе с присоединением Крита и Киренаики позволили наконец Риму взять под полный контроль побережья Средиземного моря. В самом Средиземноморье, как уже упоминалось, к тому моменту, помимо самой республики, только союзный Риму Египет располагал сколько-нибудь существенными морскими силами.

Сейчас уже невозможно точно установить, сколько именно кораблей было построено для Помпея, однако к началу гражданской войны морские силы Рима в Средиземном море были представлены главным образом кораблями союзных флотов. Некоторое количество боевых судов было построено Цезарем во время войны в Галлии и для высадки в Британии. К тому моменту, когда Цезарь установил контроль над Италией, его морские силы по численности достигали примерно половины от того, что имели его противники. Подобно тому, как исчез персидский флот, когда успехи Александра лишили его гаваней, Цезарь своими победами на суше подорвал морскую мощь своих противников. Такой характер действий был во многом вынужденным, однако примечательно, что величайший полководец Рима даже не пытался установить подлинный контроль над морем и был принужден

полагаться на удачу, храбрость и стойкость своих войск, чтобы хоть чем-то компенсировать стратегические слабости такого положения. Перед решающей битвой при Фарсале адмирал Помпея Бибул имел под своим началом от 200 до 300 боевых кораблей против немногочисленных кораблей Цезаря. Этот факт, впрочем, не помешал последнему успешно переправить семь легионов через Адриатическое море. Антоний вскоре перевез и остальную часть армии, хотя лишь случай, переменивший направление ветра, позволил ему избежать встречи с вражеским флотом, несомненно стоившей бы ему многих потерь. Как бы то ни было, в результате гражданских войн римское господство на Средиземном море лишь усилилось. После гибели Цезаря Секст Помпей постарался поставить под свой контроль Западное Средиземноморье и даже какое-то время угрожал голодом Италии. Флоты Восточного Средиземноморья в основном заняли сторону Кассия и Брута, и все же Октавиан и Антоний сумели одержать верх в битве при Филиппах и решить задачу снабжения крупнейшей сухопутной армии, которую Рим когда-либо выставлял на поле боя, невзирая на превосходство их противников на море. Антоний, получив после победы восточную половину Римского мира, был готов обменять свои корабли на легионы Октавиана, и именно эти корабли вместе с новым римским флотом, построенным Агриппой, в конце концов помогли разбить Секста Помпея. Когда триумвиры превратились из союзников во врагов, Антоний, опираясь на экономическое могущество Египта, сумел создать громадный флот, способный помериться силами с эскадрами Октавиана, и, по иронии судьбы, последняя великая битва Римской республики состоялась именно на море.

Тем не менее стратегия, кульминацией которой стала битва при Акции, была в большей степени сухопутной, нежели морской, и ее подлинные цели лежали на суше. Своей победой над Секстом Помпеем Агриппа был в значительной степени обязан большему размеру новых типов римских кораблей. Задачей Антония было создать флот, по численности и размеру кораблей не уступавший флоту Агриппы, и, следует заметить, эту задачу ему вполне удалось решить. Со своими плохо подготовленными корабельными командами, Антоний видел свой главный шанс в том, чтобы заставить противника сражаться на своих условиях и превратить морское сражение в подобие сухопутной битвы. Он в большей степени полагался на свои полководческие таланты на земле и рассчитывал добиться преимущества в сухопутной битве, если только неприятель сам не даст ему шанса победить на море. Агриппа поставил Антония в такие условия, когда тот был вынужден сражаться на море, чтобы не проиграть дела на суше. Пользуясь пассивностью неприятельского флота, Агриппа полностью контролировал ход сражения, которое Антоний в конечном итоге проиграл безоговорочно. Флот не оправдал его надежд, а поражение на море предопределило и исход кампании на земле. Главное значение битвы при Акции состоит в том, что она позволила избежать повторения битвы при Филиппах.

После победы при Акции уже ничто не угрожало военному превосходству Октавиана. Политические же последствия этой битвы сейчас не должны нас волновать. Для нас важно лишь то, что никакая сила уже не могла угрожать безопасности Средиземного моря, превратившегося для империи в то, чем оно никогда не было для республики, – *mare nostrum* (наше море. – *Пер.*). Черное море по-прежнему периодически требовало внимания Рима, но Средиземное на какое-то время стало даже безопаснее, чем во времена Помпея, очистившего его от пиратов. Трех, а впоследствии двух эскадр на западе в совокупности с незначительными разрозненными силами в Восточном Средиземноморье оказалось вполне достаточно для того, чтобы поддерживать безопасность судоходства. С присоединением Египта исчез и последний неримский флот в Средиземном море.

Вкратце изучив военно-морскую историю республики, мы можем теперь попробовать понять, почему Рим с его отрицательным отношением к морю вообще был столь удачлив в морских войнах. Во-первых, имеется несколько общих факторов, имеющих отношение к античному морскому искусству в целом [35] . Корабли той эпохи были хрупкими и неповоротливыми. Условия самого Средиземного моря не способствовали плаванию под парусами, а парусный корабль сам по себе плохо подходил для главенствовавшей в то время

таранной тактики и абордажного боя и был уязвим для огня метательных машин, которые несли на себе тяжелые корабли обоих флотов при Акции.

Поскольку корабли были хрупкими и недостаточно мореходными, они были вынуждены держаться вблизи берегов и укрываться в гаванях во время бурь и штормов на море, а такой характер их движения в сочетании с невысокой скоростью самих кораблей делал перемещение флотов чрезвычайно медленным. Корабли, предназначенные для нанесения таранного удара, требовали большого числа гребцов, чтобы иметь перед ударом достаточные скорость и импульс. При переброске армий по морю на кораблях размещалось столько воинов, что даже возросшие размеры самих кораблей не позволяли размещать их с удобством. Таким образом, корабли не могли принимать на борт достаточное для долгого пребывания в море количества пищи и воды. Древние флоты не могли действовать на большом удалении от берега. К примеру, когда Ганнибал овладел Тарентом в Южной Италии, то римляне не смогли долго поддерживать морскую блокаду города, поскольку карфагеняне лишили их возможности пользоваться окрестными гаванями [36]. Для тесной блокады требовались опорные пункты на берегу или близлежащих островах, дальняя же блокада была почти неосуществима, поскольку корабли того времени не могли долго оставаться в море. При попутном ветре транспортные и торговые корабли вполне могли обгонять галеры. Медленные и неповоротливые тяжелые корабли не могли перехватить их. Для хрупкой триремы попытка таранить прочный корпус транспорта могла закончиться весьма плачевно, а число воинов на ней было недостаточно для абордажного боя и тем более для выделения призовой команды на захваченное судно. Морские битвы не приносили даже пленников, которые могли быть проданы в рабство. Трудности в навигации и управлении заставляли флоты держаться в плотном строю и тем еще больше сковывали их подвижность. С наступлением темноты видимость снижалась почти до нулевой, и шанс встретить неприятеля ночью был минимален. Насколько мне известно, во всей античной истории есть лишь один пример, когда армия была перехвачена в море на транспортах и уничтожена [37].

Не подлежит сомнению та выдающаяся роль, которую морская сила играла в политике и торговле Эгейского мира. В Западном же Средиземноморье морская мощь обеспечила Карфагену относительную безопасность в пределах Африки и преимущественное положение в торговле. В глазах римских политиков торговля не занимала столь важного места, зато слабые стороны античных флотов резко снижали их ценность по сравнению с легионами в качестве инструмента достижения победы. Во время войны морская мощь действует медленно и постепенно, зачастую война выигрывается на суше задолго до того, как эффект от действия морской силы может начать сказываться. В качестве примера уместно привести Франко-прусскую войну, в которой преобладание Франции на море никак не сказалось на исходе скоротечной войны на суше. В 1796 году Нельсон писал: «Мы, англичане, должны лишь сожалеть, что мы не всегда можем решать судьбу нашей империи на море». Римляне вряд ли согласились бы с ним. Мы должны иметь в виду, что флоты того времени, составленные из гребных судов, были независимы от ветра. Главным ограничением для их подвижности была усталость гребцов. Как писал Мэхэн, «принципы, определяющие ход крупных морских операций, одинаковы и применимы ко всем эпохам, что следует из истории. Однако возможность их проведения независимо от погоды была достигнута лишь недавно» [38].

Сама эпоха в развитии кораблестроения, во время которой Рим впервые был вынужден вести серьезную войну на море, оказала значительное воздействие на отношение римлян к этой войне. До начала III века до н. э. основным боевым кораблем античных флотов оставалась быстроходная и маневренная трирема. Основным оружием триремы был таран, которым она пробивала борта вражеских судов или ломала их весла с целью лишить их подвижности. В IV веке до н. э. в составе флотов стали появляться квадриремы, представлявшие собой несколько увеличенную версию прежней триремы. Флоты эллинистических государств III века до н. э. отдавали предпочтение гораздо более крупным судам. В тот же период основным кораблем во всех флотах становится квинкверема, хотя

сохраняются в некотором числе и более мелкие корабли. Карфаген в общем следовал в русле тех же тенденций, которые мы отмечаем во флотах эллинистических государств, и, когда Рим был вынужден вступить с Карфагеном в схватку за господство на море, ему пришлось выработать свой собственный, римский тип квинкверемы. Греческие города Италии, вероятно, продолжали использовать трирему в качестве основного боевого корабля, но римляне все-таки отдали предпочтение квинквереме. Экономический потенциал Италии вполне позволял строить такие корабли в большом количестве, к тому же они требовали значительно меньших навыков от гребцов и команды, лучше подходили для перевозки войск и в целом больше соответствовали римским представлениям о войне на море. Введение абордажного ворона – разновидности штурмового трапа с железными крюками или шипами, обеспечивавшими надежную сцепку судов, – было логическим продолжением этих представлений.

Введение в состав флота сравнительно тихоходных квинкверем и даже еще более крупных судов ограничило доступный набор тактических приемов и возможности для маневрирования во время боя, и лишь немногие флоты, за исключением родосского, последовали примеру римлян. Таким образом, развитие кораблестроения до некоторой степени избавило римлян от необходимости долгими тренировками совершенствовать свое мореходное искусство. Они стали больше полагаться на импровизацию, чем на бережно сохраняемые и поддерживаемые морские традиции. Римский флот, составленный из квинкверем, мог легко сломить сопротивление противника, корабли которого обычно уступали в размерах, а в абордажном бою решающим фактором становились уже опыт и стойкость римских легионеров. С другой стороны, такой флот был ограничен в своих тактических и стратегических возможностях ввиду сравнительной тихоходностиTM его кораблей, и главной задачей римского флота, как правило, было скорее проложить дорогу легионам, чем устанавливать господство на море, сражаясь с неприятельскими эскадрами. Такой флот мог вполне успешно справляться с охраной и сопровождением конвоев и кораблей с продовольствием, шедших в Италию, для которой доставка провизии морем превратилась в жизненно важную необходимость. В целом римский флот всегда обслуживал интересы римской армии. Республика старалась меньше зависеть от моря и там, где это было возможно, перемещать свои армии по сухопутным дорогам. Римская морская политика достигла своей кульминации, когда Рим полностью подчинил себе берега Средиземного моря.

Глава 3 ЗЕМЛЯ

Римское военное искусство развивалось постепенно. Сколь бы воинственны ни были римские цари, но ранняя республика в большей степени была сосредоточена на обороне. Ливий в своих сочинениях пытается убедить читателя в том, что именно враждебное отношение к Риму со стороны соседей подтолкнуло его к завоеваниям. Однако следует помнить, что государствам свойственно легко убеждать даже самих себя в том, что именно они ведут справедливую войну, и мы вправе полагать, что ответственность за развязывание войн с соседями в равной степени лежала и на республике, хотя римские историки и пытаются убедить нас в обратном. Как бы то ни было, на первых порах Римская республика действительно не стремилась к завоеванию своих соседей. С герниками и латинами римляне даже заключили союз, а жившие к северу от Тибра этруски, невзирая на отсутствие у них политического единства, сами представляли угрозу республике. Угроза объединения этрусков была серьезной проблемой для Рима, поскольку в этом случае он мог быть отрезан от своих италийских союзников. Чтобы устранить ее, республика провела целую серию войн против своих соседей этрусков, и войны эти стали тяжелым испытанием на прочность для их недавно образовавшегося трехстороннего союза. Следует отметить, что Рим даже совместно со своими союзниками не превосходил в людских ресурсах своих неприятелей и что он не предпринимал никаких попыток завоевать горные области, занятые вольсками, а

ограничивался лишь отражением их постоянных набегов. В начале IV века до н. э. Рим покорил этрусский город Вейи и образовал, таким образом, буферную зону к северу от Тибра, служившую защитой для собственно римских территорий. Республика постепенно превращалась в гегемона внутри своего союза, который, после устранения угрозы со стороны вольсков и эквов, все больше превращался в инструмент собственно римской политики. Равнины Лация, казалось, были в полной безопасности, а этруски день ото дня становились все слабее. Тем не менее распространению римского влияния препятствовал тот факт, что свою армию Рим мог мобилизовать лишь на время короткой летней кампании. Эту проблему удалось решить введением платы за военную службу в тех случаях, когда, как, например, во время осады, военные операции затягивались на длительный срок.

Затем пришла новая и на сей раз действительно страшная угроза – вторжение галлов, которым почти удалось уничтожить само Римское государство. После того как волна галльского вторжения откатилась обратно на север и Рим сумел восстановить свою мощь, на повестку дня встал вопрос о расширении римского влияния на Апеннинах. Север полуострова к тому моменту занимали галлы, а в южной части была сильна конфедерация самнитских племен, стремившаяся расширить свои владения за счет примыкавших равнинных областей. Рим сумел оттянуть столкновение с самнитами, заключив с ними союз и направив их против своих прежних союзников латинов. Такой союз не мог, разумеется, быть долговечным, и спустя некоторое время началась череда военных конфликтов, получивших название Самнитских войн [39]. Римская армия, хотя и многому научившаяся у галлов, все еще не могла эффективно действовать в горах, и римляне были вынуждены долгое время ограничиваться обороной равнин и блокадой горных проходов. В этой войне римляне, которые уже не раз использовали своих союзников в качестве своеобразного щита, в полной мере смогли оценить преимущества владения колониями и укрепленными пунктами, расположенными в стратегически выгодных местах. Оценили они и выгоду от хорошей дорожной сети, расходившейся из Рима. По своим дорогам римляне могли перебрасывать армии значительно оперативнее, чем это делали их враги. После сражения в Каудинском ущелье инициатива перешла в руки Рима, и его армии стали разорять исконные самнитские территории, причем, надо отметить, они стремились не столько занять города самнитов, сколько разрушить и опустошить их. Кроме того, римляне стремились изолировать своего неприятеля, для чего провели серию военных операций к югу и к северу от самнитских областей, а также заключили несколько союзов с соседними племенами. Самниты в ответ попытались соединиться с галлами на севере и пройти затем в Этрурию [40]. Однако римляне смогли сконцентрировать большие силы в месте сбора неприятельских сил, и последовавшая затем битва при Сентинуме решила судьбу Центральной Италии. Римляне сполна воспользовались плодами своей победы, превратив захваченные земли в своего рода щит для самого Рима. Последовавшие затем военные действия позволили радикально решить вопрос с перенаселением в южной части полуострова и вынудить самнитов к бездействию, что в тех условиях было равносильно миру. К концу первого десятилетия III века до н. э. состав римского гражданства значительно увеличился за счет расширения избирательного права, а сам Рим усилился новыми союзниками в Италии. К тому моменту горы Апеннинского полуострова уже перестали представлять для римлян угрозу.

Со временем римской армии приходилось действовать все дальше и дальше от дома, что поставило на повестку дня важнейший вопрос о снабжении армии, находящейся в походе. В союзных Кампании и Лации это не представляло больших проблем, а к югу и востоку от Самния у республики также имелись союзники, обеспечивавшие продовольствием римские армии, действовавшие в этом регионе. В пределах Самния римляне действовали в соответствии с принципом, сформулированным Катонем Старшим, – *Bellum se ipsum alet* («Война кормит сама себя». – *Пер.*). Но и в этом случае Рим должен был по достоинству оценить преимущества, которые давала при доставке снабжения армии хорошая дорожная сеть. Речной транспорт в условиях Италии мало чем мог помочь в

решении этой задачи, и у нас нет достаточных сведений, чтобы утверждать, что римляне сколько-нибудь активно использовали для снабжения армий морской транспорт, да и в любом случае сражения на суше происходили, как правило, на значительном удалении от берегов моря. Характер проводимых операций predetermined сравнительно небольшую численность армий, обычно насчитывавших два легиона – соединение достаточно большое, чтобы действовать самостоятельно, и вместе с тем его было еще сравнительно несложно снабжать на большом удалении от дома. Войнами с галлами и самнитами Рим к тому времени заслужил репутацию своего рода защитника цивилизации и культуры и, исходя из этого, вполне мог рассчитывать на поддержку греческих городов Южной Италии. Война с Тарентом и Пирром была скорее исключением из общего правила, хотя римские и латинские колонии мешали как эфирскому царю, так и грекам. Однако борьба за господство на Сицилии во время Первой Пунической войны стала трудным испытанием для римской изобретательности как на суше, так и на море. Союз с Сиракузами и взятие Агригентума передали в руки республики ресурсы греческой Сицилии, однако упорное сопротивление карфагенян в западной части острова вынудило римлян организовать и поддерживать систему сухопутных конвоев, доставлявших снабжение сицилийским армиям, в чем римляне, надо отметить, вполне преуспели [41]. Африканскую экспедицию Регула снабжать было неизмеримо сложнее, и в результате половина армии была отозвана в течение зимы, чтобы хоть как-то облегчить положение. Изгнание карфагенян из Сицилии и последовавшее вскоре присоединение Корсики и Сардинии снимали многие трудности в отношении снабжения армий, действующих в Африке. Вполне возможно, что при аннексии этих островов римляне заранее имели в виду возможность того, что в будущем может снова возникнуть необходимость отправки армии в Африку.

В годы, предшествовавшие Второй Пунической войне, большую проблему для римлян представляли галлы, населявшие северную часть Апеннинского полуострова. Армии, действовавшие в этом регионе, находились слишком далеко от Рима, и их становилось крайне трудно снабжать на таком удалении от дома, поскольку доставлять грузы даже по реке По было весьма небезопасно. С другой стороны, страна была богата зерном, составлявшим основу рациона римских легионеров, и мы вполне можем предположить, что римляне устраивали склады зерна на удаленных базах снабжения. Во всяком случае, Ганнибал обнаружил такие склады, заполненные провизией, когда он вторгся в Северную Италию. Во время операций, завершившихся битвой при Треббии, Рим доказал свою способность снабжать одновременно две консульские армии, действующие совместно, для чего пришлось, правда, доставлять грузы по рекам Северной Италии. Стратегия Фламиния в следующем году объясняется стремлением разбить Ганнибала в решающем сражении объединенными силами обеих консульских армий, подобно тому как восемью годами ранее были разбиты при Теламоне галлы. Пока Фламиний гонялся по Италии за Ганнибалом, его коллега Сервилий готовил в Ариминуме свою армию к походу на юг. Вполне возможно, что своим поворотом на восток Ганнибал сознательно заманил Фламиния в ловушку. Римский полководец ухватился за возможность нанести врагу поражение, результатом чего стала битва при Тразименском озере, закончившаяся для римлян катастрофой. Римской обороны больше не существовало, и некому было помешать Ганнибалу двинуться на юг. Как бы то ни было, но даже и после сокрушительного поражения при Каннах римская диспозиция в Центральной Италии вполне себя оправдала. Опираясь на многочисленные города и крепости, брать или осаждать которые Ганнибал не имел достаточных сил, римские армии могли контролировать регион, даже не вступая в сражение. Когда Капуя, второй по величине город Италии, перешла на сторону Карфагена, римляне оказались вполне в состоянии провести успешную осаду и не поддаваться паническим настроениям. Более того, Карфаген не мог перебрасывать подкрепления своей армии из Цизальпинской Галлии, а блестящий бросок консула Гая Клавдия Нерона, успевшего присоединиться ко второй консульской армии Марка Ливия Салинатора перед сражением при Метавре, был возможен лишь благодаря тому, что римляне прочно контролировали центральное Адриатическое побережье

Италии. Нисколько не принижая силу и достижения республики, следует отметить, что она в этой ситуации многим была обязана своей прошлой политике и успехам в Центральной Италии. Необходимость поддерживать снабжение армий в Испании и Сицилии, а затем и в Африке дала римлянам весьма полезный новый опыт в военном деле. На примере осады Сиракуз мы можем отметить, что римляне старались поддерживать на высоком уровне санитарные условия в расположении своих войск, что позволило им избежать чумы, от которой страдали союзники Сиракуз [42]. В Испании армии при продвижении вдоль берегов поддерживались с моря римским флотом, а в боевых действиях на Балканском полуострове римляне впервые использовали воинские контингенты своих заморских союзников.

В ходе Второй Пунической войны Рим вполне успешно справлялся с проблемами, возникавшими в хорошо знакомых ему регионах – в Италии к югу от реки По и на Сицилии. Испания же представляла собой новый и малознакомый римлянам театр военных действий. Рим сконцентрировался на приморских равнинах юго-востока Испании, которые составляли ядро карфагенских владений в Испании. Сами испанцы, особенно жители горных районов страны, кажется, совершенно не вмешивались в борьбу Рима и Карфагена, предоставив их самим себе, хотя часть из них и служила наемниками в карфагенской армии. После победы Рим легко присоединил те территории, которые раньше принадлежали карфагенянам. Однако в следующем столетии Рим восстановил испанцев против себя, хотя временами сочетанием твердой руки с уступками местному населению и удавалось ненадолго принести мир в Испанию. Есть свидетельства, что для охраны дорог римляне устраивали укрепленные лагеря [43], но покорить нагорья им все-таки не удавалось. Рим потерпел несколько поражений, частью от недостатка разведывательных данных, частью по причине недостатка в дисциплине, усугубленного ошибками полководцев, прежде чем успехи, достигнутые Сципионом-младшим, не принесли относительного спокойствия. В следующем веке римский полководец Серторий доставил своему правительству немало проблем, по существу образовав в Испании независимое государство. Окончательное же покорение Испании – и прежде всего горных районов [44] – осталось на долю Августа.

Связь Рима с его новыми испанскими владениями зависела в основном от безопасности сухопутных дорог. В силу этого после окончания Второй Пунической войны Рим вынужден был в течение двух десятилетий заниматься покорением независимых альпийских племен и восстановлением власти и авторитета Рима в Северной Италии к югу от реки По, чтобы обеспечить себе надежное сообщение с Испанией. Описание этих событий у Ливия, хотя и содержит немало важных для нас подробностей, тем не менее не разъясняет основных положений римской стратегии. Впрочем, мы можем вполне обоснованно сделать вывод о том, что Рим главным образом стремился подчинить своему влиянию прибрежные и равнинные области, совершенно не интересуясь горными регионами. Основная часть Альп оставалась в руках их коренных обитателей, выполняя функцию дополнительной защиты для Рима на случай внезапного нападения более опасного неприятеля. Греческая Массилия, расположенная ровно посередине пути из Италии в Испанию, по-прежнему оставалась независимой, хотя теперь и была окружена со всех сторон римскими владениями. Прочие галльские племена Рим оставил в покое, заключив, правда, союз с наиболее сильным из южногалльских племен – эдуями.

На северо-восточном направлении Рим проявлял значительно меньшую активность. Аквилея, основанная в 181 году до н. э., служила для защиты восточной части долины реки По, а новые дороги позволяли быстро концентрировать армии в Северной Италии. Берега надежно охранялись от истрийских пиратов, а несколькими военными операциями в Далмации Рим продемонстрировал свою силу местным племенам, отбив у них охоту воевать с республикой. Но Рим не сделал даже попытки перейти за природный барьер в виде Динарского нагорья [45]. Романизации Северной Италии, и без того достаточно медленной, мешало отсутствие четкой оборонительной системы в этом регионе. В конце столетия в Каринфию вторглись кимвры и тевтоны. После поражения, которое римляне потерпели при Норе, для захватчиков был открыт путь в Италию, но они вместо этого двинулись на запад.

Здесь, в Нарбонской Галлии, история повторилась, и опять кимвры не сумели воспользоваться плодами своей победы. Марий, таким образом, получил время для обучения армии и подготовки обороны на западе. Когда же варвары наконец решились двинуться в Италию, то они разделили свои силы. Тевтоны отправились в Прованс, кимвры постарались достичь Ломбардии, а их новые союзники тигурины в это же время ударили с востока по Аквилее.

Римляне грамотно использовали свои прекрасные дороги [46]. Марий одержал крупную победу на западе, в то время как его коллега, консул Катулл, во многом благодаря удаче избежал поражения на равнине реки По. Сулла ожидал одновременно с этим атаки с востока, которая, к счастью, оказалась слабой. Марий смог затем быстро перебросить свою армию на север Италии и нанести решающее поражение кимврам, не позволив им перейти линию реки По. Цизальпинская Галлия была сохранена, чтобы стать затем важнейшим источником пополнений и новых рекрутов для римской армии. Италия была спасена от нашествия извне, но власть Рима на полуострове вскоре подверглась новому испытанию – не прошло и десяти лет, как вспыхнула Союзническая война. В северной половине Центральной Италии Марий сумел организовать оборону. Однако в южной части полуострова Риму пришлось иметь дело с теми же затруднениями, которые он испытывал во время Самнитских войн, и применять в конечном итоге практически те же методы борьбы, что и против самнитов. Северо-восточные области прочно удерживались римлянами, что не позволяло соединиться их врагам на юге и северо-западе, а успешная осада Аскулума по своему эффекту может быть сравнима с победой при Сентиуме [47]. Победами, временами чередовавшимися с поражениями, и неохотными политическими уступками республика смогла в конце концов преодолеть и этот кризис.

Военные конфликты следующих десяти лет слабо освещены в источниках. Оборона Италии от Суллы, возвращавшегося с востока, была настолько ослаблена движением в его поддержку, начавшимся на севере полуострова, что последний смог беспрепятственно пройти из Брундизия в Кампанию. Затем, войной и уговорами, Сулла достиг ворот Рима и вошел в город. Но стать хозяином Рима еще не значило стать хозяином Италии. Центр военной активности сместился к северу – в Этрурию, Умбрию и Цизальпинскую Галлию. В Самнии еще оставались непримиримые враги Рима, решившие теперь воспользоваться моментом и отомстить Риму за прошлые обиды. Впрочем, самниты вскорости потерпели поражение, и это был последний всплеск их активности, после этих событий они окончательно сходят с исторической сцены. Разрушения в Этрурии и Умбрии не поддаются точному подсчету, но они были велики. С другой стороны, поселения ветеранов Суллы и Помпея, раскиданные по всему полуострову, давали значительный ресурс на случай мобилизации. Цезарь, быстро оценивший военный потенциал Цизальпинской Галлии, сумел быстро мобилизовать там войска, которые в противном случае могли присоединиться к Помпею, и с их помощью изгнать своего противника из Италии. Оба полководца быстро поняли, что обладание Римом было скорее призом победителю в этой войне, чем ее самоцелью. Военные действия, последовавшие за смертью Цезаря, развивались по тому же сценарию. Северная Италия с ее многочисленными поселениями ветеранов была жизненно важным регионом для обеих сторон.

Рассмотрим подобным же образом удаленные театры военных действий. Разрушение Карфагена позволило образовать в Северной Африке римскую провинцию, а присоединение территорий современного Туниса завершило ее создание. Однако сенат стремился переложить на зависимое Нумидийское царство задачу по защите этой провинции от кочевников с юга. Римляне не желали изменять свои методы ведения войны под условия Африканского театра военных действий и не желали брать на себя большую ответственность за оборону новых провинций до тех пор, пока внутренние неурядицы в нумидийском королевском доме буквально не вынудили их к этому. Но даже когда непомерные притязания Югурты заставили наконец римлян покончить с ним, сенат не пожелал присоединять к римской провинции его владения. Римляне долго медлили с присоединением Триполитании

и предпочитали сохранять зависимые марионеточные правительства на территории современного Марокко и западной части Алжира.

Теперь перенесемся на Балканский полуостров. Отчасти для защиты Адриатического моря от пиратов, отчасти для защиты от Македонии, Рим образовал протекторат на восточном берегу пролива Отранто [48]. Морские порты, находящиеся в этом регионе, стали для Рима воротами на Балканы и облегчили ему задачу войны с Македонией, даже невзирая на те трудности, которые представляли территории, отделявшие римлян от их врага. Эти затруднения помешали многим римским полководцам, и лишь союз с греками позволил римлянам проводить эффективные операции против Македонии. С другой стороны, Рим старался не зависеть слишком сильно от своих союзников, и, когда война закончилась, римляне построили Via Egnatia – дорогу, соединившую Диррахий с Фессалониками и позволившую без затруднений перебрасывать армии в Эгейский регион. Однако уничтожение Македонского царства переложило на плечи римлян обязанности по защите греческих земель от северных варваров. Македония никогда не имела достаточно сил, чтобы подчинить своему влиянию территории, лежащие между Эгейским морем и Дунаем. Рим имел достаточно средств, однако, не желая проводить масштабных мероприятий для обеспечения обороны своих новых владений, возложил эту задачу на губернаторов Македонии, которые должны были теперь решать, опираясь лишь на свои скромные силы. Когда во время войны с Митридатом последний стал пытаться наладить связи с племенами Нижнего Дуная, к ним с дипломатическими задачами был отправлен Марк Лукулл, брат консула Лукулла. У нас нет оснований сомневаться в словах Цицерона, утверждавшего, что границы Македонии заканчиваются там, где заканчивается сила римского оружия [49]. Политики поздней республики должны были, конечно, хотя бы с географической точки зрения понимать, что Дунай является естественной оборонительной линией для Рима и что Рим должен закрепиться на этой линии. Но вместо этого республика уступила инициативу варварским племенам, чем обрекла себя на бесконечную войну на севере Балканского полуострова.

За Балканским полуостровом лежит Малая Азия, обладание которой открывало прямую дорогу в Сирию. В 133 году до н. э. Рим неожиданно получил плацдарм в регионе в виде Пергамского царства, которое по завещанию последнего царя Пергама отошло римлянам. До тех пор республика не стремилась к территориальным приобретениям за Дарданеллами. По той или иной причине Рим все же принял это наследство, но старательно избегал принимать на себя какие-либо дополнительные обязательства в регионе. Образованная на этих территориях провинция Азия была защищена кольцом зависимых от Рима государств. Когда Митридат начал войну против Рима, последний столкнулся с проблемой, которую не могли решить греки до Александра и не могут решить и в наши дни. Для успешной высадки в Малой Азии с запада необходимо два условия – возможность и средства, чтобы организовать снабжение армии по морю и способность брать укрепленные города. Рим вполне осознавал и учитывал эти условия. Успехи, достигнутые Лукуллом, развил Помпей. Он укрепил оборону Малой Азии, недавно присоединенной к Сирии, и создал в качестве буфера на линии Евфрата зависимое от Рима царство Коммагена. Ближний Восток вошел в состав Римского государства, однако расположенные на его территории многочисленные небольшие зависимые царства и города-государства по-прежнему сохраняли самоуправление, и Рим мало вмешивался в их внутренние дела. Но сколь бы ни были велики достижения Помпея, он все же не смог верно определить пределы римских притязаний в регионе и установить прочную границу с Парфией. Не смог он и по достоинству оценить стратегическое значение Армянского царства.

Последним крупным регионом, привлекавшим деятельное внимание республики, была Галлия, страна с весьма неоднородными географическими условиями. Впрочем, передвижение армий в Галлии не создавало таких трудностей, как, например, в той же Испании. Тут имелись дороги и судоходные реки, облегчавшие подвоз снабжения для армии. Страна была обширна и густо населена. Во время Галльской войны Цезарю потребовались

все его лучшие качества как полководца – такие, как умение верно оценивать стратегическую обстановку, быстро реагировать на ее изменения и превосходить противника во всех, пусть даже самых незначительных, мелочах [50]. Завоевание Галлии описано самим Цезарем в его *Gallia est omnis divisa* (начало первой строки сочинения Цезаря «Записки о галльской войне». – *Пер.*). Скорость и полнота завоевания Римом Галлии заслуживают самого искреннего восхищения. Но даже и в этом случае проявилось их нежелание воевать в горах – перевалы Альп, представлявшие собой самый короткий путь из Италии в Центральную Галлию, были покорены лишь при Августе [51]. В то время как Цезарь завоевывал Галлию, Красс предпринял попытку вторжения в Парфию и потерпел страшное поражение при Каррах. Этот поход в полной мере продемонстрировал слабость легионов при столкновении с конными лучниками парфян и все трудности перехода по безводной пустыне. С другой стороны, Парфянское царство само по себе было достаточно рыхлым и, по сути, даже не пыталось воспользоваться плодами своей победы, что позволило римлянам сохранить Сирию за собой. Поражение Красса не дало ничего для выработки Римом правильной стратегии в отношении Парфии, и нам трудно доподлинно судить о том, что именно намеревался предпринять в этом отношении Цезарь десятью годами позже. Нам неизвестно даже, как далеко на восток собирался он зайти. Антоний также не смог решить парфянский вопрос, хотя неудача его похода во многом и объясняется потерей обоза с осадным снаряжением.

В последние десятилетия своего существования республика, хотя зачастую и вынужденно, проявляла во внешней политике большую активность. На долю сменившей ее империи осталось сделать не так уж и много. Киренаика была присоединена после неторопливого обсуждения в сенате в 74 году до н. э., после битвы при Акции в состав римского государства вошел Египет, замкнув таким образом кольцо римских владений на берегах Средиземного моря. Августу оставалось установить полный контроль над Испанией, присоединить территории современных Тироля и Швейцарии, горные районы Альп и Баварию. Не менее важным было образование, ставшее возможным с присоединением Паннонии, сплошной линии сообщения между Аквилеей, Эмоной, Сирмием, Сингидунумом, Сердикой и Византием – линией, чей маршрут почти полностью совпадает с маршрутом современного Восточного экспресса. Фракия сохраняла статус зависимого государства, и сфера римского влияния постепенно распространилась вплоть до Мёзии и Дуная [52]. В этом была главная заслуга ранней империи. Перед Акцием Октавиан провел военную кампанию в Иллирии, но больше с целью обезопасить Италию, чем расширить римские владения до Дуная [53]. Республиканский Рим поначалу вел войны ограниченного, сугубо италийского масштаба, затем постепенно перешел на уровень всего Средиземноморья, а в наследство империи оставил проблемы уже континентального, общеевропейского, а не только средиземноморского масштаба.

Остаются еще два вопроса, которые попадают в категорию сухопутных операций Рима. Первый – преодоление естественных препятствий, второй – собственно перемещения армии. Италия сама по себе богата всякого рода естественными преградами, задерживающими продвижение противника. Долины ее рек тесны, а сами реки, как правило, мелки и несудоходны, их непросто форсировать. Крепости всегда играли важную роль в военном деле Италии, и римляне не раз при выборе союзников или места для новой колонии демонстрировали свое умение верно оценить стратегическую значимость той или иной позиции. Искусство фортификации долгое время опережало в своем развитии осадное дело. Римляне сами были признанными мастерами в инженерном деле, однако в области фортификации они многое заимствовали у греков. Есть свидетельства в пользу того, что в V–IV веках до н. э. строители из Великой Греции или Сицилии принимали участие в сооружении крепостей в Италии. Во время Второй Пунической войны укрепления большинства италийских городов оказались не по зубам Ганнибалу, он не мог взять их, не понеся при этом таких потерь, которые никак не мог себе позволить. Римские армии укрывались за этими укреплениями, в то время как Ганнибал хозяйничал на равнинах

Италии. Сугубо римской чертой была тщательность выбора места для строительства крепости, особенно это касалось выбора позиций для защиты жизненно важных путей сообщения.

Создается впечатление, что долгое спокойствие, которым наслаждался Рим на протяжении II века до н. э., вызвало снижение оценки важности в военном деле крепостей. Это впечатление усиливается сохранившимися свидетельствами, как во времена Суллы восстанавливались и чинились многие укрепления. Хотя прямых свидетельств сохранилось мало, Союзническая война, по-видимому, выявила ряд слабостей римской армии. Речь идет как о собственно укреплениях и их обороне, так и об осадном искусстве. В последнем Рим многое заимствовал у греков, хотя легионеры с их подготовкой и дисциплиной заметно превосходили греков в упорстве и скорости возведения осадных сооружений. В последние десятилетия республики римляне, по-видимому, достигли в осадном деле больших высот, и их потери при штурмах и при затяжных осадах городов и крепостей были довольно невелики. Эти навыки римляне продемонстрировали, в частности, в Малой Азии, где вся страна была покрыта замками и небольшими крепостями. Насколько мы можем судить, в промежуток времени между серединой II века до н. э. и завоеваниями Цезаря был достигнут значительный прогресс в технике форсирования рек и в строительстве переправ и мостов. Знаменитый мост через Рейн не был исключительным в своем роде явлением. С другой стороны, я не думаю, что римляне смогли достичь сравнимого по уровню прогресса при проведении операций в горах. Во всяком случае, именно такой вывод следует из их обычного образа действий – римляне, как правило, старались оборонять равнинные местности, одновременно устанавливая блокаду горных проходов, заключая возвышенные районы в некое подобие осады, вместо того чтобы атаковать неприятеля, укрепившегося в горах.

Следующий вопрос – перемещение армий. Римские армии, невзирая на каждодневные траты времени на постройку лагеря, были достаточно мобильны по меркам своего времени. Во времена поздней республики скорость передвижения армий даже ощутимо возросла, во многом благодаря тому, что солдаты теперь двигались налегке. После реформ Мария римские легионеры во время похода не несли с собой груза и шли в постоянной готовности к бою, зато был организован обоз армии, разделенный на части, каждая из которых привязывалась к конкретному армейскому подразделению. Перевозки в основном осуществлялись вьючными животными, способными пройти в любой местности, в которой способен пройти и человек. Привычка римлян экономно расходовать запасы метательного оружия во время битвы в сочетании с умением сооружать военные машины из подручных материалов уже на месте избавляли армию от необходимости перевозить с собой большие запасы снарядов и тяжелые механизмы. Я уже упоминал выше о предусмотрительности, которую проявляли римляне в отношении заблаговременного устройства складов провизии. Не следует забывать и о том, что большинство легионеров были весьма умеренны в пище. Как правило, к участию в операциях привлекались сравнительно небольшие силы кавалерии, что отчасти снимало проблему корма для лошадей и позволяло обходиться подручными средствами. В случае же, если размах боевых действий требовал участия больших сил кавалерии, римлянам приходилось организовывать доставку снабжения для них. С другой стороны, потребность в корме для лошадей все же никогда не устранялась полностью, что ограничивало время активных боевых действий летними месяцами. Одной из причин, побудивших Цезаря принять рискованное решение блокировать Помпея в Диррахии, было стремление ослабить его кавалерию, лишив ее окрестных пастбищ, а следовательно, и корма для животных [54].

Римский солдат был весьма вынослив и умел выдерживать долгие переходы. Тут уместно привести слова Морица Саксонского: «Вся тайна маневров и боев заключается в ногах, и именно на ноги должно быть обращено наше внимание». Наполеону же принадлежит следующее выражение: «Секрет победы заключен в том, чтобы сначала пройти

12 миль, затем сражаться, а затем еще 12 миль преследовать неприятеля». Мы, конечно, должны скептически относиться к свидетельствам античных историков, но все же лучшие римские армии вполне могли соответствовать высоким стандартам Наполеона – к примеру, войска Цезаря при Герговии и Фарсалах, пожалуй, не уступали в подвижности даже армиям нового времени. Этому, правда, способствовала сравнительная малочисленность армий Античности. В силу этого же фактора потери на марше, которые обычно растут в геометрической прогрессии вместе с численностью самой армии, у римлян были сравнительно невелики. Первое правило Наполеона гласило, что два солдата всегда лучше, чем один, и Наполеон делал все возможное, чтобы доставить невредимыми этих самых солдат к месту сражения. Цезарь, пожалуй, не согласился бы с ним, возразив, что один хорошо подготовленный солдат лучше, чем два, обученные посредственно [55]. Руководствуясь этим принципом, римляне старались избегать чрезмерного увеличения своих армий и связанных с этим неудобств при их переброске. Разведка традиционно относилась к слабым местам римской армии, однако строгая дисциплина, поддерживавшаяся в армии и в походах, позволяла избегать больших потерь, за исключением разве что переходов в особо сложных условиях, примером чему может служить отступление Антония из Парфии. В истории римской армии нет примеров, подобных стремительному наступлению Александра Великого, который, казалось, не замечал ни расстояний, ни трудностей рельефа. Не было и ничего подобного осуществлявшимся по строгому графику сборам армии Наполеона, но на выносливость и скорость своих солдат римляне всегда могли смело рассчитывать.

Глава 4 ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ

Я не буду рассматривать действительные мотивы римской внешней политики, а постараюсь раскрыть взаимосвязь между этой политикой и войной. Знаменитое определение войны гласит, что она является лишь продолжением государственной политики иными средствами. Из этого утверждения следует, что своих целей во внешней политике возможно достигать как мирными средствами, избегая войны, так и наоборот – дипломатией готовить почву и условия для этой войны. Заполучить самому как можно больше союзников и вместе с тем лишить союзников неприятеля – задача, которую можно решить, лишь имея продуманную стратегию и проводя мудрую и дальновидную внешнюю политику. Мы постараемся разобраться в том, существовало ли в Риме понимание взаимосвязи войны и дипломатии и как проводимая Римом внешняя политика выдержала испытание войной.

С самого начала своей истории Рим старался заключать такие союзы, которые либо усиливали его стратегические позиции, либо ослабляли позиции нынешних или вероятных противников. Например, союз Рима с его ближайшими соседями, латинами и герниками, облегчил оборону границ и в целом улучшил положение Рима. Между римлянами и латинскими племенами существовало, конечно, понимание их родства, но все же главной причиной существования их союза являлись те стратегические выгоды, которые они несли обеим сторонам. Существовали союзы, основанные не на общности интересов или исторических привязанностях, но лишь на некоторых, актуальных лишь на данный момент времени стратегических соображениях. К таковым можно отнести союз Рима с конфедерацией самнитов в IV веке до н. э. [56] Как и большинство подобных союзов, он оказался недолговечным. Общность экономических интересов, разумеется, также могла служить основанием для союза, но, надо отметить, в древности выгоды от таких союзов ценили не слишком высоко, и внешняя политика чаще определялась сугубо военными и стратегическими соображениями. При этом целями этой политики могли служить как предотвращение войны, так и, наоборот, подготовка этой войны.

В ранний период республике довольно долго удавалось избегать прямого столкновения с Карфагеном, признавая за ним особые интересы в регионе. Подобный подход позволил оттянуть и войну с самнитами в тот момент, когда она была невыгодна республике. Однако на исходе III века до н. э. мы видим уже совершенно противоположный пример – войну

против Филиппа V римляне тщательно готовили и даже сами подталкивали к ней македонского царя. Сходной была и политика Рима по отношению к Карфагену незадолго до начала Третьей Пунической войны.

Эти примеры показывают тесную связь между внешней политикой и стратегией государства. Политика оказывает прямое влияние на войну, определяя заранее ее цели и характер. Война может вестись с расчетом на быстрый и сокрушительный результат, а может приобретать затяжной характер, истощая ресурсы неприятеля и его волю к победе. Со времен Клаузевица часто проводилось различие между стратегией, направленной на достижение решительной победы, и стратегией изматывания, между войнами в стиле Наполеона и войнами в стиле Фридриха Великого [57]. В первом случае генеральное сражение с неприятельской армией является прямым средством достижения победы, в то время как во втором случае открытого столкновения скорее следует избегать. На практике, разумеется, эти варианты общей стратегии редко реализовывались в чистом виде. Например, Фридрих Великий, стремился затянуть Семилетнюю войну и подорвать таким образом боевой дух своих врагов. Однако он никогда не отказывался от сражения, если оно было выгодно ему в данный момент. Могут ли эти построения современной военной науки быть применены к военной истории Рима? Рассмотрим в качестве примера гражданскую войну между Цезарем и Помпеем. В первый год войны Цезарь сумел рассеять испанскую армию сторонников Помпея, практически не вступая в сражение. Тем не менее сам Цезарь всегда стремился к более активным действиям. Так же как и Наполеон, он предпочел бы решить исход войны в одном решительном сражении. Победа Бонапарта при Ульме на самом деле ничуть не менее ценна, чем победа при Аустерлице. И Цезарь в Испании, и Наполеон при Ульме одинаково добились своих целей, заняв такую позицию, оставаясь на которой они могли быть уверены в победе, если бы дело дошло все-таки до сражения.

Войны не всегда идут по первоначальному плану, и политические цели войны иногда достигаются стратегией, которая на первый взгляд этим целям не вполне соответствует. Я постараюсь проиллюстрировать это утверждение на примере трех великих войн, которые Рим вел с Карфагеном. Целью первой войны был контроль над Сицилией. Нет ни малейших оснований полагать, что Рим уже тогда мог предвидеть падение Карфагена. Римская стратегия преследовала на данном этапе довольно ограниченную цель – выдворить карфагенян из Сицилии. Десять лет римские армии с переменным успехом воевали на острове, а римский флот блокировал на острове карфагенские войска и перерезал им все пути сообщения с метрополией. Затем римляне предприняли попытку вторжения в Африку. Когда Карфаген попытался начать переговоры о мире, командующий римской армией выдвинул заведомо неприемлемые для карфагенян условия [58]. Однако я совершенно убежден, что такая позиция на переговорах была личной инициативой римского консула (Марка Атилия Регула. – *Пер.*), желавшего присвоить себе славу столь крупной военной и политической победы. Провал переговоров привел к тому, что Карфаген, перегруппировав силы за время передышки, нанес римлянам поражение на суше, а довершила дело последовавшая за тем катастрофа на море, когда во время сильнейшей бури погиб почти весь римский флот. Потерпев поражение, Рим вернулся к прежней стратегии, если вообще когда-либо в действительности отказывался от нее. Потребовалось еще десять лет тяжелой войны, чтобы идея вторжения в Африку была воскрешена. И когда ее наконец удалось осуществить, Карфаген капитулировал. Рим достиг своих целей и, получив контрибуцию от Карфагена, казалось бы, успокоился. Карфагену было позволено без помех завоевать новую провинцию – Испанию, которая в значительной мере компенсировала ему потерю Сицилии и помогла выплатить Риму полагающуюся по договору контрибуцию. Римляне, однако, были встревожены быстрым возрождением мощи Карфагена и, возможно, опасались попытки реванша с его стороны. Вопрос о том, кто именно – римляне или Ганнибал – спровоцировал начало новой войны, много раз обсуждался. Что касается меня, то я считаю, что в наибольшей мере ответственность лежит на самом Риме [59]. Однако для нас больше важно, какие цели преследовал Рим во Второй Пунической войне. Перед началом войны, думаю, ни

один римлянин не мог предположить, что им придется встретиться лицом к лицу с карфагенской армией в самой Италии. Начиная войну, Рим, разумеется, не планировал оборонять Италию. Не планировал Рим и просто лишить Карфаген его новых приобретений в Испании, оставив нетронутой его метрополию в Африке. Диспозиция римлян в начале войны свидетельствует о том, что главной целью для них было окончательное уничтожение Карфагена как великой средиземноморской державы. Армия, отправленная в Испанию, вероятно, должна была лишь сдержать Ганнибала, в то время как главный удар планировалось нанести в Африке, скорее всего, на второй год войны [60]. Реализация этого плана была сорвана неожиданным броском Ганнибала в Италию, а последовавшая череда побед пунийцев и вовсе заставила Рим перейти к обороне. Когда стало очевидно, что италийские союзники не отвернулись от Рима, Карфаген попробовал создать антиримскую коалицию на Сицилии и на Балканах, стремясь изолировать Рим в пределах Италии [61]. Карфаген на самом деле устраивали оба варианта: и в том и в другом случае он достигал своих целей – пересмотра итогов Первой Пунической войны и безопасности для своих испанских владений. Я сомневаюсь, чтобы Ганнибал даже в самых смелых своих мечтах мог надеяться на полное уничтожение своего врага.

Что же предпринял Рим в ответ? В Италии римляне делали все, что было в их силах, чтобы сдержать Ганнибала. Они смогли изолировать Капую – единственный из крупных городов Италии, поддержавший Ганнибала. В Испании римляне первым делом должны были помешать карфагенской армии перейти в Италию на помощь Ганнибалу, а затем постараться вытеснить пунийцев с полуострова. После череды побед и поражений в Испанию был отправлен Сципион Африканский. Он смог ослабить влияние Карфагена на полуострове, однако Гасдрубал – младший брата Ганнибала – все же сумел прорваться со своей армией в Италию. Эту армию римляне разгромили при Метавре, проведя блестящий стратегический маневр и сконцентрировав против нее армии обоих консулов. Ганнибал, таким образом, был заперт в Южной Италии и лишен подкреплений. Рим восстановил контроль над Сицилией, а на Балканах искусной дипломатией и демонстрацией военной силы удержал Филиппа Македонского от вступления в войну.

После тринадцати лет войны Карфаген практически потерял Испанию, созданная им антиримская коалиция развалилась, а Сципион Старший высадился в Африке. Имея армию, обученную по новому образцу и заключив союз с африканцами, он поставил Карфаген в такое положение, когда тот должен был либо капитулировать на милость римлян, либо использовать свой последний и единственный шанс – отозвать Ганнибала из Италии. Карфаген попробовал было вступить в переговоры с Римом, однако в этот момент Ганнибал вернулся по собственной воле и дал римлянам решительное сражение, в котором он был разбит. Теперь капитуляция стала неизбежной, а условия мира, которые должен был принять Карфаген, превратили его, по существу, в третьеразрядную державу. Так закончилась Вторая Пуническая война. Я хочу особо отметить, что при рассмотрении изолированных театров действий, таких как, например, Балканы, или отдельных этапов этой войны может сложиться обманчивое впечатление, что Рим придерживался стратегии изматывания, старался истощить ресурсы неприятеля. Однако если взглянуть на ход войны в целом, то станет очевидно, я полагаю, что Рим никогда в действительности не отказывался от своей первоначальной цели – уничтожения Карфагена как великой державы. Даже на Балканах дипломатические и военные усилия Рима на самом деле направлялись не столько против Филиппа Македонского, сколько против Карфагена.

Вполне возможно, что временами Рим действительно бывал близок к полному отказу от своих первоначальных планов, что он вполне мог бы удовольствоваться активной обороной – стратегией, которую проводил в жизнь знаменитый Фабий. Я делаю этот вывод не столько из тактики самого Фабия, сколько из того сопротивления, которое он оказывал отправке экспедиции Сципиона в Африку [62]. Лозунг «Сначала мир в Италии, а потом война в Африке» мог быть интерпретирован и так – Рим оставляет в покое Карфаген в его африканских владениях и признает за ним статус великой державы в обмен на удаление

Ганнибала из Италии. Однако Сципиону Старшему и его сторонникам все же удалось удержать Рим в рамках первоначальных стратегических целей.

Давайте теперь рассмотрим Третью Пуническую войну, разразившуюся два поколения спустя. Рим преследовал теперь цель окончательного уничтожения Карфагена, уже не великой средиземноморской державы, но даже самого города. Каковы бы ни были истинные причины войны, Рим твердо решил, что Карфаген должен быть разрушен – *Carthago delenda est*. Римская дипломатия готовила теперь окончательный удар. Никакие уступки не могли уже спасти Карфаген. Внешняя политика и дипломатия служили теперь лишь целям воинственной стратегии Рима. После того как Карфаген был подожжен, Сципиона охватила жалость к неприятелю и боязнь, что такая же участь может постигнуть и его отечество. Своему другу Полибию он писал строками из Илиады:

*Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С ней погибнет Приам и народ копыеносца Приама [63].*
(Пер. Н. Гнедина)

Но наказание, которого заслуживал Рим, так и не пришло. День возмездия, которого так боялся Сципион, отстоял от него на столетия. Нравственные побуждения не имеют большой ценности с исторической точки зрения, и, хотя временами, они служат побудительными мотивами для тех или иных политических решений, я не буду долго останавливаться на них. Я желаю лишь продемонстрировать, что сама война может быть целью внешней политики и как дипломатия может служить этой цели.

Теперь позвольте мне отвлечься от войн с Карфагеном и перейти к описанию общего характера римской стратегии и внешней политики. Большинство войн, которые вел Рим, трудно однозначно классифицировать с точки зрения современной стратегической науки – в зависимости от складывавшихся обстоятельств римляне то стремились поскорее закончить войну, дав решительное сражение, то, наоборот, всячески ее затягивали и старались измотать неприятеля, навязав ему войну на истощение. Хотя римляне, разумеется, не слишком приветствовали вмешательство войны в их повседневную жизнь, необходимость воевать они обычно воспринимали весьма спокойно – война была для них не приключением, а неизбежным злом. Сильными сторонами римлян были скорее стойкость и упорство, чем быстрота и агрессивность действий. Римская стратегия во многом походила на римскую же тактику. Для римлян главное, чтобы последнее слово в войне всегда оставалось за ними. Они терпеливо ждали момента, когда противник допустит ошибку и тогда, имея про запас хорошо укрепленные полевые лагеря и целую сеть крепостей, покрывавших Италию, их хорошо отлаженная военная машина сделает свое дело и победа в конечном счете останется именно за Римом. Если хорошо приглядеться, то окажется, что представления римлян о ходе войны в целом практически совпадают с их представлением о ходе сражения, только в увеличенном масштабе.

Римские полководцы в начале войны, как правило, имели недостаточно практического опыта и набирались его уже в ходе боевых действий. То же самое, хотя и в несколько меньшей степени, применимо и к самим римским армиям. Правительство обычно старалось не вмешиваться в действия своих военачальников. Опыт прошлых войн свидетельствовал, что вмешательство гражданских властей в военные вопросы редко дает положительные результаты, впрочем, как и узкопрофессиональный взгляд на общие стратегические проблемы, свойственный многим военачальникам. Преимущество римлян состояло в том, что стратегию республики обычно определяли люди, имевшие некоторый опыт в военных вопросах и в международной политике. Сенат обычно подвергал резкой критике всякого полководца, стремившегося к быстрому и решительному результату, особенно если имелись подозрения, что он стремился при этом к личной славе в ущерб здравому смыслу. Однако, когда незадолго до битвы при Каннах Сенат указал в инструкциях командующим армиями, что решающее сражение будет желательно в имеющихся обстоятельствах, он вместе с тем взял на себя и вину за поражение, когда битва, на которой настаивали сенаторы, закончилась для римлян катастрофой. Прием, оказанный разбитому Варрону за то, что тот не разуверился

в республике, не был лишь жестом великодушия. Он был оправдан потому, что строго следовал приказу. Но, как правило, полководец был предоставлен сам себе в отношении ведения войны и не был связан жесткими инструкциями. Для многих военачальников это означало, что они в первую очередь должны любой ценой избежать поражения, а уж затем подумать о победе.

Большинство своих войн республика вела на территории противника или, в крайнем случае, на территории своих союзников. На своей земле римлянам приходилось воевать нечасто, а ведя войну на чужой территории, всегда проще затягивать ее. По словам Жомини, «всегда просто использовать тактику Фабия, когда воюешь на территории союзника. Нет нужды беспокоиться о своей столице или о сохранности своих провинций и можно принимать в расчет лишь сугубо военные факторы. Подводя итоги, кажется несомненным, что одним из главнейших талантов военачальника является способность верно определять момент для перехода к наступлению и момент для перехода к обороне, способность перехватить инициативу, находясь в обороне» [64]. Римские полководцы, без сомнения, обладали этими талантами, хотя зачастую это проявлялось при смене командующего армией, когда военачальника, отстаивавшего оборонительную стратегию, сменял его коллега, чьи таланты проявлялись в наступательных операциях. Для сравнения можно привести в пример влияние, которое оказало назначение генерала Гранта на ход Гражданской войны между Севером и Югом. В течение всей истории республики римляне почти всегда имели достаточно опытных и подготовленных военачальников, так что в зависимости от обстоятельств могли выбирать среди них того, чьи качества и предпочтения в наибольшей мере соответствовали моменту. Авторитет сената позволял ему контролировать вопросы общей стратегии, не вмешиваясь непосредственно в деятельность своих генералов.

Было еще одно обстоятельство, которое позволяло республике затягивать войну, а именно то, что римские армии были, как правило, сравнительно невелики по размеру. Это упрощало управление такой армией и к тому же в случае поражения меньше сказывалось на общей боеспособности Рима. С другой стороны, Рим часто оказывался не способен в нужный момент сконцентрировать в одной точке силы, необходимые для нанесения решительной победы над неприятелем.

Наконец, одним из главных принципов политики Рима было не заключать мира не одержав сначала победы. Однако республика часто, и, пожалуй, даже слишком часто, удовлетворялась таким миром, который не позволял ей в полной мере воспользоваться плодами этой победы или добиться решительного ослабления неприятеля. Рим становился безжалостным лишь в том случае, если сам боялся и ненавидел врага, как было в случае с Ганнибалом. Известная строка из Вергилия – *pacemque subjectis et debellare superbos*, «ниспроверженных щадить и усмирять горделивых», – достаточно точно отражает отношение римлян к войне. Теперь перейдем от общих положений к рассмотрению римской стратегии и внешней политики после Второй Пунической Войны.

Какие же уроки извлек Рим в отношении политики и стратегии из Второй Пунической войны? Я полагаю, что они научились не полагаться слепо на превосходство Рима в военной силе. В Испании и Северной Италии вести войну иначе, чем она шла, было невозможно, однако, воюя против Филиппа V, римляне вынуждены были прибегнуть к помощи Этолийского союза, что сократило собственно римские потери в людях, и впоследствии Рим не раз действовал подобным же образом. Римляне поняли, что необходимо зорко следить за соседями, чтобы не допустить при случае образования враждебной им коалиции, подобной той, что пытался собрать Карфаген. Находясь под впечатлением от дипломатических успехов Карфагена, римляне слишком уж легко поверили в то, что Македония и Сирийское царство Селевкидов заключили союз против них, из-за чего главным образом и разгорелась впоследствии Вторая Македонская война. Хотя была, разумеется, и иная причина, заключавшаяся в опасениях Рима по поводу возрождения морской мощи Македонии.

Первые десятилетия II века до н. э. принесли в Рим богатый опыт эллинистической дипломатии, поскольку теперь греческие государства стремились получить от римлян

помощь или хотя бы заручиться поддержкой в тех или иных вопросах. Такое положение со временем привело римский сенат к убеждению, что раз многие проблемы могут быть решены дипломатическим способом за счет только лишь авторитета и влияния Римского государства, то дорогостоящие и рискованные военные операции должны отойти на второй план и рассматриваться лишь как крайнее средство. Со времени Александра государства в международных отношениях все больше опирались на правовые нормы, дипломатия все чаще служила заменой войне. С другой стороны, когда сенат все же пришел к заключению, что царь Македонии Персей представляет угрозу для Рима, именно дипломатия методично готовила новую войну.

Мы видим, как в одних случаях дипломатия служила заменой войне, в других же, наоборот, подготавливала для нее почву. Подобное произошло в отношении Родоса, хотя римская политика в морских вопросах всегда была довольно близорукой. Как уже отмечалось в прошлых лекциях, Рим старался избавить себя от необходимости постоянно содержать крупный военный флот, и, хотя ослабление Родоса привело к возвышению и передаче части его прежних функций Делосу, что дало определенные выгоды итальянским купцам [65], в целом Рим совершил стратегическую ошибку, позволив другой державе контролировать воды Леванта. В следующем столетии стало ясно, насколько недальновидно было это решение, тем более что интересы Родоса всегда практически полностью совпадали с интересами самого Рима.

В Испании Рим, пожалуй, совершил ошибку, отказавшись от политики согласия и примирения, проводившейся старшим Гракхом [66]. Испанские войны, разумеется, не представляли прямой угрозы безопасности Риму и Италии, но они постепенно истощали людские и экономические ресурсы, и в конечном счете именно они в значительной степени подорвали верность итальянских союзников Риму. Разрушение Карфагена можно назвать военным преступлением, разрушение Коринфа хотя и помогло сломить боевой дух греков, но заронило и зерна ненависти к римлянам, что стало очевидно во время войн с Митридатом, разрушение Нумансии послужило уроком всем, кто еще сопротивлялся власти Рима в Испании. Однако, будь римская политика хоть немного мудрее, возможно, Серторий спустя два поколения не нашел бы такой поддержки в Испании. Осады Карфагена и Нумансии в равной степени продемонстрировали упорство и военную находчивость римлян, кампания, завершившаяся падением Коринфа, может служить блестящим примером того, как следует использовать ошибки в стратегии, допущенные неприятелем [67]. Однако все же нельзя сказать, что эти прецеденты показывают действительно продуманное сочетание военных и дипломатических мер.

Отказ сената предоставить права римского гражданства итальянским союзникам привело Рим к новому кризису – Союзнической войне 91–88 годов до н. э. Марий, понимая, что италийцы весьма важны для поддержания римской военной мощи, поскольку поставляли значительные контингенты солдат, избрал осторожную оборонительную стратегию, чем навлек на себя неудовольствие сената. Ход войны во многих подробностях напоминал Самнитские войны прошлого, однако опасность со стороны Митридата и остатки политического благоразумия вынудили пойти на соглашение, пусть даже во многом неполное и вынужденное, которое вернуло в руки Рима все силы Итальянского полуострова. Но даже и при таких обстоятельствах раскол в римском обществе все равно вылился в открытое противостояние враждующих фракций, вынудившее Суллу как можно скорее заканчивать войну с Митридатом, при этом не упуская из виду положения дел в Италии. Рим стал все больше и больше полагаться на отдельных полководцев, притом что координирующая роль сената в римской стратегии сильно уменьшилась, если не исчезла совсем. Римские легионы нового образца стали более профессиональны и однородны и, без сомнения, были сильнее, чем армии прошлых времен, что во многом позволяло сглаживать последствия политических ошибок. Помпей собрал огромный флот для действия против пиратов, а его успехи на востоке позволили наконец Риму установить надежный контроль над берегами Средиземного моря. В этом случае, возможно в последний раз в истории

республики, политика и стратегия шли рука об руку. Главной – и, по существу, единственной – неудачей Помпея стала попытка выработать условия сосуществования Рима с Парфянским царством. Красс впоследствии также пытался по-своему решить этот вопрос, но потерпел страшное поражение, оставив будущим поколениям задачу восстановления пошатнувшегося авторитета Римского государства.

Рим, кажется, и не планировал завоевывать Северную Испанию или продвигаться дальше в Альпы, чтобы полностью подчинить их своему влиянию. Сложно сказать, дало ли реальную пользу Риму завоевание Цезарем Галлии, но, во всяком случае, во время Галльской кампании ему удалось подготовить лучшую армию из всех, что когда-либо видел Рим, которая к тому же находилась в руках лучшего из римских полководцев. Рассмотрение хода гражданской войны, на который в значительной мере оказал влияние фактор личности военачальников, мы оставим для следующей лекции, посвященной собственно полководческому искусству.

Подведем итоги. Я постарался дать обзор взаимодействия между внешней политикой и военной стратегией Рима. Полагаю, следует признать, что на протяжении большей части своей истории Рим обладал продуманной, взвешенной и последовательной внешней политикой и то же самое применимо и к стратегии Рима, которая, правда, была в основном сухопутной и часто недооценивала значение моря. Целью этой политики практически всегда служило постоянное расширение границ Римского государства и сфер его влияния. С другой стороны, если приглядеться повнимательнее, нетрудно заметить, что в политике Рима всегда была довольно существенная доля импровизации. А временами даже готовности остановиться и подождать, пока проблемы решатся сами собой. Во второй половине II века до н. э. римская политика в Испании, например, была совершенно непродуманной и Рим, по существу, не предпринимал никаких осознанных усилий по улучшению ситуации в этой провинции. На востоке же политика Рима, хотя и производила впечатление продуманности и целенаправленности, скорее направлялась обстоятельствами, чем политической мудростью самих римлян.

Сенат по своему положению органа верховной власти в республике должен был как-то реагировать на поступающую информацию, хотя время от времени он оказывался во власти заблуждений, порожденных недостоверными и непроверенными сведениями. Римская политика в отношении Македонии несколько раз менялась именно по этой причине. В последнее столетие существования республики внутренние неурядицы, претензии полководцев и недовольство народа не раз делали римскую политику менее продуманной и последовательной. К примеру, сенат неверно оценил расстановку сил в Галлии между союзниками Рима эдуями и вторгшимися в страну гелльетами. Личные амбиции Цезаря привели к смене направления вектора римской завоевательной политики в сторону Галлии и континентальной Европы, что для Рима, остававшегося средиземноморской державой, было не совсем логично. «Письмо Митридата», приведенное Саллюстием [68], неплохо иллюстрирует римскую политику, во всяком случае так, как она виделась самому Митридату. Оно описывает римлян как безжалостных завоевателей, свергающих то одного царя, то другого. При этом римляне не отказывались и от системы зависимых государств, окружавших римские владения.

То, что было сказано выше о внешней политике, в равной мере применимо и к стратегии. Следует помнить, что в Риме не существовало организации, подобной современному Генеральному штабу, которая бы в мирное время занималась оценкой военных угроз, исходивших от других государств. Эмилию Павлу принадлежат следующие слова: «Главным развлечением для многих людей, собирающихся в общественных местах, сделалось обсуждение хода войны с Македонией. Оставаясь в Риме, они часто обвиняли полководцев в неспособности и высказывали свои взгляды на то, как эту войну следует вести» [69]. Это было больше чем простое обсуждение военных слухов, столь характерное для наших дней, поскольку большинство представителей высших слоев римского общества были не понаслышке знакомы с военным делом. Однако такое неорганизованное движение

не могло, разумеется, выработать никакой долгосрочной и продуманной политики. Трудно сказать, насколько серьезной была угроза со стороны Парфии спустя три года после страшного поражения Красса, однако письма Цицерона, бывшего тогда губернатором Киликии, ясно показывают, как мало предпринял сенат для налаживания эффективного взаимодействия между ним и губернатором соседней Сирии [70].

Кроме того, стратегический резерв из нескольких легионов, размещенных в Италии в постоянной готовности, мог бы оказаться весьма полезен, но республиканские политики не пошли на такой шаг. Более того, уже после утверждения империи Август, стремясь укрепить имидж Принципата как легитимного правопреемника республики, отказался размещать резерв там, где он был бы нужнее всего, – в Северной Италии, а предпочитал держать его подальше от столицы, в Испании [71]. Пока инициатива оставалась на стороне Рима, Августу и его ближайшим преемникам стоило бы пойти на такой шаг. Республиканские политики вполне заслуживают самой серьезной критики за непонимание перемен, произошедших в общей стратегии после невероятного расширения сферы римского влияния и территории самого Римского государства, произошедшего в последние полстолетия существования республики.

Римской внешней политике и военной стратегии нередко не хватало логической законченности и последовательности, часто замещавшихся импровизацией и временными мерами. Но даже и при этом римлянам нельзя отказать в военных дарованиях, в силе характера, сочетавшего в себе одновременно осторожность, терпение и смелость, в умении соотносить свои цели с имеющимися в распоряжении средствами. Все это помогло Риму удерживать баланс сил беспримерно долго по меркам Древнего мира. Рим многим обязан не только своим политикам, экономической силе и военной организации, но и талантам своих полководцев.

Невозможно изучать римское полководческое искусство изолированно, в отрыве от тех факторов, которые оказывали на него непосредственное воздействие, – характера самого Римского государства, качеств римских солдат и т. д. Ошибочным было бы и представить его развитие как совокупность личных достижений отдельных римских полководцев. В следующей лекции мы рассмотрим эволюцию римского полководческого искусства, остановившись подробнее на личностях военачальников, чья деятельность более всего повлияла на его развитие.

Глава 5 ПОЛКОВОДЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Выше я постарался изложить те задачи, которые стояли перед Римской республикой и которые требовали решения военными средствами, охарактеризовать римские армию и флот, их отношение к войне на море и на суше, взаимосвязь политики и стратегии в самом широком смысле. Все эти факторы в конечном счете обусловили и особенности римского полководческого искусства. Впрочем, надо заметить, что само по себе оно еще не является полным отражением военного искусства в целом – утверждение, что тот или иной военачальник выиграл сражение, само по себе является сильным упрощением действительной картины событий. Гораздо большее число сражений было на самом деле выиграно солдатами, а не полководцами. Сама по себе победа в сражении еще не является достаточным критерием для того, чтобы судить о таланте военачальника. «Посредственные полководцы нередко побеждали одаренных и талантливых, что, однако, вовсе не означает, что хороший полководец не лучше посредственного» [72]. Роль генералов в сражениях вообще, вероятно, следует переоценить и переосмыслить с других позиций. С этим утверждением согласны даже эксперты по военным вопросам, и это при том, что многие из них сами имеют высокие офицерские звания или, по крайней мере, заняты в подготовке командного состава армий. Отдельные достоинства могут компенсировать недостаток таланта полководца, и именно так чаще всего и происходило в Риме. Люди по-разному ведут

себя на войне. Жомини приводит испанскую поговорку: «В тот день он был храбрым человеком». Смысл этого выражения заключен в том, что лишь немногие из людей могут быть храбрыми все время. Римляне, кажется, меньше других народов были подвержены таким колебаниям. Полководцы республиканского периода обычно не были профессиональными военными в полном смысле, а империи, который вручала им республика, подразумевал власть, не ограниченную лишь полем боя. Даже трибун не мог указывать ему, а огромные полномочия империя, подкрепленные традиционной римской дисциплиной, давали ощущение безграничной власти.

Разделение командования между двумя консулами, равными по власти, несло в себе опасность несогласованности действий консульских армий на поле боя. На практике такое случалось, но римляне, понимая эту опасность, долгое время сохраняли должность диктатора, вводимую в случае чрезвычайной опасности и дававшую почти неограниченные полномочия одному человеку. Когда срок, на который был назначен диктатор, подходил к концу, он складывал с себя чрезвычайные полномочия, и власть снова переходила в руки сената. Позднее каждой римской армии стали назначать командующего, что окончательно устранило двоевластие на поле боя.

Во времена ранней республики непосредственное командование армиями, как правило, возлагалось на магистратов, и бывших магистратов и, таким образом, руководство римской армией зависело от людей, зачастую довольно далеких от чисто военных вопросов. Президент Соединенных Штатов, к примеру, также будучи Верховным главнокомандующим, избирается на свой пост отнюдь не за военные заслуги, и никто, разумеется, не ждет от него, что он будет непосредственно руководить армией. Римский консул или проконсул, с другой стороны, в случае войны принимал на себя командование армией на поле боя. Следует, однако, помнить, что война занимала в повседневной жизни римлян значительно большее место, чем в жизни современных людей. Война не была уделом исключительно профессионалов, посвятивших ей всю свою жизнь, и, хотя на военных должностях нередко оказывались люди, не имевшие дарований или опыта в этой области, ситуация все же сильно отличалась от современных демократий, где первостепенное значение при выборах на ту или иную должность имеют качества, весьма и весьма далекие от военного дела.

Наша задача теперь состоит в том, чтобы выяснить, могла ли такая система избирать способных военачальников или нет и насколько этот вопрос вообще повлиял на ход римской истории. Некоторые армии в меньшей степени зависят от таланта полководцев, и некоторые военные системы вообще предъявляют меньшие требования к способностям военачальников. Целая череда довольно посредственных римских полководцев в сочетании с замечательными успехами, достигнутыми республикой на поле боя, приводят нас к выводу, что римская армия и сама римская система требовали не так уж много талантов от своих генералов. Многие историки военного дела не скрывают своего удивления по поводу успехов, достигнутых Римом в последние десятилетия республики. Среди римских полководцев встречались, несомненно, одаренные и способные, однако в среднем командующие римскими армиями оставались дилетантами, малоподготовленными к выполнению своих непосредственных обязанностей.

В течение столетий портрет римского офицера высокого ранга оставался, по существу, неизменным. Это обыкновенно был магистрат или бывший магистрат, разменявший четвертый или пятый десяток, не имевший никаких специальных военных знаний и практически никакой военной подготовки, за исключением, быть может, некоторого времени, проведенного на службе в армии в молодые годы, и чьи обычные занятия лежали в сугубо гражданской сфере и были чрезвычайно далеки от военной науки. Полибий пишет о полководцах Ахейского союза следующее: «Всякий желающий усвоить искусство военачальника поступает одним из трех способов: или он подготавливает себя чтением исторических сочинений, или обучается последовательно у людей, умудренных опытом, или, наконец, достигает этого участием в делах собственным опытом. Все это ахейским стратегам и на мысль не приходило» [73].

Насколько позволяют судить имеющиеся у нас сведения, римские военачальники в I веке до н. э. весьма слабо разбирались в военной науке и обычно римский претор или консул имел весьма немного практического опыта в военных вопросах. Известно, как в конце II века до н. э. Марий насмеялся над потугами римской знати освоить военное дело и тактику по трудам греческих авторов, которые вошли в моду в то время [74]. В «Стратегемах» Секста Юлия Фронтинна содержится немало рекомендаций, которыми пользовались римские полководцы I века до н. э. Сочинение Фронтинна во многом повторяет работы греческих авторов, хотя и маловероятно, что оно является сознательным подражанием. Однако вплоть до самых последних десятилетий своего существования республика нечасто имела одновременно достаточное число опытных и подготовленных полководцев, продемонстрировавших свой талант на поле боя.

Само по себе это не являлось недостатком. Возраст имеет немалое значение для полководца, и римляне всегда старались избегать назначения на ответственные военные посты людей слишком старых, по их мнению, для этого. В истории немало примеров, когда тот или иной военачальник, в молодости демонстрировавший храбрость и решительность, к старости полностью растрачивал эти качества. Риму, кажется, удавалось избегать таких ошибок при назначении командующих своими армиями. В Новое время лишь немногие полководцы смогли достичь значительных успехов без опыта и долгой подготовки. Можно вспомнить примеры Кромвеля, Валленстайна и Конде. Пожалуй, всё. Были, конечно, великие полководцы, чей возраст соответствовал возрасту обычного римского офицера, однако и они, как правило, начинали военную службу еще в ранней юности и получали большую подготовку перед тем, как принимали командование армиями. Примерами тому могут служить и Александр Великий, и Ганнибал, и Наполеон.

Надо признать, что опыт, полученный на войне, сам по себе еще не делает из человека полководца. Иерархический характер современных армий делает долгую службу почти неизменным условием для достижения высших командных постов. В наши дни полководцы пользуются помощью начальников своих штабов и военных специалистов. Римский военачальник не имел своего штаба, и его *consilium* не мог принимать решения за него. Вверить армию человеку, находящемуся в возрасте обычном для римских консулов и преторов, вероятно, было довольно рискованно. Разумеется, полководцы, зарекомендовавшие себя в деле, снова привлекались на службу, особенно в трудные времена. Приобретенный опыт давал им нужное на войне хладнокровие, а в тех случаях, когда одного опыта было недостаточно, на помощь приходили твердость и стойкость римского характера.

Теперь попробуем разобраться, что же приносил с собой римский полководец, за исключением своего аристократического происхождения, опыта, полученного на прежней гражданской службе, и славы своих предков, и какие недостатки полководца могли быть сглажены самой структурой армии. Римские военные операции последних десятилетий республики с тактической и стратегической точки зрения были довольно простыми. Согласно Жомини, одним из основных тактических и стратегических принципов было сосредоточение основной части своих сил против части сил неприятеля, позволявшее добиться локального численного преимущества. Клаузевиц, в свою очередь, полагает, что без окружения или охвата неприятеля полная победа невозможна. В целом же римская традиционная тактика боя предусматривала сражение в линейном построении против противника, чьи силы также выстраивались в линию. Римские армии нечасто имели такое численное преимущество, которое могло бы позволить им осуществить охват и тем более окружить неприятеля. Тактика, применявшаяся Сципионом Африканским, представляла собой исключение из этого общего правила, однако в следующем столетии о его идеях, кажется, совершенно забыли. Исключение относится по времени уже к позднереспубликанскому периоду – после того как в полной мере была оценена эффективность легионов, составленных из ветеранов, такие соединения стали применять во фланговых атаках.

Как бы то ни было, остается фактом, что на протяжении своей истории римляне, как

правило, выигрывали сражения и войны, следуя довольно простым тактическим правилам и сравнительно несложной стратегии. Впрочем, римская армия весьма неплохо освоила эти простые тактические средства и умела с их помощью добиваться поставленных целей. Еще до того, как римская армия стала полностью профессиональной, ее центурионы, остававшиеся на службе многие годы, имели достаточно практических знаний и навыков в тактике. Тактическое командование в контингентах италийских союзников Рима также должно было быть на высоком уровне, поскольку иначе они бы не смогли действовать на поле боя совместно с легионами. Когда началась Союзническая война, военачальники италиков также оказались ничуть не хуже собственно римских полководцев, кроме, быть может, самых талантливых и одаренных из них. Можно предположить, что италийские армии вполне переняли лучшие стороны римских легионов. Во всяком случае, римская традиция обычно не возлагает на союзников вину за поражения или отступления римлян. Римляне старались оставить за собой выбор – сражаться или нет. Наличию возможности такого выбора они придавали огромное значение, что видно по отрывкам из сочинений Ливия, которые он, возможно, заимствовал у более ранних авторов, чьи сочинения не сохранились до нашего времени. В стратегическом смысле полководец, не имеющий уверенности в своих силах и в своей армии, мог положиться на время и спокойно выжидать, зная, что день победы рано или поздно придет, если не для него самого, то хотя бы для его преемника. Критике подвергались скорее те военачальники, которые вступали в сражение, не имея для этого всех условий.

Ошибки римских адмиралов и генералов временами были обусловлены неопытностью, часто их неспособностью выработать новую тактику в нестандартных обстоятельствах или в ответ на не вписывающиеся в привычную логику действия противника. Кроме того, анализ прошлых сражений нередко приводил к неправильным выводам. В битве при Требии около 10 тысяч римлян, сохранив боевой порядок, сумели прорваться сквозь строй карфагенян, в то время как остальные были уничтожены. Это привело римское командование к выводу, что для победы над Ганнибалом необходимо сосредоточение максимально возможного количества солдат для нанесения сильного удара на узком фронте. Такой подход в конечном счете и привел к катастрофе при Каннах. Ганнибал применил тактику двойного охвата против римлян, пытавшихся прорвать оборону линии неприятеля. В результате чем плотнее был строй римских солдат, тем сложнее им было сражаться. Сжатые и атакуемые со всех сторон, они были либо перебиты, либо захвачены в плен. Впрочем, римляне быстро извлекали уроки из своих поражений, а их людские ресурсы позволяли им снаряжать новые армии. Самоуверенность в сочетании с недостатком сведений о противнике – вот одна из наиболее распространенных причин поражений римлян. Крайне редко, но бывали и такие случаи, когда римская армия поддавалась панике и бежала с поля боя. Не был решен вопрос о противодействии тяжелой пехоты атакам конных застрельщиков, что имело далекоидущие последствия во время войн с Парфией.

Что имеет для нас главное значение, так это не то, почему римские полководцы терпели поражения – для таких рассуждений у нас, увы, слишком мало точных сведений, а то, почему им столь часто удавалось одерживать победы. Я попробую рассмотреть этот вопрос на отдельных примерах и постараюсь дать объективную оценку римским полководцам.

Рим должен был иметь немало хороших военачальников в ранний период своей истории. Согласно римской традиции один полководец мог преуспеть там, где многие другие до него потерпели неудачу. Во время Самнитских войн мы можем видеть один блестящий стратегический пример – марш Фабия Руллиана через труднопроходимую местность в Киминийском лесу, который неожиданно для врага вывел его во фланг этрусским армиям [75]. Существует точка зрения, согласно которой этот маневр мог быть предпринят по прямому приказу сената, поскольку Фабий выступил в поход непосредственно из Рима. В то же время Фабий был одним из двух военачальников, которые обеспечили концентрацию римских армий в решающий момент перед битвой при Сентинуме, так что вполне возможно,

что и этот маневр был предложен Фабием [76] . Во время войны с Пирром римские полководцы, кажется, довольно быстро выработали способы противостояния тактике своего неприятеля.

Вплоть до времени Второй Пунической войны мы не знаем ни одного римского военачальника, который привнес бы в военное искусство нечто по-настоящему новое. Первым римским полководцем, о котором мы с уверенностью можем сказать, что его деятельность обогатила военное искусство, был Сципион Африканский. Некоторые историки пытались даже поставить его талант выше Наполеона, что конечно же является сильным преувеличением [77] . Как стратег Сципион превосходил любого из современных ему римских военачальников. Но я все же склонен полагать, что многими своими успехами он в немалой степени был обязан не столько своим дарованиям, сколько слабости неприятеля и прекрасным качествам своих войск. К примеру, он не сумел заблокировать Гасдрубала в Испании, что являлось на тот момент его первой задачей. Во время высадки в Африке его смелый бросок перед решающим сражением с Ганнибалом вызывает одновременно и массу восторгов, и целый шквал критики со стороны военных экспертов. При этом я лично убежден, что для критики тут куда больше оснований. Однако как тактик Сципион проявил себя прекрасно, привнеся массу нового в римское военное искусство. Невзирая даже на то, что многие из этих нововведений представляли собой применение к римской практике идей, заимствованных у Ганнибала в период его выдающихся побед в Италии. К примеру, Сципион стал применять комбинированные удары по флангам одновременно с атакой неприятеля по фронту, чем столь блестяще не раз пользовался и Ганнибал [78] . Я более чем уверен, что во время финальной битвы при Заме Ганнибал быстро разгадал замысел Сципиона, так что своей победой римляне скорее обязаны боевым качествам своих легионов, чем руководству Сципиона. За вычетом, пожалуй, одного фактора – строжайшей дисциплины, установленной в армии Сципионом, который превзошел в этом отношении едва не всех прочих римских полководцев. Сципион, правда, имел важное преимущество перед другими римскими военачальниками – он оставался на своей должности значительно дольше прочих и имел достаточно времени, чтобы подготовить свои войска и самому набраться опыта в военном деле. Таким образом, к моменту сражения при Заме Сципион имел гораздо больше практического опыта в командовании своей армией, чем Ганнибал во время сражений при Требии, Тразименском озере или при Каннах. Тем не менее, невзирая на все это, Сципион был великим полководцем, и после его смерти в Риме не осталось военачальника, равного ему по дарованиям и заслугам.

В самом деле, Рим за весь II век до н. э. породил сравнительно мало действительно одаренных полководцев. В первой половине столетия римляне одержали три выдающиеся победы – при Киноскефалах, при Магнезии и при Пидне. В первой из этих битв решающую роль сыграли этолийцы, победой во второй римляне отчасти обязаны Эвмену II, царю Пергама, сражавшемуся на стороне Рима. По поводу сражения при Пидне нам достоверно известно немного. Вполне вероятно, что македонский царь сам своими действиями подарил римлянам победу, однако малые потери римской армии даже при таком развитии событий указывают на достаточно грамотное руководство [79] . Вторая половина столетия была особенно богата бездарными полководцами при почти полном отсутствии сколь-нибудь одаренных. Сципион Младший, покоритель Карфагена и Нумансии, был хотя бы неплохим организатором, а Метеллу, воевавшему против Югурты, де-факто принадлежит победа в этой войне, хотя на последних ее этапах командование и было передано Марию. Сам Марий был не только великим военным реформатором, но и неплохим тактиком и, если судить на основании его действий против кимвров и тевтонов, весьма недурным стратегом. Хотя сохранившиеся сведения неполны, они все же позволяют характеризовать Мариа как мастера оборонительных сражений и отметить, что он скорее предпочитал вынудить неприятеля атаковать, чем наступать самому. Во время Союзнической войны на вызов, брошенный ему командующим армией италиков, Марий ответил: «Если ты действительно великий полководец, приди и заставь меня сражаться» [80] .

Переходя к I веку до н. э., я должен признать, что вторым по своему дарованию римским военачальником после Сципиона Африканского был Корнелий Сулла, первый большой мастер новой легионной тактики. Во время Союзнической войны он одерживал победы там, где многие куда как более опытные полководцы до него терпели поражения. При Херонеях в Греции как командир он проявил себя с наилучшей стороны. Трудно оценить, насколько велики его заслуги в том развитии, которое получила римская тактика в этот период, однако такое совпадение по времени вряд ли было случайным, и, вполне возможно, именно Сулла был действительным автором многих нововведений, придавших обычной римской тактике на поле боя одновременно дополнительную гибкость и устойчивость. Полководцем он был, кажется, столь же хладнокровным, как и политиком. Серторий, отложившийся от метрополии и долгое время независимо правивший в Испании, был учеником Мария. Он удачно соединил в своих войсках преимущества стандартной римской тактики с местными, сугубо испанскими, достижениями в области военного дела. Серторий стал, если можно так выразиться, своего рода учителем для молодого и способного римского военачальника – Гнея Помпея. Он сумел соединить в своей армии лучшие качества римских легионов с эффективностью испанских подразделений, отлично приспособленных к действиям на местности [81]. Но еще при жизни Суллы в римской армии произошли изменения, имевшие очень далекоидущие последствия. Я имею в виду не столько собственно боевые качества римской армии, сколько характер взаимоотношений, установившихся с этого времени между армией и ее полководцем.

На изменение характера этих взаимоотношений повлияло множество различных факторов. Легионеры, которые сделали военное дело своей профессией, в большей степени теперь полагались на своих полководцев, а не на сенат, рассчитывая получить земельные участки и денежное вознаграждение, полагавшееся им, когда они оставляли службу в легионе и выходили в отставку по выслуге лет. Множество войн, которыми наполнена римская история в годы, следовавшие за диктатурой Суллы и Союзнической войной, заставляли привлекать к службе военачальников, сделавших себе имя и, самое главное, пользовавшихся популярностью у солдат. Армия, с которой Сулла сражался против Митридата, стала, по существу, уже его собственной армией, готовой идти за своим генералом против кого угодно, даже против собственного правительства. Каковы бы ни были замыслы Суллы в отношении сената, его диктатура создала для Рима опаснейший прецедент и указала путь к власти для амбициозных военачальников – *Sulla potuit, ego non potero?* [82] («Сулла смог, разве я не смогу?» – *Пер.*). Но в этой лекции мы не станем подробно рассматривать влияние, которое оказал Сулла на армию и государство. Полководец нового типа был вынужден заботиться главным образом об интересах своих легионеров, иначе мог лишиться их преданности, а вместе с ней и своей власти. Сохранилась надпись, относящаяся ко времени Союзнической войны, свидетельствующая о награждении Помпеем Страбоном испанской кавалерии, служившей ему. Забота Цезаря об интересах Цизальпинской Галлии объяснялась тем, что она служила ему постоянным источником новых рекрутов. Если раньше полководец назначался лишь на одну кампанию, то теперь он сохранял свой пост в течение многих лет, зачастую оставаясь вместе со своими войсками в одном и том же регионе. Его военная репутация отныне определяла и его политический вес. Целое поколение полководцев республики теперь полностью посвящало себя военной службе и проводило все время в действующей армии, в то время как их гражданские и политические интересы отстаивали в Риме их доверенные лица.

Эти полководцы были вынуждены теперь постоянно искать применение своим преданным армиям, поскольку лишь войны оправдывали содержание этих армий и поддерживали в них дисциплину. Каждый из военачальников собирал вокруг себя многих молодых и талантливых офицеров. Лукулл, к примеру, служил у Суллы во время войны с Митридатом, и продолжение этой войны перешло к нему впоследствии как бы по наследству. В промежутке времени между диктатурой Суллы и началом гражданских войн лучшим полководцем Рима считался Помпей. Многим людям незнатного происхождения он даровал

свое покровительство и старался продвигать на важные должности людей, лично ему преданных. К примеру, Луций Афраний, человек, не имевший никаких политических дарований, стремился получить должность легата у Помпея, а впоследствии при его поддержке получил консульство в 60 году до н. э. Недавно было высказано предположение, что тот же небезызвестный Тит Лабиев начинал свою службу у Помпея и лишь затем перешел к Цезарю. Сын Красса служил у Цезаря во время Галльской войны, хотя впоследствии очень не вовремя присоединился к своему отцу в его неудачном походе против парфян, ставшем последним для них обоих. Мало того, образовалась целая группа солдат и офицеров, целиком обязанных своим положением Цезарю и чьи карьеры напрямую зависели от его успехов как полководца и политика. Влияние процессов, происходивших в самом римском обществе, сказалось и на армии. В частности, получила широкое распространение практика приема на военную службу не по заслугам, а по рекомендации. Так, Квинт Туллий Цицерон, младший брат Марка Туллия Цицерона, служил легатом у Цезаря во время Галльской кампании, и лишь потому, что Цезарь не мог недооценивать остроту языка и силы политического влияния великого оратора. Единственным значительным полководцем того времени, игнорировавшим эту практику, был, пожалуй, Лукулл. Будучи блестящим полководцем и организатором, он тем не менее не создал своей, преданной только ему армии и всегда сохранял преданность римскому Сенату. Многие солдаты расформированной армии Лукулла влились в ряды легионов Помпея [83].

В последние годы существования республики талантливые офицеры были вынуждены выбирать между службой у Помпея и службой Цезарю. Причем, если в прежние времена мы видим немало примеров перехода на службу от одного полководца к другому, теперь таких прецедентов практически не случается. То же можно сказать и о солдатах и центурионах, причем от последних в огромной степени зависела эффективность действий всей армии.

В тот момент, когда гражданская война все-таки началась, Помпей пользовался значительно большей поддержкой как у населения, так и в армейской среде. Однако после неожиданного и молниеносного вторжения Цезаря в Италию симпатии многих легионеров и центурионов быстро перешли на его сторону [84]. Талант Цезаря вполне мог компенсировать некоторые недостатки его офицеров, Помпей же и его соратников сдерживали недостатки собственной армии. Помпей также испытывал известные затруднения оттого, что, сражаясь на стороне сената, он был вынужден многие посты доверить ставленникам сенатской партии, способностям которых он не мог вполне доверять. К их числу относился и Луций Домиций Агенобарб, о чьей упрямой глупости, приведшей к самым тяжелым последствиям, я расскажу позже. Цезарь же, с другой стороны, не всегда мог сохранить верность своих лучших офицеров, таких как Требоний или Децим Брут. Впрочем, к тому моменту он уже одержал победу. Большую опасность таила в себе его неспособность удержать в самый критический момент гражданской войны Лабиева – способнейшего из своих легатов.

Я думаю, нет нужды расписывать здесь в подробностях достоинства Тита Лабиева. Он был не только способным и опытным тактиком, но даже, если угодно, полководцем будущего, опередившим свое время. Более, чем кто-либо из его современников, он сумел по достоинству оценить те тактические возможности, которые открывало совместное применение на поле боя кавалерии и легкой пехоты. В этом отношении его можно назвать далеким предшественником великих полководцев поздней империи. Его попытка при Фарсале решить исход сражения атакой кавалерии на вражеский фланг была вполне разумной и могла бы привести к успеху, если бы неприятельские войска действовали в обороне хоть немногим хуже. Причиной, которая побудила Лабиева оставить Цезаря, возможно, было выдвигание на ведущие роли Антония. Антоний был настоящим солдатским генералом – храбрым в наступлении, неустрашимым в бою и стойким и изобретательным при отступлении. Единственная действительно крупная победа Антония – битва при Филиппах – недостаточно освещена в источниках античного времени, чтобы по ней мы могли дать взвешенную оценку Антонию как полководцу и тактику.

Главным достоинством Помпея-полководца в молодости была быстрота и скорость действий. Впрочем, давая такие оценки, мы отчасти рискуем, поскольку основываемся главным образом на сочинениях Цицерона, а для него существовали лишь крайние оценки. Помпей, без сомнения, был хорошим организатором и умел вызывать восхищение у своих солдат. В политике же Помпей проявил себя как человек холодный, изменный и подлый, не имевший способности вдохновлять. Цицерон с горечью говорил о нем: «O dii quam ineptus! Quam se ipse amans sine rivali!» («О боги! Как глуп любящий себя без соперника!» – *Пер.*). На поле боя Помпей был совершенно другим человеком. Наиболее же примечательной чертой его как полководца было его умение сочетать действия армии и флота, проводить комбинированные операции, что было большой редкостью в Античности. В этом умении с ним мог поспорить, пожалуй, только Агриппа, чьи военные успехи на суше и на море принесли победу в гражданских войнах Октавиану и сделали возможным сравнительно безболезненный переход от республики к империи. Агриппа – последний из великих полководцев республики, но далеко не последний по своему дарованию.

Возвращаясь к нашей основной теме, следует отметить, что появление профессиональных полководцев и военачальников – весьма характерная черта периода поздней республики. Легионеры Рима всегда были искусны в сооружении и использовании полевых укреплений. Эти их навыки сослужили хорошую службу Цезарю в Галлии и пригодились еще больше, когда, с началом гражданской войны, легионам пришлось встретиться на поле боя с такими же легионами. Военное искусство приобретало новые черты, значительно усложнившись по сравнению с предыдущими эпохами. Военные кампании стали затяжными, гораздо большее значение стало иметь умение воевать, избегая прямого столкновения с противником, усложнились тактические и стратегические приемы. Выросла проблема снабжения армий, поскольку теперь армии перемещались налегке и в полной готовности к немедленным действиям. Укрепленные города умело использовались в качестве опорных пунктов, хотя, вообще, надо заметить, что военное искусство республики было весьма далеко от идеи позиционной войны и в целом было не слишком сильно при осаде городов. Помимо самого Рима, обладание которым было скорее призом победителю, чем условием победы, остальные города не представляли значительной ценности, и обе стороны редко стремились к захвату какого-либо конкретного укрепленного пункта.

Профессиональные солдаты поздней республики зачастую предугадывали замыслы своего полководца даже без прямых приказов. Во время кампании в Испании в Илерде ветераны Цезаря не хуже своего командира понимали, насколько важно было перехватить отступающие войска легатов Помпея [85] . В битве при Фарсале те же самые ветераны интуитивно поняли значимость ускоренного наступления, поскольку Помпей стремился получить преимущество, вынудив Цезаря наступать [86] . Преданность легионеров их полководцам основывалась прежде всего на оценке их качеств и способностей непосредственно на поле боя. Это, разумеется, не означает, что римские военачальники позволяли солдатам принимать за них решения или, совершая непростительную и опасную глупость, заранее объявляли всей армии о своих планах. Я думаю, что Цезарь вполне согласился бы с Фридрихом Великим, утверждавшим, что он бросил бы в огонь свой ночной колпак, если бы тот мог узнать его замыслы. Но в последние десятилетия республики военачальникам приходилось завоевывать доверие своих солдат буквально любой ценой. Прекрасной иллюстрацией взаимоотношений полководца со своими солдатами являются *Bellum Africum* («Записки об Африканской войне». – *Пер.*), принадлежащие перу неизвестного автора и составленные, по-видимому, уже после гибели Цезаря. Хотя Цезарь и был действительно выдающимся военачальником, а его ветераны составляли прекрасную армию, все же нельзя не заметить, как отзывается автор – простой солдат – о своем полководце и каких трудов последнему стоило удерживать своих солдат в подчинении. В ситуациях, когда солдаты не знали доподлинно целей, которые преследовал Цезарь, и при этом им грозила опасность, один лишь вид спокойного лица Цезаря внушал им уверенность в том, что он найдет такое решение, которое максимально облегчит их тяготы и приблизит

победу [87] . Во время войны на Пиренейском полуострове про Веллингтона подобным же образом говорили, что один лишь вид его длинного носа вселял в солдат уверенность в успехе. Текст *Bellum Africum* вместе с другими письменными источниками античного времени показывает, что легионеры в первую очередь ценили именно военные таланты военачальника, который должен был регулярно подтверждать свою репутацию, одерживая новые победы, и только тем мог сохранять преданность своей армии.

Подготовка к сражению зачастую отнимает столько времени и сил, что лишает военачальника способности верно оценивать общие стратегические вопросы. Профессиональные стратеги действительно часто не способны видеть дальше своего носа. Я полагаю, что даже Цезарь под конец жизни стал страдать чем-то вроде стратегической близорукости. Его стратегия в Галлии в целом была весьма дальновидной, и ему удавалось сопротивляться искушению попытаться разбить галлов по частям [88] . Лишь один раз он разделил свои легионы, что, если верить его собственным записям, произошло по причине трудностей со снабжением, и это едва не привело к катастрофе. Наученный опытом, Цезарь немедленно собрал воедино свои силы, когда началось восстание Верцингеторига. В начале гражданской войны диспозиция его войск, все еще сосредоточенных в Галлии, была полностью оправдана стремительным и неожиданным вторжением в Италию, за которым последовала высадка в Испании, где находилась сильнейшая армия Помпея. Позиции самого Помпея, за вычетом того, что бросок Цезаря не позволил ему выдвинуть испанскую армию к Риму, были достаточно сильны и стратегически обоснованы. Они вполне могли бы принести успех Помпею, если бы из-за некомпетентности Домиция Агенобарба не провалился план по формированию еще одной армии в Южной Италии. Последовавшее затем решение оставить Италию также трудно критиковать [89] . После уничтожения испанской армии Помпея Цезарь перебросил свои силы на Балканский полуостров, чтобы встретиться с самим Помпеем в решающем сражении. Решение следовать за Цезарем в Грецию, принятое Помпеем после победы при Диррахии вместо того, чтобы отправиться напрямик в Италию, в которой не оставалось сил, способных ему помешать, в целом выглядит также вполне оправданным. Во всяком случае я не принадлежу к числу тех историков, которые считают, что оно было навязано ему представителями сенатской партии [90] . Но при Фарсале он первым бежал, и именно это, возможно, и сломало окончательно его дух, приведя его в состояние, когда он не мог уже адекватно оценивать свои собственные возможности. В любом случае мне трудно представить, что он мог надеяться получить какую-то поддержку в Египте и не понимать, что единственное, что может ждать его там, – это смерть.

Но вернемся к Цезарю. Он удержал и сохранил за собой инициативу в войне вплоть до битвы при Фарсале и не забывал при этом заботиться о снабжении Рима хлебом. Отправка войск в Африку была вполне оправданна – не находит оправдание лишь назначение Куриона командующим этими силами. Впрочем, Цезарь не раз ошибался в своих офицерах и не раз был вынужден расплачиваться за это. При Диррахии он принял, пожалуй, неоправданно высокий риск, но такие действия во многом были вынужденными в тот момент. После победы в битве при Фарсале он последовал за бежавшим Помпеем в Александрию, поскольку само имя Помпея еще много стоило, и его смерть была необходимым условием победы Цезаря. Кампания в Малой Азии, хотя и непродолжительная, опасно затянула его возвращение в Рим. Африка слишком долго была предоставлена сама себе, и, когда Цезарь все-таки начал военные операции здесь, ему пришлось столкнуться и с первыми трудностями. Он, кажется, больше стремился продемонстрировать свой талант полководца, чем скорее завершить кампанию [91] . Цезарь, видимо, недооценивал сложность положения, создавшегося в Испании до тех пор, пока не прибыл туда лично.

Если судить Цезаря в соответствии с самыми высокими стандартами искусства управления государством, то нельзя не согласиться с тем, что в момент принятия решения о походе против Парфии солдат в нем возобладал над политиком. Но даже в этом случае солдат, который восторжествовал в Цезаре, был великим солдатом, достойным стоять в

одном ряду с Александром, Ганнибалом и Наполеоном. Его достижения были продиктованы насущными потребностями. Ему не было нужды завоевывать новые земли, подобно Александру, не нужно было держать в повиновении наемную армию, как Ганнибалу, или же строить сложные многоходовые стратегические комбинации, как это делал Наполеон. Не было потребности и в проведении военных реформ или во введении каких-либо существенных новшеств в уже существовавшую тактику. В этом отношении Цезаря никак нельзя сравнить с Эпаминондом или, скажем, Фридрихом Великим. Возможно даже, что Тит Лабий, служивший легатом под началом Цезаря, имел более глубокие познания в отношении тактики действия легионов или проведения кавалеристских атак, чем его командир. Но если Цезарь и не привнес ничего радикально нового в военное искусство, то лишь потому, что не имел нужды делать это. Он воспользовался инструментом, который сделали до него другие, но до совершенства этот инструмент довел именно Цезарь. Мало того, Цезарь во многих своих начинаниях был весьма предсказуем, что, вообще говоря, весьма скверное качество для военачальника, и его противникам зачастую удавалось угадывать его следующий ход. Но в политике он всегда оставался для них полной загадкой [92].

На этом мы завершаем изучение нашей темы. Военное искусство республики, происходившее от самых основ Римского государства и воплотившее в себе все основные черты характера самого римского народа, никогда не требовало от своих полководцев большего, чем то, на что был способен подготовленный и опытный солдат. Военная сила Рима всегда основывалась на методичности и организации. Однако уже на излете своей истории республика породила военачальника, опередившего свое время. Военачальника, в котором были сплавлены воедино воля и разум, а именно это и отличает простой талант от подлинной гениальности.

Книга 2 ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ГРЕЦИИ И МАКЕДОНИИ

Предисловие

Я предпринял попытку выявить особенности ведения войны греками и македонцами. Подробные описания военного снаряжения, топографии и хода отдельных битв, которые уже были сделаны выдающимися исследователями, приведены здесь только в тех случаях, когда они необходимы для того, чтобы объяснить, какие факторы оказывали воздействие на военное искусство, или охарактеризовать его. Отбирая факты, я старался сосредоточить свое внимание на тех из них, которые казались мне наиболее важными для раскрытия темы.

Каждый исследователь, специализирующийся на данной проблематике, должен понимать, какой неоценимый вклад в ее изучение внесли первые систематические труды Г. Дройзена и А. Бауэра, посвященные этому вопросу, а также статьи Я. Кромайера и Г. Вейта, опубликованные ими вместе с соавторами в *Antike Schlachtfelder* и *Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer*. За сочинения, посвященные истории Александра и эпохи эллинизма, благодарю сэра Уильяма Гарна. Также выражаю свою признательность Г. Дельбрюку, разработавшему в своей книге *Geschichte der Kriegskunst* крайне убедительную теорию, имеющую самое непосредственное отношение к рассматриваемой здесь теме. Несмотря на то что я никоим образом не могу согласиться со сделанными им выводами, я многим обязан его оригинальности и весьма реалистическому представлению о военном искусстве в целом.

Работая над этой книгой, я неоднократно вступал с моим другом мистером Г.Т. Гриффитом в дискуссии, оказавшиеся для меня крайне полезными. Он также любезно согласился ознакомиться с гранками книги, и это принесло ей значительную пользу. За фактические и теоретические ошибки, возможно оставшиеся на ее страницах, я несу полную ответственность. Большая часть сносок отсылает читателя к историческим источникам, но

при этом я стремился указать на то, какие идеи и выводы были заимствованы мной из трудов современных исследователей.

Глава 1 ГОРОД-ГОСУДАРСТВО ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В древности ведение войны в первую очередь зависело от мастерства людей, их храбрости и силы духа. Знаменитый афоризм, согласно которому война представляет собой драму страстей [93], позволяет отнести ее к категории искусства – она не научна, так как не является обезличенной и бесстрастной.

Следует обратить внимание на недостатки войны. Никто не рискнет заявить, что это идеальный способ разрешения противоречий. Никто не станет отрицать: сражения самым печальным образом нарушают благодать мирного существования. Греки, например, очень отчетливо понимали это – в той же степени, что и осознавали: гораздо лучше быть здоровым, чем болеть. Но война занимала заметное место в их жизни, причем независимо от их желания. Для того чтобы понять прошлое, необходимо по мере возможности ответить на вопросы о том, что и по каким причинам тогда происходило. Некогда Фукидид сказал, что война – жестокий учитель [94]; по его мнению, она способна научить лишь плохому. Однако сражения являются частью опыта человечества, и будет неправильно, если мы оставим данную тему неизученной, даже несмотря на то что вокруг нас существуют другие вещи, более достойные нашего внимания. Что касается названия моей книги, то я вскользь должен отметить: использование в нем слов «Греции и Македонии» никоим образом не обусловлено стремлением отрицать вероятность того, что этнически македоняне были близки грекам, кажущуюся мне довольно большой.

Эта первая лекция посвящена приемам ведения войны, характерным для древнегреческого города-государства, а также для эллинов, являвшихся, как назвал их Аристотель, существами социальными [95]. Греки сражались еще в доисторические времена. Уже до рождения Агамемнона в этой стране встречались храбрецы, да и после него они не перевелись. Основной темой эпоса – не забытого общего наследия эллинов – были «славные деяния людей». Именно об этом пел слепой поэт в зале дворца Алкиноя, царя феаков [96]. Герои «Илиады» один за другим совершают свой главный подвиг, аристею, во время которой каждому из них удастся продемонстрировать свое мастерство. Любой из них предстает перед нашими глазами так же отчетливо, как и перед внутренним взором эллинов, слушавших рассказ рапсода. Непреклонный Аякс противостоял и людям, и богам. Диомеду свойственно страстное, юношеское своеволие. Гектор, пока судьба не настигла его, был воплощением стремлений своих подданных. Свой величайший подвиг Ахилл совершил, когда во время отступления греков, вызванного гибелью Патрокла, он без оружия встал во рву, и одного звука его голоса было достаточно для того, чтобы троянцев охватил ужас. Что бы ни говорил мудрый Нестор о подразделении армий по племенам и братствам, битвы, описываемые в эпосе, в первую очередь представляли собой личные сражения между героями.

Греки помнили обо всех этих событиях, видя в них наследие героической эпохи. Но в эпических поэмах ничего не было сказано о военном искусстве; на основании них эллины могли лишь составить представление об их главных героях. В более поздние времена война заметно изменилась – теперь в ней участвовали объединения вооруженных членов общины, храбро сражавшихся плечом к плечу и представлявших собой единую и дисциплинированную силу. По достижении этого появилось и истинное военное искусство. Однако о том, каким образом оно формировалось на протяжении темных веков, отделявших гомеровскую Грецию от исторической, мы не можем сказать ничего конкретного. Но вслед за Аристотелем мы можем прийти к выводу о том, что оно являлось отчасти причиной, а отчасти следствием политического развития города-государства.

В настоящий момент мы не будем говорить о греческих политических образованиях, так и не ставших полисами. Они основывались на совершенно иных принципах, и для них

были характерны абсолютно другие способы ведения войны. Здесь речь пойдет о наиболее распространенных среди эллинов политических образованиях и свойственных им способах ведения войны, основанных на действиях, осуществляемых на поле боя фалангой гоплитов. Под словом «фаланга» в данном случае подразумевается отряд пехотинцев, тесно выстроенных в несколько шеренг, также близко стоящих друг к другу [97].

Свое наименование гоплиты получили по названию щитов, с которыми они воевали. Это вполне логично, так как действия, осуществляемые солдатами на поле боя, диктовались внешним видом и характером использования этих щитов, круглых, более 3 футов (91 см. – *Пер.*) в диаметре. Их носили в левой руке – предплечье воина продевалось через специальное полукольцо на оборотной стороне щита, а кистью он держал рукоятку. Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, такой вид щитов стал стандартным для греческих пехотинцев еще до начала VII века до н. э. Они закрывали большую часть тела, а правая рука оставалась свободной, что позволяло солдату использовать крепкое метательное копьё, длина которого составляла примерно 7–8 футов (213–244 см. – *Пер.*). В вооружение гоплита также входил короткий меч, но его основным оружием все же являлось копьё. Его голову защищал металлический шлем, а в качестве дополнительной защиты он носил доспехи и наголенники, защищавшие ноги. Именно таким гоплит предстает перед нами в письменных текстах и произведениях искусства [98].

Наиболее надежно щит греческого солдата защищал его левый бок, а справа его прикрывал соседний воин. Таким образом, шеренга гоплитов представляла собой чередование защитных щитов и предназначавшихся для атаки копий. Последнее каждый воин спокойно и умело метал, причем, как правило, с выносом руки. Этим мастерством греки были обязаны очень рано начинавшемуся обучению, возможно сопровождавшемуся практическими занятиями, которые могли организовываться при наличии удобного случая (свидетельств, имеющих в нашем распоряжении, недостаточно, чтобы полностью быть уверенными в справедливости данного предположения). Сложно представить себе еще один способ ведения войны, на который в мирные периоды большинство граждан большей части общин тратили настолько же мало времени и сил [99]. Если начиналась война, она требовала от эллинов значительных усилий, но это происходило крайне редко – согласно источникам, в ранние исторические периоды боевые действия не были основным занятием и увлечением греков. Помимо сражений, у них было множество других занятий, хотя в случае необходимости они становились прекрасными воинами.

Эффективность фаланги частично зависела от умения сражаться воинов, стоящих в первом ряду, а отчасти – от физической и моральной поддержки, оказываемой им солдатами, находящимися сзади. Когда в бою встречались две соперничающие фаланги, раздавался звук ударяющихся друг о друга щитов и в небо навстречу друг другу взметались копья. Еще большую силу этому импульсу придавал всплеск волнения, предшествовавший столкновению. Если первая стычка не была решающей и ни одна из фаланг не могла прорваться через строй другой, то сражение продолжалось. Солдаты из задних рядов восстанавливали строй передних, занимая места павших товарищей. В конце концов одна из воюющих сторон получала преимущество, после чего строй второй фаланги нарушался и воины спасались бегством, проигрывая битву и отдавая победу своим соперникам [100].

Во время битвы крайне важно было сохранять шеренгу. Каждый солдат, стоявший в ряду, понимал, что его жизнь зависит от того, насколько безуданно, умело и храбро сражается его сосед, вследствие чего он стремился вести себя так же. Способ ведения боевых действий, характерный для греческого города-государства, был наиболее ярким проявлением общественной солидарности, аналогов которому не существует до сих пор. В таких сражениях не было места индивидуальному подвигу, описанному в эпических поэмах, – аристее героев. Следовало подавить в себе стремление к личным достижениям – его можно было проявлять в других случаях, например во время атлетических соревнований, победа в которых приносила людям славу во всех греческих полисах. После сражения каждый воин мог вспомнить о том, насколько хорошо он бился, и рассказать об этом своим соседям, но во

время боя он воевал не в одиночку и не был самостоятельным.

Однако в гоплитской фаланге сражались далеко не все дееспособные жители города-государства, даже несмотря на то что в таких боях численность армий играла крайне важную роль. В полисах формировалась аристократическая форма правления, и представители знати, естественно, сражались, причем предположительно в первых рядах, до тех пор пока были еще достаточно молоды для того, чтобы выйти на поле боя. Но для участия в сражении требовалось большее количество людей, в результате чего обязанность и привилегии сражаться в качестве гоплита получили представители средних слоев населения, которые могли позволить себе приобретение необходимого снаряжения. В Афинах они назывались зевгитами. Вероятно, под этим словом следует понимать людей, способных сражаться в рядах войска [101]. Но на этом расширение привилегий заканчивалось. Жившие в ранней Греции аристократы даже не задумывались о необходимости предоставлять вооружение и доспехи тем, кто сам не мог позволить себе приобрести их, или учить этих людей сражаться на равных с превосходившими их противниками. Политические привилегии и лимит воинских обязанностей были тесно связаны друг с другом. Мужчин, не входивших в число граждан, «способных предоставить собственные щиты», могли привлечь к участию в том или ином сражении, но, как будет сказано ниже, в то время они приносили мало пользы.

Таким образом, в войско гоплитов входили представители только высших и средних слоев населения, и именно от этой армии зависела безопасность всего полиса.

Такая традиция сложилась, по крайней мере, в VII веке до н. э. и продолжалась благодаря консерватизму, нередко превращавшему армию в «храм поклонения предкам» [102]. Сама суть сражений с участием гоплитов затормаживала развитие военного искусства. В частности, они могли сражаться в большой фаланге только в том случае, если под их ногами была ровная поверхность, позволявшая им сохранять плотный строй. Геродот вкладывает в уста персидского полководца Мардония следующие слова, обращенные к царю Ксерксу: «Греки ищут прекрасное и гладкое поле битвы и там сражаются» [103]. Преимущество сражения на склоне холма было настолько велико (ведь благодаря ему фаланга получала дополнительный импульс), что ни один полководец не позволил бы своему противнику воспользоваться им. Следовательно, в основном битвы происходили на равнинной местности. Для экономики каждого города-государства «гладкой и ровной» была плодородная земля, стоившая того, чтобы ее защищать [104]. Если, бросая вызов противнику и предлагая ему сразиться на этом участке, греки не были уверены в том, что одержат победу, то они просто переставали видеть смысл в том, чтобы предлагать врагу вступить в битву.

Этот факт ограничивал стратегические возможности, а использовать все тактические мешала сама суть фаланги гоплитов. Например, если в страну вторгся враг, то сражаться с ним лучше всего ближе к городским стенам, за которыми можно укрыться, так как в случае поражения это позволит уменьшить потери. Однако использовать данную стратегию не следует, если в результате враг получит контроль над лучшими землями полиса. Стремясь защитить их, войско обороняющегося государства вынуждено было выступать навстречу противнику. Следовательно, единственное, что мог сделать стратег (отметим, что автор, как правило, употребляет это слово в привычном нам смысле, называя таким образом человека, принимающего стратегические решения, не имея при этом в виду существовавшую в Древней Греции должность – военачальника, обладавшего широкими полномочиями, в частности распоряжаться финансами и судить воинов. – *Пер.*), – это поступить таким образом, чтобы сражение произошло на ровном участке земли, который лучше всего соответствует размерам его войска. Кроме того, так как цифры играли в таких битвах крайне важную роль, очень опасно было разделять армию на части, надеясь получить таким образом стратегическое преимущество. Ведь если основная ее часть потерпит поражение, будет проигран и весь бой в целом. Вооружение воинов обеих сторон было одинаковым, в связи с чем никто из них не мог воспользоваться преимуществом, которое дает более совершенное

оружие. Если говорить о тактике, то после начала битвы полководец почти не был в состоянии контролировать происходящее. Самое большое, что могли сделать военачальники из большинства греческих государств, – это как можно лучше разместить свое войско, вдохновлять солдат, убеждая их в необходимости храбро сражаться [105], и биться самим, ничем не выделяясь среди других гоплитов. Сам Наполеон не смог бы изменить ход большинства сражений, в которых участвовали гоплиты, после их начала.

Это, однако, не значит, что все военачальники были одинаковыми. Как будет сказано ниже, полководец мог принять решение, требующее от него применения всех его лучших качеств. Но с другой стороны, у греков почти не было стимула для того, чтобы изучать военное искусство и совершенствовать его. То, что мы сейчас называем логистикой, – упорядоченное снабжение и передвижение войска, – не вызывало у греков больших затруднений, кроме случаев, когда речь шла о чрезвычайно многочисленной армии (как перед битвой при Платеях). В те времена не существовало такого относительно нового явления, как персонал, занимающийся координацией и планированием и изучающий как в военное, так и в мирное время военные проблемы, с которыми может столкнуться государство в тех или иных предсказуемых условиях. Лишь единицы среди полководцев могли похвастаться тем, что обладают большим опытом командования войском. Где-то я читал о том, что, когда некая дама спросила одного из генералов Веллингтона (английский военачальник и государственный деятель, живший в 1769–1852 гг., премьер-министр в 1828–1830 и 1834 гг.; руководил британской армией во время войны за Пиренейский полуостров (1808–1814), а в 1815 г. одержал победу над Наполеоном в битве при Ватерлоо, положив таким образом конец Наполеоновским войнам. – *Пер.*) о том, как он научился сражаться, тот ответил: «Как? Мэм, как? Чертовски много воюя». Это полезное образование так и не смогли получить многие полисные военачальники. Кроме того, военные операции быстро заканчивались [106]. Воины, сражавшиеся летом, стремились оказаться дома ко времени сбора урожая винограда и оливок. К тому же почти всегда решающей становилась всего одна битва.

Потери войска, потерпевшего поражение, были почти неизбежно больше тех, которые несли победители, даже если последние, устав во время боя, не продолжали преследовать своих бегущих противников. Проигравшая сторона крайне редко пыталась испытать удачу еще раз. Более того, у государств в целом не было резервных сил, так как считалось крайне важным бросить все силы для участия в первом сражении. По традиции сторона, потерпевшая поражение, признавала его, посылая гонцов с просьбой разрешить забрать тела погибших и похоронить их. По сути, битвы представляли собой «массовые дуэли» [107], испытания силы, и исход этой проверки следовало безропотно принять. Греки, жившие в тот период, считали, что глупо делать вид, будто их войско не было разбито. Победителя нужно было умиловить, иначе он мог воспользоваться своим успехом. Благодаря прекращению военных действий и переговорам эллинам часто удавалось заключить мир. Греческие государства в целом не стремились полностью уничтожить друг друга в войне *à outrance* (то есть до смерти, или самого конца. – *Пер.*). Не хотели они и сталкиваться с трудностями, сопряженными с осадой вражеского города. Поэтому полисы переходили от военного положения к мирному с той же, а возможно, даже с большей легкостью, чем наоборот.

Прежде чем оставить тему сражений, я должен сказать о войске, которое на протяжении трех столетий превосходило все остальные на поле боя из-за того, что составлявшие его солдаты получали прекрасную подготовку и могли маневрировать, так как были разделены на отряды, причем действия каждого из этих тактических подразделений тщательно контролировались [108]. Речь здесь, конечно, идет о спартанской армии. Для большинства греческих государств была характерна слабая связь между различными звеньями цепи вертикальной иерархии, начинавшейся от военачальника и заканчивавшейся рядовым гоплитом. В этих войсках не было офицерства [109] в нашем понимании данного слова, а также, что, вероятно, еще более важно, профессионального сержантского состава, подобного, например, центурионам римской армии. Следовательно, даже при наличии

пространства для маневра сил для того, чтобы осуществить его, у греков не было. Спартанская армия была способна на осуществление маневров, правда в определенных пределах. Наиболее четко это ее преимущество проявилось, когда спартанцы воспользовались одной из глубоко укоренившихся привычек греческих полководцев. Фукидид отмечает, что при наступлении войска стремились сдвинуться направо [110], пытаясь таким образом защитить не закрытую щитами сторону. Ими двигало инстинктивное стремление укрыться за щитами стоящих справа соседей. Таким образом, правое крыло фаланги гоплитов охватывало левое крыло вражеской армии с фланга. Спартанцы воспользовались этим явлением – они могли, обойдя своих противников с левого фланга, развернуться и прорваться через вражеский строй. Это было вполне возможно, так как, по словам Мильтона (английский поэт, мыслитель и политический деятель, живший в XVII в. – *Пер.*) спартанцы наступали под свист свирелей и флейт и не беспокоились о скорости. Их стойкости, обусловленной железной дисциплиной, не угрожало столкновение с наступающим вражеским войском, их умение сражаться на передовой компенсировало нехватку движущего импульса. Единый выпад шеренги оттеснял врага до тех пор, пока вращающий момент не определял исход битвы. Одетые в красные куртки спартанцы завоевывали победу на своем поле (здесь автор имеет в виду одну из спортивных, скорее всего, футбольных или бейсбольных университетских команд, носящих название *The Spartans.* – *Пер.*). Предприимчивый Мантифей в одной из речей оратора Лисия говорит о том, что всем известно, насколько опасно сталкиваться с гражданами этого полиса на поле боя [111].

Именно такими в те времена были сражения между гоплитами – неистовыми, требующими от них сосредоточить все свои силы, короткими и жестокими. Каждый солдат в ходе такой битвы должен был собрать все свое мужество и силу духа.

Каким же образом в таком случае война воздействовала на проникательных, реалистичных и тонко чувствовавших греков? На некоторых сохранившихся до нашего времени сосудах изображены собирающиеся на битву гоплиты со шлемами на головах и их жены, полирующие щиты, вероятно потемневшие из-за того, что на протяжении нескольких месяцев мирной жизни они висели в углу, над очагом [112]. Что они думали об этом? В эпических поэмах, несмотря на великолепие описанных в них героических подвигов, прослеживается осознание трагичности войны, цены, заплаченной за эти деяния. Это настроение красной нитью проходит через всю древнегреческую поэзию, написанную в эпоху классики [113]. «Хороша война, – утверждал Пиндар [114], – для того, кто не знает ее, но в испытавших ее она порождает страх». В «Агамемноне» [115] поэт с печалью пишет о людях, погибших возле стен Трои, а рассказ вестника о победе не вызывает ликования. Еврипид в своих «Троянках» более жестко высказывается об этой победе. Пожалуй, самыми суровыми из всех, что я помню, были слова Перикла, когда он говорил о юноше, погибшем на Самосе: «Будто год лишили весны».

Город был обязан ответить на вызов на бой, и это не терпело отлагательств. Но для греков данная обязанность была довольно тяжелой, так как подразумевала временное прекращение счастливой жизни, риск перейти из теплой компании живых в холодный мир теней.

Кроме того, они знали, что храбрость, как бы сильно они ни почитали ее, не является постоянным качеством. Спартанцы, одни из самых отважных солдат, создали весьма примечательный афоризм: «Он был очень отважен *в тот день*» [116]. Война не была для греков каждодневным занятием. Их храбрость (исключением в данном случае могут служить только спартанцы) не была следствием холодного самообладания, сопутствующего строгой, прочно укоренившейся в сознании дисциплине, которая лишает человека страха. В одном из исследований содержится весьма справедливое замечание: основное различие между греческим и римским военным искусством заключается в том, что первым не была свойственна дисциплина, ни инстинктивная, ни выработанная многочисленными тренировками, являвшаяся, однако, важнейшим качеством римских солдат [117]. Таким

образом, греческий гражданин, в случае необходимости становившийся воином, мог хорошо показать себя в таком сражении, в котором во время одной короткой атаки ему удавалось вырваться вперед, а долг по отношению к своему соседу по строю становился лучшим стимулом для проявления решимости. Невозможно назвать бессмысленной бравадой воодушевляющие слова, с которыми полководцы в 11 часов обращались к своим войскам, порождаящие в сердцах солдат веру в победу, которая играла в битвах того времени крайне важную роль. Именно для того чтобы собрать все свои силы перед решающим столкновением, большинство греческих воинов, атакуя, издавало крики, что позволяло военачальнику поделиться с каждым солдатом храбростью и уверенностью в своих силах. Если им не удавалось добиться успеха и неприятель отбрасывал их назад, строй греческих гоплитов разрушался, и они бежали, стараясь по мере возможности сопротивляться желанию отбросить щиты с безразличием, описанным поэтом Архилохом:

*Носит теперь горделиво самец мой щит безупречный:
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал, и пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть [118].*
(Пер. В.В. Вересаева)

Именно из-за живости греческого сознания солдат во время сражения нередко охватывала паника, которая, по словам Фукидида, приводит к гибели самых выдающихся армий [119]. Готовность признать свое поражение была еще одним важным свойством эллинских армий, и они нередко его проявляли. С другой стороны, согласно диалогу Платона «Пир» [120], восхваляя Сократа, Алкивиад говорит о том, что, когда афинское войско потерпело сокрушительное поражение при Делии, тот «спокойно посматривал на друзей и на врагов, так что даже издали каждому было ясно, что этот человек, если его тронешь, сумеет постоять за себя, и поэтому оба они (имеются в виду Сократ и Лахет. – Пер.) благополучно завершили отход» (пер. С.К. Анта).

Я решил ограничиться рассказом о сражениях между фалангами гоплитов, так как именно в таких битвах в период, о котором идет речь, одни эллины противостояли другим. Гоплитам нечасто приходилось воевать с войсками, относящимися к другим типам. Кавалерия крайне редко принимала участие в сражениях и не могла заметно повлиять на исход боя по причинам, о которых я скажу позднее. Так как решающие битвы происходили между гоплитами, легковооруженные солдаты мало ценились в войсках, состоящих из граждан. Они были наиболее эффективны в наиболее естественных для себя условиях, в тех обществах, где социальный строй или местность, на которой они живут, не способствуют появлению гоплитов и боям между ними. Однако подобные сообщества и территории здесь не рассматриваются.

Может показаться странным, что рассказ о развитии военного искусства начинается с заявления, согласно которому на протяжении длительного времени оно находилось в состоянии стагнации. Однако, даже несмотря на то что военачальники всех греческих государств прибегали к одним и тем же стратегическим и тактическим приемам, при появлении новых противников эллины не могли не замечать: те прибегали к совершенно другим методам ведения боевых действий. Именно так произошло в ходе двух кампаний персов, следствием которых стали Марафонская битва, а через 11 лет – сражение при Платеях. Персы благодаря великолепной кавалерии и лучникам захватили земли от Ирана до Леванта [121], в результате чего греческие военачальники столкнулись с проблемой, которую они должны были решить, если хотели сохранить свою свободу и независимость всех эллинов. Заключалась она в необходимости найти такие место и время, которые позволили бы гоплитам одержать победу. Нет никаких сомнений в том, что заслуга победы в сражении при Марафоне во многом принадлежит афинскому полководцу Мильтиаду, причем в данном случае важно не то, каким образом он руководил битвой, а его проницательность, позволившая ему правильно угадать момент. Он сумел воспользоваться невыгодным

положением, в котором по тем или иным причинам, не имеющим для нас большого значения, оказались персы, и предпринять решающее наступление, где тяжелое вооружение его гоплитов и их умение решительно атаковать позволили им победить.

То же относится и к спартанскому полководцу Павсанию, командовавшему греческими войсками в битве при Платеях. Перед ним была поставлена стратегическая задача, решить которую он ввиду того, что под его началом находилась армия, собранная из граждан различных полисов, был не в состоянии [122]. Но ему также представилась возможность воспользоваться моментом, который при правильном подходе позволил бы ему превратить возможное поражение в несомненную победу. Его терпеливые, дисциплинированные спартанцы и их братья по оружию, граждане Тегеи, стойко вынесли лившийся на них дождь стрел, выжидая, когда персы окажутся настолько тесно прижаты друг к другу, что будут уязвимы и не сумеют противостоять решительной атаке эллинов. И Павсаний доказал всем, что обладает чувством времени, характерным для самых умелых полководцев. Геродот рассказывает о том, как происходило это сражение, а затем добавляет: «Павсаний обратил взоры на святилище Геры у Платей и стал взывать к богине, умоляя ее не обмануть упований спартанцев» (пер. Г.А. Стратановского) [123]. После этого тегейцы и спартанцы спасли свою родину. Это умение воспользоваться нужным моментом позволяет поставить этого военачальника на одну ступень с продолжившими его дело Веллингтоном и другими выдающимися полководцами. Данная ситуация повторилась, когда Веллингтон, которого при Саламанке (одно из сражений Наполеоновских войн, произошедшее в 1812 г. – *Пер.*) опередил и почти обвел вокруг пальца Мармон, понял, что должен воспользоваться единственным имеющимся у него шансом, и сказал своему испанскому адъютанту: «Дорогой Алава, Мармон пропал».

Я привел в качестве примеров действия Мильтиада и Павсания, так как эти полководцы были наделены даром, полученным ими не столько в результате многочисленных тренировок, сколько от природы. Однако слава принадлежит не одним им. Гораздо более важную роль в истории греческого военного искусства сыграло то, что «люди, сражавшиеся при Марафоне», на протяжении многих поколений вдохновляли афинян [124]. Эсхил, говоря о битве при Платеях, утверждает, что победа в ней была добыта «дорийским копьем» [125], то есть гоплитами из Спарты и Тегеи. Память об этих двух триумфах заставляла греков на протяжении жизни двух поколений считать, будто именно фаланга гоплитов является гарантией успеха. Однако данные события происходили всего лишь на первой стадии развития военного искусства. Оно было обречено эволюционировать, и в ходе боев на суше, приобретения более обширного опыта сражений и использования более разнообразного оружия традиционная тактика городов-государств видоизменилась и обогатилась.

Глава 2 РАЗВИТИЕ ПЕХОТЫ

Как уже говорилось выше, обычно битва между двумя армиями гоплитов начиналась с жестокого столкновения, продолжалась боем на близком расстоянии и заканчивалась бегством одной из сторон. Преследование было условным; победитель завладевал полем битвы, как будто сражался он именно за него. Проигравшие признавали свое поражение, и им позволяли похоронить своих погибших, а победитель устанавливал трофей, чтобы увековечить свой успех. Для достижения победы нужно было командовать большим числом солдат или более умелыми воинами либо большим числом лучше подготовленных гоплитов, чем те, которые находились в распоряжении противника. За исключением удачного использования преимущества на правом фланге, требовавшего от военачальников больших тактических способностей, и умения руководить войском, которым они обладали, сражения представляли собой фронтальные столкновения шеренг. Грекам казалось, будто нерационально вступать в бой с противником, обладавшим силой, неравной той, которую они могли ему противопоставить.

Можно ли говорить о том, что история на этом заканчивается? Какие другие войска

могли превратить нехватку гоплитов во благо и как их можно было использовать в сражениях или иных военных операциях? Предположим, что существует государство, где ощущается острый дефицит хорошо подготовленных гоплитов, но зато прекрасно развита кавалерия. Во время сражений, происходивших в Средние века, относительно небольшим отрядам всадников в доспехах удавалось одержать победу над многочисленными армиями, состоявшими из пехотинцев. Однако сильной конницей обладало очень небольшое число древнегреческих полисов, и ни один из них в рассматриваемый нами период не мог выставить на поле боя всадников, которые сумели бы успешно атаковать организованную фалангу гоплитов [126] .

Давайте на время отвлечемся от темы кавалерии и сосредоточим внимание на пехоте. Как обстояло дело с метательным оружием и кто его использовал? В наши дни ход битв, происходящих и на земле, и на море, решают снаряды, относящиеся к тому или иному типу: пули, артиллерийские снаряды, торпеды, а также бомбы всех видов. Было ли в те времена нечто подобное? Как обстояло дело с метательными копьями, стрелами, камнями и шариками-снарядами, метаемыми из пращи, и прочими разновидностями оружия, позволяющими поражать противника на расстоянии? Конечно, возможность убить врага, не приближаясь к нему (как, например, поступил Парис, чья стрела поразила Ахилла), крайне заманчива. В «Бешеном Геракле» [127] Еврипида Амфитрион говорит о том, что жизнь гоплита зависит от храбрости его товарищей и что, потеряв копье, он лишится защиты, в то время как лучник может пустить в своих врагов 10 тысяч стрел. Он стоит далеко от своих противников и наносит им ранения невидимыми древками, оставаясь при этом в безопасности. Наибольшее умение от сражающегося требует именно это – нанести урон противнику и выстоять самому. Вышесказанное вполне понятно, но что делать с миллиардом стрел и большим расстоянием? Лучник носил от пятнадцати до двадцати стрел (хотел бы я посмотреть на воина, в колчан которого их поместится целый миллиард), а дальноточность греческого лука составляла, вероятно, от 80 до 100 ярдов (примерно от 73,2 до 91,4 м. – *Пер.*) [128] , то есть его возможности были гораздо скромнее, чем у английского средневекового длинного лука, который натягивали несколько иначе. Стрелы не были способны пробить щит, однако Ксенофонт сообщает о том, что те, которыми пользовались воины из горных племен, применявшие гораздо большие луки, чем те, которыми были вооружены эллины, могли протыкать щиты и доспехи [129] . Думаю, о лучниках сказано достаточно. Дальноточность метательного копья составляла всего около 20 ярдов (около 18,3 м. – *Пер.*). Кроме того, оно обладало слабой проникающей способностью, и один воин был способен нести лишь несколько копий. Не так много мы можем сказать и о пращниках. Лучшие из них лишь немного превосходили лучников, и в их арсенал входило небольшое число довольно крупных камней или около пятидесяти свинцовых метательных снарядов. Однако праща не самый точный вид оружия; более или менее метко стрелять может только человек, пользовавшийся ею с детства. К тому же использовать на поле битвы большое количество пращников было крайне неудобно, ибо каждому из них требовалось много свободного пространства, иначе он будет мешать своему соседу или даже снесет ему голову. Теперь перейдем к другому высказыванию Амфитриона – о том, что лучник находится на поле боя в безопасности. Огонь, который он ведет, не способен нарушить строй гоплитов, так как они хорошо защищены, а кроме того, могут за несколько минут восстановить шеренгу. Если лучник стоит на одном месте, то он уже мертвец; но даже если он попытается убежать, скрыться ему не удастся. Стрелки и аналогично вооруженные солдаты прекрасно подходят для ведения войны в гористой местности либо при защите городских стен или во время нападения на них, но в ожесточенном бою они быстро растрачивали все имевшиеся у них стрелы и почти ничего этим не добивались.

Именно поэтому в период ранней классики в большинстве древнегреческих армий легковооруженных воинов не воспринимали всерьез. Для того чтобы действовать эффективно, им следовало пройти подготовку, возможно гораздо более серьезную, чем та, которой обладал любой гоплит, а также обладать несравненной смелостью и значительным

численным превосходством [130] . Без нее они вряд ли могли быть хорошими солдатами и заслуживать свой паек, хотя их можно было использовать за пределами основного сражения – например, приказать нести щиты воинов, занимавших более высокое положение, или разорять вражескую территорию. Как я скажу ниже, у них было будущее, но в битвах, происходивших между армиями гоплитов, они были лишены настоящего. Таким образом, в связи с немногочисленностью кавалерии и тем, что легковооруженные воины имели столь же малый вес, как и их оружие, фаланга по-прежнему царствовала на поле боя. Следовательно, в большей части Греции все продолжалось бы без изменений до тех пор, пока последний гоплит не вступил бы в свою финальную битву. Однако в действительности военное искусство не стояло на одном месте – в способах ведения боевых действий на суше произошли значительные изменения, причинам и сущности которых будет посвящен мой дальнейший рассказ.

В последней трети V века до н. э. разразилось продолжительное противостояние между Афинами и почти всеми остальными греческими полисами, названное Пелопоннесской войной. Прежде чем подошло к концу первое лето этого конфликта, стало понятно, что его не удастся разрешить с помощью широкомасштабного открытого сухопутного сражения. Афины не нуждались в том, чтобы вести подобный бой в целях выживания, а их противники, хотя и обладали превосходящими силами, не могли заставить их вступить в такое сражение против воли. Из-за его превосходства на море и неприступных укреплений, возведенных между Афинами и Пиреем, этот полис нельзя было просто так заставить сдаться. Конечно, на восьмом году конфликта состоялось ожесточенное сражение между афинянами и беотийцами, но оно произошло почти случайно [131] и представляет собой исключение, которое лишь подтверждает правило. При этом на протяжении первого десятилетия войны был осуществлен ряд менее масштабных операций, но не на основном театре военных действий, а на флангах. Именно в них свою эффективность продемонстрировали легковооруженные воины, так как бои велись на местности, лучше всего подходившей для них. Приведу два наиболее ярких примера.

Афинского военачальника Демосфена убедили вторгнуться в Этолию, где была довольно гористая местность. Ему сказали, что, хотя этолийцы многочисленны и воинственны, они живут в далеко расположенных друг от друга неукрепленных деревнях и могут противопоставить ему лишь легковооруженных воинов, в связи с чем их будет легко постепенно завоевать. Он выступил в сопровождении пехотинцев, которых выделили ему союзники, и трехсот афинских гоплитов, не ожидая подхода легковооруженных солдат, за что впоследствии и поплатился. По словам Фукидида, Демосфен с оптимизмом смотрел в будущее, так как удача была на его стороне. Этолийцы собрали силы и атаковали его войско, бросая метательные копья. Когда афиняне надвигались на них, они отступали, а когда те начали отходить, они снова перешли в атаку. Так битва и продолжалась – одни войска отступали, а другие преследовали их, затем они менялись местами, причем положение афинян становилось все более удручающим. Пока у лучников, сражавшихся на их стороне, оставались стрелы и возможность использовать их, захватчики держались, так как этолийцы, не защищенные доспехами, не могли ничего противопоставить их огню. Но затем командующего лучниками убили, а сами они оказались сильно рассредоточены. К тому же афиняне уже успели устать от непрерывно продолжавшегося боя. Потом этолийцы обрушили на них град из метательных копий. После этого захватчики развернулись и побежали, завязая в болотах, из которых они не могли выбраться, и теряясь в незнакомой местности; многие из них погибли, пронзенные настигнувшими их копьями. Большинство из них заблудилось и оказалось в непроходимых лесах, вокруг которых этолийцы разожгли огонь, лишив таким образом афинян последней возможности спастись. Они бежали изо всех сил и во множестве погибали разными способами, и лишь немногим с трудом удалось добраться до моря, откуда они начали свой поход. В этом сражении погибли многие солдаты союзников и около ста двадцати афинских гоплитов. Это были «самые доблестные граждане, которых в эту войну потеряло афинское государство» (здесь и далее цитаты из «Истории»

Фукидида приведены по изданию: *Фукидид. История*. Л.: Наука, 1981. – Пер.) [132].

Я пересказал этот фрагмент сочинения Фукидида потому, что в нем наглядно представлены сильные и слабые стороны различных категорий войск во время сражения в гористой местности. Демосфен усвоил урок. В каждом следующем году ему приходилось планировать нападение на небольшой отряд внушавших ужас спартанских гоплитов, запертых на скалистом острове Сфактерия [133]. Выставляя против них легковооруженных воинов, набранных в регионах, где подобный способ ведения войны использовали на протяжении длительного времени, он сумел сломить сопротивление спартанцев, которые, к удивлению всей Греции, сдались. Это был наиболее заметный успех Афин, военное и дипломатическое значение которого невозможно переоценить. Ранее легковооруженные войска, действовавшие совместно с конницей на открытой местности Халкидики, обратили отборных афинских гоплитов в бегство [134].

Еще до окончания войны всем, кто был в состоянии это понять, в том числе Фукидиду [135], стало ясно: несмотря на то что гоплиты продолжали играть крайне важную роль в широкомасштабных открытых сражениях, в сухопутных битвах теперь стали применяться иные виды вооружения и другие способы ведения войны, отличавшиеся от характерных для гоплитской фаланги. Хорошо обученные легковооруженные воины стали цениться очень высоко. Война продолжалась, и обе стороны нанимали умелых гребцов. Таким образом, боевой потенциал греческих государств стал более разнообразным, и военное искусство начало развиваться. Кавалерия оставалась родом войск, который могло использовать лишь несколько полисов, но к IV веку до н. э. применение на суше профессиональных войск отразилось и на стратегии, и на тактике и привело к необходимости составлять армии из более специализированных подразделений, чем те, которые участвовали в военных действиях в Греции прежде.

Сначала я хотел бы рассказать о снабжении таких профессиональных войск, а затем о том, как их использовали, о стратегии и тактике, а также о том, каким образом осуществлялось командование ими. Греческие наемники не были неизвестной прежде новинкой. На протяжении многих лет уже существовало представление о том, что человек может не только в случае необходимости сражаться за родину, но и быть профессиональным солдатом, зарабатывая себе участием в военных действиях на жизнь и получая возможность удовлетворить свою страсть к приключениям [136]. Можно говорить о том, что умение продать свои услуги тем, кто сможет за них хорошо заплатить, сродни искусству. В то время как гоплиты, граждане полиса, сражались рядом с домом и на протяжении непродолжительных периодов, наемники не были ограничены местом и временем. Антименид, брат поэта Алкея [137], который, воюя на стороне вавилонян, одержал победу над могучим воином, греки, выцарапывавшие свои имена на колоннах в Абу-Симбеле, расположенном далеко на юге Египта [138], – все они были солдатами удачи, любителями приключений, облаченными в доспехи. Знаменитая песнь критянина Гибрия [139] – это своего рода кредо подобных людей. Многие здоровые и сильные мужчины, выходцы из перенаселенных горных долин Аркадии, покидали свои дома, чтобы сражаться в самой Греции или вдали от нее, нанимаясь на службу к персидским сатрапам или эллинским тиранам. Таких смельчаков греки, жившие в V веке до н. э., стали называть «вспомогательными войсками» (*epikouroi*), хотя на самом деле они были наемниками [140]. Многие эллины во время Пелопоннесской войны, научившись сражаться, забыли о том, что представляют собой мирные занятия, или стали считать, будто они приносят мало пользы. Поэтому Кир Младший сумел нанять 10 тысяч солдат, большинство из которых было гоплитами, для того чтобы повести их в поход против своего брата царя Артаксеркса и сбросить его с персидского трона. Ему следовало победить всего в одном широкомасштабном сражении, и для этого ему требовались именно гоплиты, а конников и легковооруженных воинов он мог найти в тех частях Персидской державы, которые находились под его властью. Во время битвы между этим войском и армией его брата греческие воины сражались как львы, но оказались не на своем месте, в результате чего Кир

проиграл бой и распрощался с жизнью.

Долгий переход от Вавилона к побережью Черного моря научил «десять тысяч» участвовать в любых битвах, демонстрируя при этом удивительную находчивость, характерную для их народа в целом и предводителей, одним из которых был Ксенофонт в частности. Лучшей рекламы для боевых способностей греческих солдат было не найти. Персы все более активно использовали наемников-эллинов, «шерсть собаки, которая ее кусает», но в греческих государствах все еще оставалось множество людей, нуждавшихся в средствах к существованию и находивших их, поступая на военную службу.

В связи с тем, что приемы ведения боевых действий стали более разнообразными, этих людей могли учить сражаться в качестве легковооруженных солдат и обращаться с любыми видами метательного оружия [141]. Образцами для них были воины из некоторых греческих государств, такие как уже упомянутые выше метатели копий из Этолии, но больший интерес для них представляли приемы, использовавшиеся варварами, на протяжении многих столетий применявшими подобное оружие. В первую очередь, греков привлекал опыт фракийцев, создавших весьма оригинальную технику использования метательного оружия. Они были настоящими варварами. Об этом свидетельствует тот факт, что они ели масло. Стремясь высмеять их, Аристофан в своей комедии «Ахарняне» изобразил фракийцев жестокими и безнравственными солдафонами [142]; возможно, они действительно были такими. Им, подобно тем фракийским наемникам, которые, по словам Фукидида, перерезали женщин, детей и даже животных, пойманных ими на улицах безобидного маленького городка Микалесса, могло быть незнакомо милосердие [143]. Однако война – жестокий наставник, научивший руководителей цивилизованных государств прибегать к услугам таких людей. Под руководством хорошего военачальника, сдерживаемые строгой дисциплиной, они могли превратиться в преданных бойцов.

По аналогии с гоплитами, получившими название от своих щитов, эти войска, построенные на основе фракийской модели, стали называться пельтастами в честь их небольших круглых щитов, не мешавших им передвигаться при поисках безопасного места, откуда они могли спокойно метать копья. Многие выходцы из островной Греции, особенно с острова Родос, были прекрасными пращниками и отличными лучниками (в первую очередь этим умением славились критяне); их можно было нанять для участия в любом вооруженном конфликте. Персов учили пользоваться луком и говорить правду. В древности было распространено почти единодушное мнение о том, что учить критян правдивости бесполезно, но это не помешало им стать прекрасными лучниками. Теория о том, что наемники, которых нанимали для сражений на территории Греции, особенно пельтасты, использовали все более легкие виды вооружения, в целом справедлива. Они сражались довольно небольшими отрядами под предводительством профессионального командующего. Благодаря этому у полководцев появилась возможность использовать подобных воинов для решения разнообразных тактических задач и порождать в них командный дух, имитацию широкомасштабного чувства единства, охватывавшего граждан полиса, составлявших фалангу. Такие солдаты могли сражаться там, где тяжеловооруженным воинам не удавалось построиться в боевой порядок, и они все чаще стали одерживать впечатляющие победы над лучшими из гоплитов.

Подобными подвигами, в первую очередь, прославился афинский военачальник Ификрат, занимавшийся подготовкой пельтастов, среди которых теперь были не только фракийцы. Возможно, на закате карьеры он усовершенствовал их вооружение и оснащение [144], в результате чего во время самых крупных битв они доказывали, что являются наиболее эффективными пехотинцами своего времени. Их можно сравнить со стрелками, прошедшими обучение у сэра Джона Мура (английский генерал, участник Наполеоновских войн; являлся прекрасным специалистом по подготовке войск; он, использовав ряд методических нововведений, подготовил легкую дивизию в Шорнклиффе близ Дувра. – *Пер.*), пытавшегося усовершенствовать английских солдат, которым, несмотря на всю их отчаянную храбрость, не хватало мобильности или меткости, чтобы достичь успеха в

открытых сражениях или войне с применением засад, где медленно передвигающимся подразделениям мог быть нанесен значительный урон. Войска, подобные греческим наемникам, можно было использовать в качестве гарнизонов крепостей или укрепленных позиций [145], так как они, в отличие от армейских частей, состоящих из граждан, находились на постоянной службе. Так как у них не было дома, они не были одержимы желанием вернуться туда. Кроме того, свой гонорар они могли зарабатывать и зимой, в то время как гоплиты были вынуждены сражаться только в благоприятные времена года.

Наемникам не был свойствен местный патриотизм, столь характерный для войск, состоявших из граждан полиса, благодаря чему они, по сути, были аполитичны. Следовательно, они могли служить как эллинским тиранам, так и персидским царям и сатрапам. Эти воины были преданы своим нанимателям и не придерживались демократических принципов, что позволяло нанимателю всецело доверять им. В армии тирана Сиракуз Деметрия I крупное подразделение, состоявшее из наемников, служило противовесом аристократической кавалерии, принесшей городу славу. Такая же ситуация сложилась в войске тирана Фессалии Ясона из Фер. Их можно было учить обращению с новыми военными машинами, которые входили в моду. И наконец, если власти полиса считали бесценными жизни его граждан-гоплитов, то, хоть это и звучит жестоко, наемники являлись «расходным материалом».

Тот факт, что к концу V века до н. э. некоторые эллины стали отправляться в далекие края, чтобы предложить свои услуги в качестве наемников, вряд ли сильно отразился на военном потенциале греческих государств, лишив их человеческих ресурсов. Но среди этих людей вполне могли быть талантливые солдаты, которые, оставшись дома, вероятно, оказали бы значительное воздействие на развитие военного искусства. В первой половине IV века до н. э., очевидно, установилось примерное равновесие между количеством наемников, нанятых греческими полисами, как эллинов, так и иноземцев, и численностью греков, покинувших родину и отправившихся на службу в армии других стран.

Сиракузский тиран нанимал часть своих солдат из числа представителей варварских племен, живших на западе, которые в противном случае никоим образом не были бы связаны с греческим военным искусством.

Когда Дионисий I отправил небольшой отряд, состоявший из таких воинов, на помощь своим союзникам-спартанцам, эллины, оставшиеся на родине, были поражены их мастерством [146]. Еще более важную и заметную роль в развитии военного дела сыграли командиры, возглавлявшие отряды наемников, находившихся на службе у греческих полисов. Это были не только умелые боевые полководцы, восхваляемые Архилохом [147], но и изобретательные и дальновидные люди, умевшие управлять своими строптивыми солдатами и вводить в заблуждение противников. Уловки с торговлей, описанные в сборниках военных хитростей, подобных составленному Полиэном [148], нередко являлись изобретением этих командиров наемнических войск. К тому же военачальники из различных городов-государств, отправлявшиеся сражаться с иноземными войсками, к числу которых относились, например, Ификрат, Хабрий из Афин, Паммен из Фив, преемник Эпаминонда, и даже знаменитый спартанский царь Агесилай, возможно, многому научились за время своих странствий. Ификрат, вероятно, начал проводить свои эксперименты с вооружением пельтастов после возвращения из Египта. Работы Ксенофонта, включая спекуляции, использованные им, чтобы разнообразить свой роман, «Киропедию», написаны солдатом, обучившимся военному мастерству во время отхода «десяти тысяч». В войнах эллинистического периода командирам наемников в полной мере удалось проявить свою изобретательность, а также, помимо всего прочего, сочетание умения, храбрости и военного опыта, которое продемонстрировал критянин Бол, столь подробно описанный в восьмой книге сочинения Полибия [149]. Предположение о том, что применение наемников и их предводителей замедляло ход развития древнегреческого военного дела, справедливо, потому что они не стремились решать проблемы с помощью боевых действий, из-за страха того, что мир может нарушиться. Однако они, несомненно, способствовали

совершенствованию военного искусства, идеально соответствовали задачам, поставленным перед греческими и македонскими военачальниками, и помогли разнообразить состав и тактику их армий.

Чем более хорошо обученными и управляемыми становились легковооруженные воины, тем более важную роль они начинали играть на поле боя. Некоторые военачальники использовали в сражении все виды войск. Это стало возможным потому, что легковооруженные наемники обладали большей маневренностью, чем фаланга граждан-гоплитов, и их действия можно было более точно просчитать заранее. Возможно, им не было свойственно воодушевление, характерное для солдат-граждан, о чем еще Аристотель писал в своей «Никомаховой этике» [150]. Но раз в вашем распоряжении имеется армия, состоящая из солдат, в которых сочетаются высокий профессионализм и национальный дух, а во главе ее стоит первоклассный полководец, то вы будете обречены на внесение изменений в военное искусство. Именно такая комбинация была характерна для войска Филиппа II, собранного им в конце первой половины IV века до н. э.

Однако до того как это произошло, в Греции появился солдат, внесший в тактику изменения, намного превосходящие все новшества, известные до этого в Элладе, – Эпаминонд. Его родной город, Фивы, всегда был менее консервативен, чем остальные греческие полисы, в вопросах, связанных с оснащением войск. Слава спартанцев позволяла им играть старые мелодии с испытанной годами виртуозностью. Афинянин Ксенофонт доказал в своих сочинениях, что греческую армию можно сделать очень легкоприспособляемой к конкретным условиям, и предложил способы улучшения техники ведения боевых действий. Но именно Фивы произвели на свет Пелопида, олицетворявшего редкое явление – талантливого командующего кавалерией, и Эпаминонда, человека, сумевшего изменить облик сражения между гоплитами посредством проведения реформы тактики, которую можно поставить в один ряд (если не выше) с достижениями Фридриха Великого (король Пруссии, правивший в 1740–1786 гг.; кампании, проведенные им во время Войны за австрийское наследство и в Семилетней войне, привели к значительному усилению его страны, территория которой к концу его правления удвоилась. – *Пер.*).

Как и большинство других величайших военных нововведений, привнесенное им было простым, но в то же время требовало огромного мастерства. Эпаминонд должен был сражаться с войском, во главе которого стояли спартанцы. Он был совершенно уверен в том, что правое крыло вражеского войска будет состоять из отборных спартанских солдат. Те, в свою очередь, не сомневались: они получают преимущество на правом крыле, а затем, резко развернувшись, разобьют вражескую шеренгу. Они неоднократно проделывали это прежде и верили, что сумеют победить еще до того, как менее умелые союзнические войска, занимавшие их левый фланг и центр, проиграют бой. Эпаминонд построил своих фиванских гоплитов в глубокую колонну. Подобные прецеденты уже были – фиванцы поступали так и в других битвах, добиваясь при этом большего или меньшего успеха. Но военачальник пошел дальше: поставив ударную силу слева, он отодвинул остальную часть шеренги назад. Его колонна оказалась непобедимой и одержала победу до того, как *его* более слабые солдаты, стоявшие в центре и справа, проиграли сражение [151].

Эпаминонду удалось одним ударом, сильным и неожиданным, доказать несостоятельность традиционного спартанского приема. Позволю себе привести несколько несерьезное сравнение: крестьянин попытался дать своей лошади лечебный порошок, вдвывая его в ее рот, но хитрое животное выдохнуло первым. Если суть тактики заключается в необходимости сосредоточить максимальные силы в решающий момент, то во время битвы при Левктрах Эпаминонд использовал умелый и действенный тактический прием, которому до тех пор не было равных в истории военных действий. За одно непродолжительное столкновение вековая легенда о непобедимости спартанцев была развенчана, подобно тому как миф о всемогуществе испанцев был разрушен при Рокруа (произошла 19 мая 1643 г. в ходе Тридцатилетней войны между французами и испанцами. – *Пер.*), а о непобедимости прусской армии – при Вальми (сражение состоялось 12 сентября 1792 г. во время войны

Первой коалиции, ставшей частью Французских революционных войн; в результате его французским армиям удалось остановить продвижение прусского войска к Парижу. – *Пер.*).

Теперь мне снова следует вернуться к рассказу о Македонии. Именно македонская фаланга олицетворяла собой вторую стадию развития пехоты. Местные крестьяне были превращены в боевую силу сразу после вступления на престол Филиппа II или незадолго до этого события. Македонская армия была царской, и ее сила заключалась во всадниках, которых называли товарищами правителя, другими словами, эта кавалерия состояла из придворных. Теперь же создавалась придворная пехота, так как входивших в нее солдат называли пешими товарищами царя. Их стали регулярно тренировать и разделили на батальоны, численность которых была достаточно велика для того, чтобы в случае необходимости они могли действовать независимо от других подразделений, но в то же время сражаться вместе в одной фаланге, что в древности было большим преимуществом. Они были вооружены более длинными копьями, чем те, которые использовали греческие гоплиты, и меньшими по размеру щитами [152] и не составляли глубокие колонны, так как были рассчитаны не столько на быструю атаку, сколько на равномерное наступление, которое осуществляли, выставив вперед острия копий, чтобы отбросить противника [153] . Рано или поздно должен был наступить день, когда фаланга оказалась слишком мощной, лишившись при этом адаптивности. Именно так и произошло. Затем копья, используемые воинами, стали чересчур длинными и мешали ее продвижению. Однажды во время битвы фаланга не смогла бы сформировать фланг или развернуть свои задние ряды. Если бы ее можно было перевернуть, она по уязвимости сравнилась бы с ежом, упавшим вверх ногами. Нужно было защитить ее фланги. Однако на ранних этапах своего развития она могла наступать, сохраняя более разреженный или более плотный строй, а ее разделение на батальоны, как говорили в те времена, «давало ей ноги». Продвигаясь вперед, фаланга могла смести врага, но в сущности ее следовало использовать иначе. В действительности она была лучше всего приспособлена для того, чтобы отрезать часть вражеской шеренги, в то время как кавалерия атаковала фланг или тыл противника. Это была не столько ударная, сколько сдерживающая сила. В войске Александра Македонского она была связана с кавалерией с помощью отрядов отборных воинов, гипаспистов, считавшихся элитными войсками.

Иллюстрацией тактической роли фаланги на ранних этапах ее развития может служить первая из известных нам битв, в которой она участвовала, – сражение при Херонее [154] . Греческое войско, в основном состоявшее из афинских и фиванских гоплитов, занимало на протяжении всего боя хорошо выбранную оборонительную позицию. Они не должны были обнажать свои фланги, которые вследствие этого могли стать уязвимыми для сильной конницы противника. Поэтому защитой стоявшим слева афинянам служили возвышенность и город Херонея, а размещавшимся справа фиванцам – река. Пока им удавалось сохранять построение, они могли надеяться, что им удастся отбить атаку македонской пехоты и выиграть сражение. Филиппу следовало сделать так, чтобы в их строе образовалось слабое звено. Правой частью фаланги командовал он сам; левой, к которой, очевидно, относилась и кавалерия, руководил юный царевич Александр. Когда начался бой, Филипп приказал своим прекрасно обученным воинам совершить крайне сложный маневр – тщательно спланированное отступление. Обрадованные афиняне стали наступать до тех пор, пока склон холма не оказался под контролем македонян. Их союзники прижались к реке, прикрывавшей их справа, вследствие чего между ними и их союзниками образовалась брешь, чем не преминул воспользоваться Александр. Тотчас же Филипп приказал своим воинам прекратить отступление и приступить к атаке, что и положило конец битве. Таким образом, благодаря умелому использованию фаланги ему удалось создать фланг там, где его не было, и достичь того, что Наполеон [155] назвал одним из самых сложных маневров в сражении, – очень быстрого и форсированного перехода от обороны к нападению, осуществленного в нужный момент. Перед нами яркий пример того, чего настоящий мастер может достичь с помощью фаланги.

Два нововведения, описанные выше, позволили Эпаминонду, применившему новый тактический прием, дать новую жизнь и силу войску гоплитов, а Филиппу, сформировавшему македонскую фалангу, – создать неизвестную прежде разновидность техники осуществления военных операций, в которой фаланга не играла решающей роли, а вместо этого открывала простор действий для кавалерии, являвшейся мощной ударной силой. Переход от старых методов ведения войны к новым заключается в первую очередь в возможности победить не с помощью равномерного давления вдоль всей линии, а путем делегирования возможности одержать победу определенной части армии. Теперь нам следует на время завершить рассказ о пехоте и перейти к другим видам вооруженных сил. Однако, прежде чем сделать это, мы должны поговорить еще об одной составляющей войны, покинуть землю и, отправившись в плавание, изучить проблемы, связанные с боевыми действиями на море.

Глава 3 ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА МОРЕ

В двух предыдущих лекциях я ничего не говорил о производстве оружия, так как в древности военное искусство мало зависело от его характера, за исключением размеров щитов и копий. Большое значение имела вторая составляющая формулы Вергилия – «вооружение и человек». Однако военные действия на море сильно зависят от типов кораблей, которыми обладают противоборствующие стороны. На протяжении последних пятидесяти лет стало ясно, что значительные перемены в облик сражений на море внесли дредноуты, самые быстрые эсминцы, подводные лодки и авианосцы. Развитие древнего кораблестроения происходило более медленными темпами, иначе быть и не могло, ведь материальные ресурсы в те времена были ограничены. Однако суда и способы управления ими совершенствовались, и эти изменения весьма интересны, поучительны и крайне важны. Именно поэтому я начну с них свой рассказ.

Строго говоря, о военных действиях на море можно говорить в том случае, если корабли не только перевозят людей, отправившихся в военный поход, но и сами являются боевыми орудиями. Таковыми они могут стать, если на них будет установлено оборудование, позволяющее атаковать членов команд других судов и находящихся на их борту воинов с помощью метательных снарядов и приспособлений для взятия на абордаж, или если они смогут наносить урон иным кораблям, тараня их корпуса и ломая весла. В эпоху героев суда служили в качестве транспортных средств, выполняя таким образом лишь вспомогательную функцию, а основные сражения происходили на суше. Ахейцы прибыли к Трое на кораблях, после чего они лежали, вытасканные на берег в ожидании возвращения домой, либо на них отправлялись небольшие отряды, которые должны были собрать добычу и доставить осаждающим продовольствие. В Илиаде ничего не говорится о наличии у троянцев судов, с помощью которых они могли бы вынудить ахейцев сражаться на море [156]. Корабли той эпохи ходили как на парусах, так и на веслах, а в более поздний период на них стали сражаться. После того как это произошло, началась история искусства ведения боевых действий на море.

Грубо говоря, теперь стали строиться суда, периодически плававшие на веслах, и корабли, время от времени передвигавшиеся с помощью парусов, причем последние, как правило, были военными. К VII веку до н. э. появились суда, которые могли маневрировать по отношению друг к другу. Для абордажа или применения метательных снарядов на них была устроена специальная палуба, способная выдержать вес сражающихся воинов. Кроме того, происходило постепенное усиление носов этих весельных судов с помощью переборок, устанавливавшихся по обе стороны передней части киля. Соединяясь, они формировали таранное орудие, которое можно было использовать против корпуса или весел вражеского корабля. То, что позволяло преодолеть сопротивление волн, мешавшее судам плыть по морю, или защитить их от ударов об скалы, когда они подходили к берегу, превратилось в инструмент для прямого столкновения кораблей. Впоследствии таран могли снабжать неким

подобием копья.

Судя по археологическим данным [157], в VII–VI веках до н. э. военные корабли все более приспособляли для использования тарана в ущерб палубе, на которой могли находиться сражающиеся воины. Таким образом, возможность биться посредством взятия на бордаж или использования метательных орудий была принесена в жертву способности развивать большую скорость и маневрировать. Достигали этого с помощью увеличения числа гребцов, длины корабля и уменьшения высоты надводного борта и отказа от каких-либо палуб или судовых надстроек, сооружавшихся прежде. В результате стандартным военным кораблем стал пентеконтер, который приводили в движение по двадцать пять гребцов с каждой стороны, а наиболее распространенным способом морского сражения – использование тарана. Следует добавить, что на протяжении этого периода, очевидно, использовались корабли с двумя рядами весел, хотя просуществовали они недолго. Вероятно, эта идея была позаимствована у финикийцев, но данное приспособление для увеличения количества весел, а следовательно, и скорости, возможно, не подходило для использования в открытом море, в связи с чем от него быстро отказались.

Результаты критического анализа немногочисленных письменных источников, имеющих в нашем распоряжении, не опровергают, а в той или иной степени подтверждают выводы, сделанные на основании изучения археологических данных [158]. Затем появилось крайне важное изобретение. Пентеконтеры использовались не только в военных целях, но и для осуществления торговых экспедиций на большие расстояния. Некий неизвестный корабельный плотник, живший во второй половине VI века до н. э. [159], создал судно, предназначавшееся исключительно для военных целей, причем оно было гораздо более мощным, чем все корабли, построенные греками до этого. Речь идет о триреме, которая на протяжении почти двух столетий использовалась в большинстве древнегреческих военно-морских сражений и продолжала применяться и в более поздние времена.

Нет никаких сомнений в том, что трирема приводилась в движение силой множества гребцов – ста семидесяти человек, – каждый из которых орудовал одним веслом [160], при этом она была ненамного длиннее пентеконтера с его пятьюдесятью гребцами. В противном случае нагрузка на киль была бы слишком велика. То, каким образом был достигнут данный результат, до сих пор является предметом дискуссий. К счастью, в настоящее время мы можем ограничиться констатацией того факта, что эллины сумели добиться этого. Однако будет неправильно, если я не скажу о том, что принадлежу к числу исследователей, которые придерживаются точки зрения, согласно которой трирема была снабжена не тремя расположенными друг над другом рядами весел, а одним ярусом, причем гребцы сидели группами по три человека, как в средневековых венецианских галерах [161].

В любом случае изобретение выносной уключины, вероятно, стало революционным, так как эти приспособления поддерживали весла и даже повышали их рычажное действие. В результате корабли стали более быстрыми и маневренными, благодаря чему у умелых гребцов и рулевого появлялась масса новых возможностей, а само судно превращалось в своего рода комбинированное оружие, повиновавшееся силе человеческого разума, благодаря чему противник мог быть введен в замешательство.

Появляются флоты, состоящие из военных судов, сражающихся против других боевых кораблей. В третьей четверти VI века до н. э. подобная битва произошла при Алалии. Во время этого боя либо тараны части финикийских пентаконтеров были согнуты, а другие были выведены из строя в ходе сражения [162]. Однако первой битвой, в которой приняло участие большое количество трирем, стало сражение при Ладе, решившее судьбу Ионийского восстания [163]. Перед битвой ионийцы применили ряд маневров, требовавших от участвовавших в них кораблей быстроты и единства действий. Персидскому флоту удалось их разбить потому, что часть эллинов дезертировала, в связи с чем греческим триремам не удалось продемонстрировать свои возможности.

Через четырнадцать лет началась Греко-персидская война, а до этого афинянам удалось построить большой флот, состоявший из военных судов нового типа. Однако вряд ли их

гребцы и рулевые успели заметно усовершенствовать мастерство обращения с этими кораблями. По крайней мере, некоторые команды персидских кораблей, вероятно, более умело маневрировали. К тому же персидский флот обладал численным превосходством.

Во время первого столкновения двух флотов, произошедшего у мыса Артемисий, персы продемонстрировали свое превосходство, и мы можем усомниться в том, что грекам тогда удалось использовать все возможности своих судов. Для того чтобы одержать победу, им следовало дожидаться триумфальной битвы при Саламине, выигранной благодаря неожиданной решительной атаке и замешательству противника. Как счастлив был афинский актер, декламировавший через восемь лет с театральной сцены превосходные строки драмы Эсхила, которые слышали тысячи зрителей. Персов заставили понадеяться на то, что эллины вот-вот станут спасаться бегством.

*Не о бегстве греки думали,
Торжественную песню запевая ту,
А шли на битву с беззаветным мужеством,
И рев трубы отвагой зажегал сердца [164] .
(Здесь и в следующем фрагменте пер. С. Анта)*

Далее о персах было сказано следующее:

*Когда же в узком месте множество
Судов скопилось, никому никто помочь
Не мог, и клювы направляли медные
Свои в своих же, весла и гребцов круша [165] .*

Не одним афинянам удалось одержать победу в битве – их сородичи сражались не менее храбро, – но их новый флот, созданный благодаря дальновидности Фемистокла, доказал правильность его стратегии и привел к коренному перелому в войне.

На протяжении года после битвы при Саламине военные действия велись в Эгейском море. С тех пор афинский флот и эскадры союзников этого полиса использовались в ходе амбициозных военных операций и сталкивались с судами, вероятно обладавшими большей высотой надводного борта, и это продолжалось на протяжении следующих сорока лет. Флотоводец Кимон внес в триеру изменения, расширив бимс и снабдив ее своего рода мостом, проходившим по всей ее длине, в результате чего на ней можно было разместить большее количество солдат [166] . Сражаясь на этих кораблях, афиняне добились значительного успеха, но к середине века, когда с Персией был заключено временное мирное соглашение, они вернулись к прежней тактике использования таранов и внесли в нее ряд усовершенствований. Афиняне стали доминировать во флоте Делосского союза, и конструкция судов, предоставлявшихся для него союзниками, а также практика их использования должны были быть приведены в соответствие с характерными для афинских кораблей. У афинян были не только лучшие суда, но и самые умелые гребцы и, что еще важнее, рулевые. До начала Пелопоннесской войны тактика, выбранная афинским флотом, а также уровень подготовки членов команд входивших в его состав судов заметно отличались от характерных для эскадр других греческих полисов. В итоге во время битвы при Сиботах, в которой участвовали корабли с Пелопоннеса и Коркиры, афиняне заметили, что они сражаются так, будто участвуют в сухопутном бою, применяя abordаж и метательные орудия [167] .

Подобные методы к тому времени уже перестали употребляться лучшими представителями военно-морских кругов. В ходе эволюции морских сражений была разработана тактика, позволяющая судам развивать большую скорость и быть более маневренными. К примеру, греческому слову, которое можно перевести как «кругосветное» плавание, был придан исключительно технический смысл – «обойти вокруг один корабль или группу судов, чтобы получить возможность нанести удар по корме или слабому месту в боку вражеского судна». Кроме того, существовал более прямой, практически нельсоновский прием. Он состоял в том, чтобы пройти на веслах между двумя стоящими друг напротив

друга кораблями, а затем развернуться, чтобы застать один из них или оба в невыгодном положении до того, как они смогут совершить маневр, реагируя на атаку. Подобный маневр требовал высокой скорости и, что еще более важно, превосходного руления в сочетании с умелыми действиями гребцов. Таким образом, прибегнуть к нему могли только наиболее профессиональные команды, плававшие на самых хорошо построенных и сконструированных судах. Существовала и разновидность этого маневра – атакующую трирему нужно было заставить отклониться от курса так, чтобы ее выступающие переборки повредили весла, расположенные на одной стороне вражеского корабля. При этом перед самым столкновением весла, находившиеся на ближайшем борту нападающего судна, убирала, чтобы не сломать их. Если данный маневр удавался, врагу наносился такой урон, что в лучшем случае он не мог продолжать участвовать в битве, а в худшем – тонул. Афиняне в годы расцвета своей военно-морской славы стали экспертами в сфере совершения всех этих тактических маневров.

Мнение о том, что соперничать с афинянами на море можно, только применяя их же технику боя (а это находилось за пределами возможностей даже самых оптимистично настроенных их противников, которые, вероятно, даже не смели надеяться совершить нечто подобное), стало аксиомой. Когда численно превосходящий пелопоннесский флот встретился в бою с эскадрой афинского флотоводца Формиона, спартамцам пришлось понадеяться на свою храбрость, в то время как команды афинских судов полагались на быстрые и бесшумные маневры, которые благодаря их дерзости доказали превосходство афинского флота [168]. Об этом свидетельствует ход первой схватки. Ранним утром Формион, в распоряжении которого находились двадцать трирем, увидел сорок семь пелопоннесских судов, причем на некоторых из них, плывших от Пелопоннеса в сторону противоположного берега, находились воины. Они сформировали круг, выставив наружу носы. Таким образом, любая афинская трирема, которая попыталась бы атаковать один из этих кораблей, не смогла бы совершить маневр и подверглась бы нападению со стороны пяти кораблей, располагавшихся в центре круга. Пока суда сохраняли такое построение, они находились в сравнительной безопасности, хотя сложно себе представить, каким образом они в таком случае двигались по направлению к своей цели. Формион знал, что вскоре со стороны моря задует бриз. Он выстроил свои суда в шеренгу и направил их в сторону вражеских кораблей, делая вид, будто готовит атаку. Каждый раз, когда афинские суда приближались к пелопоннесским, те вынуждены были сузить круг, так как им приходилось отплывать назад, ибо они опасались возможного удара. Когда подул бриз, построение нарушилось, и афинские триремы воспользовались этим шансом, нанеся противнику ощутимый урон, корабли которого, пытаясь отойти как можно дальше друг от друга, оказались практически совершенно беззащитны. Они обратились в бегство, и афиняне сумели захватить двенадцать из них, овладев их командами и всем, что на них находилось.

Через некоторое время после этого ситуация складывалась несколько иначе. Победенный пелопоннесский флот получил подкрепление, состоявшее не только из кораблей, – на помощь ему пришел Брасид, наиболее талантливый командующий из всех когда-либо рождавшихся в Спарте. Формион также обратился в Афины с просьбой о подкреплении, но оно никак не прибывало. Теперь вражеский флот, состоявший из двадцати кораблей, построился в четыре линии, которые стали продвигаться, не ломая строй, вперед. Затем по сигналу пелопоннесцы повернули и полным ходом двинулись на афинян, оттеснив таким образом часть их судов к берегу. Одиннадцать передних афинских судов, однако, уклонились от нападения, быстрым ходом отойдя в сторону, и двадцать пелопоннесских судов радостно бросились преследовать их. Казалось, все потеряно, но затем последний афинский корабль обогнул торговое судно, стоявшее на рейде, а затем ударил в корму преследовавшего его корабля и затопил его. Озадаченные пелопоннесцы остановились, и, как пишет Фукидид, «афиняне воспрянули духом и по данному сигналу с криком устремились на неприятеля». Таким образом им удалось переломить ход битвы. Блестящее использование маневра, предполагающего обход вокруг торгового судна, было, вероятно,

наиболее ярким достижением афинской военно-морской мысли. Было бы приятно думать, что на этой триреме находился сам Формион.

Первые десять лет войны действительно были годами расцвета афинского господства на море. Даже через шесть лет флот, отправившийся в Сицилийский поход, состоял из лучших судов, когда-либо выходивших из Пирея. Правда, вернуться домой ему не было суждено. В относительно узком пространстве между Большим портом в Сиракузах более быстрые и легкие афинские триремы встретили вражеские суда, лучше приспособленные к фронтовому столкновению, оказавшись, таким образом, в далеко не самом выгодном положении. Можно предположить, что по условиям мирного договора, заключенного перед походом, коринфяне получили право нанять более умелых гребцов, вследствие чего их эскадра наконец обрела возможность вступить с афинянами в схватку на равных [169]. Катастрофа, разразившаяся при Сиракузах, стоила Афинам множества прекрасных кораблей и жизней большого числа отличных моряков, и это положило конец неоспоримому преимуществу данного полиса на море. Измена союзников привела к уменьшению района, с территории которого афиняне могли набирать гребцов, а возможности их противников, наоборот, расширились. Действия Сиракузской эскадры и одержанная ею победа вдохновили противников Афин, а финансовая поддержка, оказанная им персами, позволила усовершенствовать пелопоннесский флот. Даже несмотря на это, благодаря своему мастерству афинским капитанам удалось выиграть битву при Киносеме, используя течение в Дарданеллах [170]; умело организованная неожиданная атака позволила им победить в сражении при Кизике [171]; а строй, предназначенный для того, чтобы получить выгоду от недостаточной с точки зрения тактики скорости, помог одержать победу в бою при Аргинусских островах. Выдающийся специалист по военно-морской тактике адмирал Кастенс отмечает, что это сражение было выиграно благодаря не качественному маневрированию каждого корабля, а умению ввести в битву сразу множество судов, а также ожесточенному бою. Таким образом, битву при Аргинусских островах следует назвать предтечей Трафальгарской (решающее военно-морское сражение между английским и испано-французским флотами, произошедшее 21 октября 1805 г. у мыса Трафальгар на Атлантическом побережье Испании; победа позволила Англии еще раз доказать свое преимущество на море, полученное в XVIII в., а Наполеон отказался от планов вторжения в Англию; во время битвы погиб знаменитый британский адмирал Горацио Нельсон. – *Пер.*) [172]. Затем оптимизм, не позволивший афинянам заключить после двух побед выгодный для них мир, недисциплинированность и преступная беспечность, приведшие последний афинский флот к поражению в сражении при Эгоспотамах, стали причиной того, что этот полис потерял свои позиции на море, а значит, стал совершенно беспомощным.

Время афинского господства на море стало одним из самых удивительных периодов истории Древней Греции; именно тогда эллины изобрели понятие «талассократия» – власть на море. Перикл, который, вероятно, был больше флотоводцем, чем полководцем, как и неизвестный автор написанного тогда же трактата – «Афинская полития» [173], – понимал и, возможно, переоценивал масштаб и эффективность власти на море, особенно во время войны. Она могла обеспечить безопасную доставку продовольствия с юга России к пристаням Пирея; значительно затруднить продвижение вражеских торговых судов, проходивших через Сароднический залив или вдоль Коринфского залива, пока у входа в них находилась военно-морская база; позволять осуществлять доставку афинских войск в любую часть обширных владений их города и перевозку десанта в любую точку на побережье Пелопоннеса или от нее.

Таким образом, талассократия позволяла более эффективно вести войну. Однако триремы и состоящий из них флот имеют недостатки, о которых не следует забывать [174]. На них нельзя было перевозить продовольствие и воду в количествах, достаточных для продолжительных путешествий. К тому же они были не самым комфортным обиталищем для многочисленных команд. Ночью они не могли придерживаться курса и не обладали средствами связи, необходимыми для осуществления коммуникации с другими судами. У

них была большая осадка [175] . Конечно, они могли ходить под парусом, но у них не было высоких мачт, позволяющих высматривать противника или подать сигнал остальным кораблям. Когда они принимали участие только в военных действиях, на них было слишком большое количество моряков для безопасной высадки на вражеском побережье. При благоприятных условиях триремы могли перекрыть гавань, но при этом они были не в состоянии заблокировать длинную береговую линию. Их возможности, связанные с созданием помех для передвижения кораблей противника, были крайне ограничены. Я могу вспомнить лишь два примера из истории Древней Греции, когда вражеские транспортные суда были уничтожены превосходящим их флотом [176] . Содержать военные корабли было дорого, так как они требовали наличия многочисленной команды, а человеческие потери, неизбежные во время любой ожесточенной битвы [177] , компенсировать было непросто, даже несмотря на то что высокий профессионализм моряков обеспечивал победу сравнительно небольшим флотам. Сами суда быстро приходили в негодность, если в мирное время им не обеспечивали хорошие условия хранения, а находясь на службе, они портились из-за плохой погоды. Они были довольно хрупкими: некогда они были удачно сравнены с лодками, на которых проводят соревнования восьмерок [178] . Несмотря на то что полностью укомплектованные триремы вполне были способны осуществлять маневры против кораблей такого же типа, они были гораздо менее эффективны против крепких торговых судов. Если трирема таранила такой корабль, она могла подвергнуть себя опасности: владелец судна, воспользовавшись попутным ветром, мог преследовать ее на протяжении длительного времени. Кроме того, подобные корабли могли преодолевать в открытом море большие дистанции, в то время как триремы были вынуждены плавать недалеко от побережья. Обо всем этом следует помнить. Может даже показаться удивительным, что такие корабли доминировали в море на протяжении столь продолжительного времени.

В IV веке до н. э. флоты стали состоять из меньшего числа кораблей, но, даже несмотря на это, афинянам пришлось приложить огромные усилия для того, чтобы во второй трети столетия оправиться от прежних неурядиц. И хотя триремы никогда не переставали быть полезными, они постепенно потеряли звание стандартных линейных кораблей. В начале IV века до н. э. Дионисий I, тиран Сиракуз, начал строительство более крупных кораблей [179] , хотя античные авторы, вероятно, преувеличили их число и действенность. Ко времени правления Александра Македонского стали использоваться преемники трирем – квинкверемы, а вскоре – еще более внушительные суда. В названиях этих кораблей использовались числа, отражавшие их гребную силу, как бы она ни применялась. К примеру, их можно было бы назвать пятиерами, шестиерами, семиерами и т. д. Квинкверемы ходили на длинных веслах, расположенных в один ряд, каждым из которых орудовали пять человек. На кораблях, в наименовании которых присутствуют более крупные числа, на одно весло приходилось большее число гребцов. Кроме того, самих весел на них было больше, причем их группировали.

Определенный ответ на вопрос о том, каким образом ходили на веслах корабли, в названии которых присутствовали большие числа, до сих пор не найден [180] , и при написании этой книги я не ставил перед собой задачу подробно останавливаться на попытке решения этой проблемы. Если предположить, что для триремы была характерна максимальная гребная сила, допустимая ее конструкцией, то ее увеличение должно было повлечь за собой укрепление корпуса. Для более крупных кораблей характерно общее название – катафракты, подразумевающее, что над головой гребцов находилась палуба. Ее появление могло быть вызвано стремлением укрепить конструкцию корабля, сделать так, чтобы он мог противостоять натиску судна, обладающего большей гребной силой. Кроме того, появилась возможность устраивать на таких кораблях платформы для больших отрядов солдат, состоявших из ста и даже более человек, что было значительным усовершенствованием по сравнению с афинскими триремами времен Пелопоннесской войны, на которых умещалось всего четырнадцать моряков. Для того чтобы заставить такое

судно сдвинуться с места, требовалось большее количество гребцов, хотя они были гораздо менее квалифицированными, чем те, которые использовались в период расцвета трирем. Маневры на таких кораблях осуществлялись более медленно и были менее изощренными. С другой стороны, начиная со времен Александра Македонского было легче найти опытных пехотинцев, чем гребцов. Когда Рим стал доминировать на море, это соответствовало его военному потенциалу, и опасность его флотов во время его ранних морских кампаний была вызвана не столько действиями противника, сколько отсутствием хороших моряков и предосторожностью. Принца Руперта (имеется в виду Руперт (Рупрехт) Пфальцский, герцог Камберлендский; в 1642 г. был назначен главнокомандующим английской королевской кавалерией; участвовал в английской революции и гражданской войне 40-х гг. XVII в. – Пер.) обвиняли, правда не совсем заслуженно, в том, что он обращался с флотом так, будто тот был кавалерийским отрядом. Римских консулов также вполне можно упрекнуть в том, что они обходились с ним так, будто перед ними был легион. Следует отметить, что во время своего победоносного сражения при Саламине на Кипре Деметрий использовал тактику, характерную для сухопутных сражений того времени, – он достиг желаемого результата с помощью левого крыла, а затем атаковал вражескую колону таким же точно образом, как поступали полководцы, применяя ударную силу кавалерии [181]. Все это, однако, не значит, что более быстрые и легкие суда перестали играть какую-либо роль в военных действиях и обеспечении порядка в море. В некоторых случаях флоты, состоявшие из трирем и даже более маленьких кораблей, участвовали в морских операциях наряду с крупными судами или даже вместо них. Таким образом, военно-морская тактика и судостроение шли рука об руку, и как Помпей, так и Агриппа (а до них жители Родоса) осознали ценность обоих видов судов и применяли их.

Теперь следует поговорить не столько о тактике военных действий на море, сколько о применяемой в рамках их стратегии. Следует отметить, что сравнительная незаметность древних кораблей снижала ценность господства на море, однако она же позволяла получить стратегическое преимущество или осуществить внезапную атаку на силы противника. Ценность эффекта неожиданности признают все специалисты по ведению боевых действий, и умение достичь его является одним из показателей находчивости флотоводца. Правда, как на суше, так и на море греки и македонцы нечасто прибегали к действиям, связанным с внезапностью. Замечание о том, что разведка и сбор шпионских сведений не были сильной стороной флотов и армий древности, полностью справедливо. Для того чтобы использовать эффект неожиданности, как правило, требуется хорошая разведка; она же позволяет обезопасить себя от подобных «сюрпризов». Даже несмотря на это, я никак не могу понять, почему войска и флоты не становились чаще жертвами хорошо спланированных внезапных нападений противника. Могу лишь предположить, что древние военачальники, как римляне, так и греки и македонцы, неохотно шли на отчаянные действия и брали на себя сознательный риск, который обычно ведет к захвату врага врасплох. Еще Фукидид [182] писал о том, что в войне присутствует значительный элемент неожиданности и что так и должно быть. Возможно, жившие в древности военачальники и флотоводцы опасались его и относились как к врагу, а не считали своим другом и союзником.

При этом в те времена стратегия зависела от того, насколько быстро и бесшумно будет переброшен флот. Так, в начале V века до н. э. спартанский царь Клеомен совершил следующий маневр против своих противников из Аргоса, ослабив таким образом их положение. Под прикрытием темноты он перевез свои войска на противоположный берег, благодаря чему они сумели подойти к Аргосу с другой стороны и заставить противника сразиться с ними там [183]. Кроме того, неспособность кораблей уходить далеко от суши делала возможным проведение совместных операций с сухопутной армией, наделяя таким образом стратега свободой действий. К примеру, основная цель сопротивления царя Леонида в Фермопилах во время Греко-персидских войн состояла в том, чтобы морское сражение могло состояться в ограниченном для маневрирования пространстве. Таким образом он

надеялся, что греческий флот сумеет одержать победу и остановит сухопутное наступление персов. Этим чаяниям не суждено было сбыться, а гибель Леонида и его спартанцев была бесполезной.

Более продуктивной оказалась стратегия, в рамках которой при Саламине греческий флот оказался во фланге персов как на море, так и на суше [184]. При Саламине греческие суда поставили перед ними такую же проблему, как и та, которую английская флотилия заставила решить испанскую Непобедимую армаду при Плимуте, – британцы вынудили ее подняться вверх по водам Ла-Манша, чтобы добраться до герцога Пармы, находившегося в Нидерландах. Персы попытались решить эту проблему с помощью атаки, которая привела к их поражению, а испанцы игнорировали ее, хотя и это не принесло им успеха.

Если говорить о стратегии в более широком смысле, то следует отметить, что большое стратегическое значение имел остров Кипр, где жило смешанное население, в жилах которого текла греческая и восточная кровь. Его важность заключалась в первую очередь в географическом положении. Он находился слишком далеко от подвластных грекам вод Эгейского моря для того, чтобы считаться с эллинской политикой или экономикой. Но в то же время он располагался слишком близко от побережья Финикии и не мог сдерживать усиление персидской военно-морской мощи, которая во многом основывалась на владении этой территорией. Таким образом, перейдя под контроль греческого флота, Кипр стал бы надежной базой, защищающей восточную часть Эгейского моря от вторжения персидских кораблей. Дважды: в начале V века до н. э. и в первые годы IV века до н. э. – эллины тщетно пытались овладеть островом и организовать на нем свою военно-морскую базу. В разгар Ионийского восстания, начало которого было многообещающим, греки упустили контроль над ним [185], и мятеж был подавлен благодаря массированному вторжению финикийского флота в Эгейское море. Через столетие та же стратегическая ошибка, вызванная умелой стратегией персидских сатрапов Малой Азии, привела к тому, что персы одержали сокрушительную победу на море, лишили спартанцев последней надежды на сохранение их присутствия в Малой Азии и восстановили сообщение между Персией и Грецией [186]. Дважды на протяжении отделявшего эти события друг от друга столетия талантливый стратег, афинский флотоводец Кимон, начинал военно-морские кампании, целью которых был захват Кипра [187]. В первый раз, когда он потерял контроль над афинской стратегией, его корабли были перенаправлены на помощь участникам египетского восстания против персов, а во второй он скончался до того, как его предприятие завершилось успехом. Однако таким образом афинянам удалось достичь *modus vivendi* с персами, благодаря чему было предотвращено проникновение финикийского флота в воды, находившиеся под контролем греков, а Эгейское море на столетие превратилось в единоличную «вотчину» Афин. Правда, события, связанные с Кипром, на этом не закончились. Персы сумели восстановить над ним полный контроль, заключив так называемый царский мир, хотя из-за их постоянной занятости другими проблемами в середине века остров стал независимым и поэтому имел большое стратегическое значение для Александра, а позднее и для Антигона I [188]. Именно в водах, принадлежавших Кипру, флот Деметрия, сына последнего, одержал масштабную победу [189], а затем остров стал одной из целей внешней политики Птолемея, так как способствовал утверждению их власти на море и находился на середине пути между Египтом и его владениями в Леванте. За власть над ним крупные военно-морские державы боролись до конца III века до н. э., когда начался период упадка эллинистических флотов.

Еще более важная цель Афин заключалась в том, чтобы с помощью флота обеспечить проход их торговых судов через Босфор и Дарданеллы. На протяжении V и IV веков до н. э. зерно, доставлявшееся в полис из Северного Причерноморья в обмен на аттические товары, являлось основой его продовольственной базы. Афины не могли допустить, чтобы контроль над проливами обрело какое-либо враждебное им государство. Они, как и острова Лемнос и Имброс, располагавшиеся рядом с Дарданеллами и защищавшие вход в них, постоянно заботили афинских дипломатов в мирное время и стратегов – в военное. На протяжении большей части V века до н. э. это направление афинской внешней политики ушло на второй

план, так как в тот период полис был занят поддержкой своей власти на море в целом. Однако в последнее десятилетие Пелопоннесской войны оно снова обрело прежнее значение. Когда противники Афин высадились на западном побережье Малой Азии, эпицентр войны на море сместился к Дарданеллам [190]. Враги полиса также прекрасно понимали важность проливов, и талантливый спартанский флотоводец Миндар отважно перебросил в этот регион свои корабли. Военные действия завершились катастрофой, но окончательное непоправимое поражение, которое потерпел афинский флот на этой территории, привело к тому, что Афины капитулировали.

В IV веке до н. э. именно проблема Дарданелл заставила Афины согласиться на заключение «царского мира», согласно условиям которого они получали гарантированный контроль над Лемносом и Имбросом [191]. Возрождением афинского господства на море, цена которого оказалась весьма высока, впоследствии, через столетие, занимался предусмотрительный реалист Евбул, понимавший, что военно-морская мощь является единственным способом обеспечить само существование полиса. Филипп II, по крайней мере во внешней политике в отношении греческого мира, стремился ослабить Афины и направил свои силы против хорошо укрепленных городов Перинфа и Византия, которые контролировали Босфор. Если бы ему удалось захватить их, доставка продовольствия в Афины оказалась бы под вопросом, даже несмотря на всю мощь их флота. Афиняне всеми силами пытались помешать его действиям против Византия. В то же время значение стал приобретать другой аспект проблемы проливов – Персия начала оказывать помощь Перинфу, будто пытаясь таким образом защититься от грозящей в далеком будущем опасности македонского вторжения в Малую Азию. Несмотря на все свое мастерство и знание осадного дела, Филипп не сумел захватить ни один из этих двух городов; правда, неожиданный штурм Византия сорвался всего лишь из-за лая неподкупных сторожевых псов. Таким образом, необходимость обрести контроль над Босфором заставила Филиппа начать прямые военные действия против Афин. Победа при Херонее позволила ему диктовать свою волю афинским политикам, получить власть над проливами и приступить к подготовке вторжения в Малую Азию. Каждая из этих операций – против Афин посредством атаки на проливы и против проливов посредством выступления против Афин – являлась классическим примером так называемой стратегии косвенного подхода [192].

Наконец, поддержание господства на море требовало наличия доступа к материалам, необходимым для изготовления кораблей, в частности прочной древесине, встречавшейся в Средиземноморье крайне редко. На судостроительных вервях также требовались кожа и смола. Получить все это, в свою очередь, можно было только благодаря сохранению власти на море. Автор «Афинской политики» пишет: «Если в городе довольно древесины для кораблестроения, как он сможет распорядиться ею без разрешения владыки моря? То же относится к железу, бронзе или парусине – тому, из чего делают суда. А правящие на море могут указывать, куда всему этому следует отправиться» [193]. Для того чтобы обеспечить эти свои нужды, Афины в V веке до н. э. вели переговоры с Македонией, стремясь получить приоритетное право на получение соответствующих товаров из этой страны [194]. В эллинистический период желание Египта обрести господство на море привело к его стремлению получить контроль над Сирией, откуда можно было вывозить качественную древесину, которой в самой долине Нила не было. Это отразилось на его внешней политике, подобно тому как во время Наполеоновских войн британскую стратегию и внешнюю политику диктовало стремление импортировать из Скандинавии стволы высоких деревьев, которые впоследствии должны были стать мачтами семидесяти четырех судов Нельсона, и смолу для того, чтобы законопатить их швы.

В конце этой лекции я должен рассказать о взаимодействии моря и суши в более широком смысле. Начиная с работы Мэжэна, посвященной влиянию военноморской мощи на историю, всех нас крайне беспокоит вопрос о ее воздействии на сухопутную войну. Утешительная мысль о том, что великая армия Наполеона потерпела на скалах Булони поражение из-за «потрепанных непогодой парусов стоявших вдалеке кораблей, которые они

не видели», вызывает во мне чувства благодарности. Однако по причинам, которые я уже приводил выше, в древности флоты не могли оказывать столь сильное воздействие на расстоянии. Греческие, македонские и римские корабли умели контролировать передвижение собственных войск лучше, чем мешать действиям других армий. Правда, господство противника на море даже в древности могло изолировать или обездвижить армию. Потерпев перед сражением при Сиракузах поражение в битве, афиняне потеряли все свое войско. Победа греков при Саламине означала принудительное ослабление персидской армии, которая теперь перестала быть непобедимой. Поражение, которое египетский флот потерпел в III веке до н. э., лишило Птолемея возможности вторгаться в греческие земли и Эгейский мир [195]. Однако взаимодействие военных сил на море и на суше должно быть двусторонним, и море следует завоевывать с земли (именно так и происходило).

В качестве примера приведу действия Александра Македонского. Одна из его основных задач состояла в том, чтобы устранить сильный персидский флот, который в противном случае мог бы поддерживать связь с Грецией, представляя таким образом огромную опасность для Александра. Для того чтобы достичь этой цели, он получил контроль над западным побережьем Малой Азии, а затем и Финикии, вследствие чего командам персидских судов приходилось выбирать между службой их царю и возвращением домой [196]. Потеряв свои корни, персидский флот завял. Противоположная ситуация сложилась при завоевании Александром долины Инда. Оно осуществлялось посредством проведения широкомасштабной наземной операции. Но македонский царь предусмотрительно привязал ее к военно-морской кампании, руководство которой было поручено опытному, умелому и находчивому флотоводцу [197]. Важной составляющей искусства войны является понимание того, что в зависимости от времени и места морские и сухопутные силы могут быть союзниками, а могут – врагами, коллегами или конкурентами и наиболее рационально использовать оба этих вида войск.

Глава 4 КАВАЛЕРИЯ, СЛОНЫ И ОСАДА

Коней греки стали впрягать в боевые колесницы еще до начала эпохи классики. Колесницы продолжали использоваться в Киренаике и Барке в Северной Африке, а в Эретрии на острове Эвбея шестьдесят колесниц участвовали в своего рода параде или процессии. Однако они не имеют никакого отношения к теме нашего рассказа, так как относятся скорее к военной истории более древних восточных монархий. Единственная серьезная попытка одержать победу в сражении с помощью колесниц была предпринята Дарием в битве при Гавгамелах, но она завершилась полным провалом. Возможно, это произошло потому, что легковооруженные войска Александра атаковали их до того, как им удалось разогнаться [198]. То же произошло и с колесницами Антиоха Великого, когда в сражении при Магнезии он воевал с римлянами. Поэтому я полагаю, что всех их не следует принимать в расчет. С другой стороны, уже в VII веке до н. э. кавалерия стала неотъемлемой частью армий нескольких государств, особенно тех из них, территория которых была равнинной. К их числу относилась Фессалия, в меньшей степени Беотия и ее соседи. В более поздние периоды всадники появились в войсках в Халкидике и на Сицилии, и в первую очередь в Сиракузах. В Афинах существовало аристократическое сословие всадников, которые изображены гордо скачущими на фризе Парфенона, а на протяжении некоторых периодов в состав афинского войска входили конные лучники. В Македонии представители мелкого «дворянства» и их личные отряды являлись предшественниками знаменитой кавалерии Александра Македонского, состоявшей из его приближенных. Конники входили в войска некоторых городов Малой Азии, которые, вероятно, подражали таким образом своим соседям лидийцам.

Однако большая часть Греции не очень хорошо подходит для разведения лошадей и применения кавалерии, а так как в те времена еще не были изобретены подковы, кони в этой гористой местности были обречены на получение постоянных травм и хромоты. Об этом

писал еще Ксенофонт [199] , советовавший увеличивать жесткость конских копыт, заставляя их бить ногами по булыжной мостовой, камни в которой соответствуют по размеру их копытам. Но дальше этого изобретательность не пошла. Самые ранние подковы, датирующиеся началом IV века, были найдены в Северной Италии, но за их появление нам следует благодарить кельтов, а значит, здесь нет смысла о них рассказывать. Во время походов коням требуется огромное количество корма и воды, а войны происходили, как правило, летом, когда воды мало и лошади страдают от жажды. Кони в Греции, очевидно, были небольшими. Крупных боевых коней выращивали далеко за пределами Эллады, особенно в Мёзии с ее широкими долинами и обилием питьевой воды, где разводили животных специальной местной породы, отличавшихся исключительными размерами и силой [200] . Владение лошадью в большинстве греческих полисов считалось признаком богатства и знатного происхождения, и состоятельные люди вывозили коней из других стран. Однако нигде к югу от Фессалии с ее бескрайними равнинами, где конница позволяла местной знати сохранять власть над находившимся в полурабском состоянии населением, кавалерия не была превалирующим военным подразделением.

Всадники прекрасно подходили для разведывательной деятельности, хотя в пересеченной местности с ней также лучше справлялась легковооруженная пехота. Конники могли применяться для преследования бегущей фаланги, и с этой задачей они справлялись превосходно. Но, как было сказано выше, в древности погоне не уделяли большого внимания. Фланги и тыл фаланги были уязвимы для деятельности кавалерии, которая иногда могла обездвижить пехоту или доставить ей крупные неприятности. Подобная ситуация сложилась, когда всадники, присланные фессалийскими союзниками афинского тирана Гиппия, одержали верх над малочисленной спартанской армией, состоявшей из пехотинцев, на равнине, располагавшейся за Фалеронским заливом [201] . Снова это произошло через пятьдесят лет, когда вторгшиеся на территорию Фессалии афиняне не смогли противостоять конникам, защищавшим свою родину [202] . После битвы при Платеях фессалийская и беотийская конницы, сражавшиеся на стороне персов, задержали победоносное наступление эллинов [203] . Защищая Сиракузы, сицилийские всадники сумели достичь того же результата, сражаясь против афинян в первой битве за этот город [204] . Когда спартанцы воевали в Малой Азии, их полководец, царь Агесилай, прилагал значительные усилия для того, чтобы обзавестись конницей, которая позволила бы его войску соперничать с персидскими всадниками и безопасно передвигаться по открытой местности [205] . Однако в целом до IV века до н. э. эллинским наездникам удалось достичь лишь немногочисленных военных успехов, стоящих упоминания.

Это ничуть не удивительно. В «Анабасисе» [206] содержится весьма интересный фрагмент, в котором Ксенофонт пытается избавить своих пехотинцев от страха перед персидской конницей, говоря о том, что десять тысяч всадников – это всего лишь десять тысяч людей. «Ибо ни один человек, – сказал он, – не погиб в сражении, будучи укушенным или затоптанным лошадью. Пехотинец может наносить более сильные и точные удары, чем конник, который некрепко сидит на своем скакуне и боится упасть с него так же сильно, как и противника». Единственным преимуществом кавалерии, по его мнению, является то, что в случае бегства она обладает большими шансами на спасение. С помощью этого остроумного обращения военачальник сумел достичь своей цели.

Слова Ксенофонта о ненадежно сидящих на своих конях воинах вызваны тем, что эллины не изобрели ни стремян, ни надежного седла, к которому они прикрепляются. Это изобретение, кажущееся нам столь очевидным, появилось лишь в эпоху существования Римской империи. Первыми, кто стал применять стремяна, были кочевники, практически жившие в седле [207] . Прочитав труды Ксенофонта, посвященные кавалерии, мы можем сделать вывод о том, что искусство верховой езды ввиду отсутствия стремян было довольно сложным делом, а на пересеченной местности всадник мог легко свалиться со своего коня. До того как было сделано это изобретение, у конников не было достаточной опоры, чтобы сражаться держа копьё в опущенной руке. Кроме того, они не использовали длинную

тяжелую саблю, которая являлась лучшим оружием конного воина в сражении против пешего, так как, не попав в цель, могли упасть с лошади, подобно двум рыцарям из «Алисы в Зазеркалье».

В современных войнах огнестрельное оружие вытеснило кавалерию, которая теперь не появляется больше на поле боя даже для выполнения функций, которые приписывал ей легендарный полковник в Cavalry Club (лондонский клуб для джентльменов, созданный в 1890 г. – *Пер.*) . Я имею в виду порождение чувства уважения к тому, что в противном случае было бы всего лишь обычной дракой. В древности огнестрельное оружие не представляло основной угрозы; для конницы ею были спокойные, храбрые и непобежденные копьеносцы. Всадники могли подскочить к шеренге гоплитов и нанести им удар или метнуть в них копья. Однако затем, разворачивая коней, они были крайне уязвимы. Если бы они оставались на месте, вражеские копья могли нанести ущерб как коню, так и его наезднику. Конник мог надеть панцирь или держать в руке небольшой щит, но его лошадь, в отличие от боевых коней парфянских воинов или средневековых рыцарей, закованных в латы, не была достаточно сильна для того, чтобы быть облаченной в доспехи.

Существовал и альтернативный прием, своего рода шоковая тактика, заключавшаяся в том, чтобы скакать во весь опор прямо на противника, но в этом случае всадник с равным успехом мог как смести своего врага, так и сам свалиться с лошади. Для того чтобы кавалерия могла эффективно действовать подобным образом, она должна была состоять из всадников, виртуозно владеющих искусством верховой езды и обладающих твердым и непоколебимым желанием одержать победу. Подобное сочетание было характерно для конницы Александра Македонского, в которую входили его приближенные, и тяжеловооруженной кавалерии, которой командовали в эпоху эллинизма некоторые из его преемников. Однако даже в том случае, если атака удавалась, для того, чтобы у всадников появился шанс победить противника, в его строю должна была иметься брешь или слабое место либо подобное нападение следовало планировать против хуже вооруженных или плохо готовых к его отражению солдат. Для достижения этой цели требовалось взаимодействие с другими видами войск, в частности македонской фалангой. Еще до начала правления Александра периодически происходили столкновения, в которых конница, построенная колонной, прорывалась через менее плотный строй неприятельской кавалерии [208] . Таким же образом тяжеловооруженные всадники могли одержать победу над легковооруженными. Правда, если те оказывались более умелыми, могли организовать своего рода подвижную оборону и обладали достаточным пространством для того, чтобы избежать прямого столкновения, они получали возможность изменить ход сражения в свою пользу [209] . Фессалийских коней, которых Александр использовал в оборонительном крыле своей линии фронта, а также лошадей, входивших в состав легковооруженной конницы в эллинистический период, вероятно, специально дрессировали для того, чтобы их можно было применять при выполнении этих тактических действий. Некоторые военачальники, в частности фиванские, использовали легковооруженных пехотинцев совместно с кавалерией, благодаря чему формировался расчлененный строй, больше подходивший для обороны, нежели нападения, для мелких сражений, а не решительных атак.

Даже если коннице удавалось прорваться через строй вражеских пехотинцев или всадников, для того, чтобы она остановилась в нужный момент и перестроилась, требовались железная дисциплина и непоколебимый полководец. Только таким образом она могла одержать победу на поле боя. «Нет ничего, – писал Мармон, – более редкого, чем идеальный командующий кавалерией. Качества, требующиеся от него, столь разнообразны по своей природе и так редко встречаются в одном человеке, что кажется, будто они взаимно исключают друг друга. В первую очередь, он должен уметь с одного взгляда распознать преимущества и недостатки местности с точки зрения тактики, быстро и энергично принимать решения, что не исключает наличия у него благоразумия, ибо ошибка, промах, допущенный в самом начале, непоправима, так как для ее совершения требуется совсем мало времени» [210] . Этими редкими качествами в достатке обладал Александр. О его величии

свидетельствует то, насколько быстро он принимал решения о том, когда и где нанести удар [211], а также его умение вдохновлять своих товарищей и контролировать их действия, когда в разгар атаки они прорывали вражеский строй.

Александр сделал гораздо больше, чем просто продемонстрировал, каким образом конница может решить исход битвы, – благодаря безжалостной погоне после боя при Гавгамелах он показал, что она способна сделать само сражение решающим. Здесь следует привести цитату из труда Уильяма Гарна: «Александр придерживался тех же взглядов на составляющие победы, что и Нельсон; люди и кони могли упасть с ног от усталости, но он продолжал преследование до наступления темноты, отдохнул до полуночи, снова ринулся в погоню и не отпускал поводыев до тех пор, пока не достиг Арбелы, располагавшейся в 56 милях (примерно 89,6 км. – *Пер.*) от поля боя. Он был уверен, что противник больше не соберет новое войско» [212]. Однако победоносная кавалерия проигрывала сражения, когда заходила слишком далеко, продолжая при этом придерживаться той же тактики, в то время как она была нужна в другом месте [213]. Александр не допустил этой ошибки, и его последователи совершали ее крайне редко. В большинстве битв эллинистического периода первое и последнее слово были за конницей [214]. Мармон утверждал, что бой, выигранный без ее помощи, не может быть решающим. Это высказывание, хотя и не всегда справедливое, более применимо к эпохе, наступившей после смерти Александра, чем к какому-либо иному периоду древнегреческой или македонской военной истории.

Вернемся к афоризму Мармона [215]. Он делает совершенно справедливый вывод о преимуществе кавалерии, которое заключается в том, что для ее переброски требуется весьма незначительное время. Наиболее актуальны его слова для легковооруженной конницы, действовавшей при его жизни, в эпоху Наполеоновских войн. Начиная с периода правления шведского короля Карла XII она обрела все большую способность маневрировать на высокой скорости. То, что в битвах Фридриха Великого кавалерия оказалась крайне эффективной, связано с тем фактом, что его конница сумела достичь этого под командованием Цитена и Зейдлица. Момент, подходящий для решающей атаки, может быть очень кратким, и то, что кавалерия способна использовать его, превращает ее в крайне действенный род войск. Как Александр, так и его преемники активно использовали в сражениях легковооруженную конницу. Единственным талантливым греческим полководцем, командовавшим ею и жившим до возвышения Македонии, был Пелопид из Фив, который мог быстро организовать кавалерийскую атаку. Несмотря на то что у эллинов и македонян не было таких же прекрасных коней, как те, которых разводили на Востоке, а их лошади не умели столь же хорошо ходить под селом, как персидские или бактрийские, они были более пригодны для выполнения некоторых задач, и вот по какой причине. Когда очень важен контроль, породистые боевые кони могут закусить удила. Будучи воплощением спокойствия и здравого смысла, герцог Веллингтон, предаваясь воспоминаниям в разговоре со своим другом Стэнхоупом, произнес весьма уместную в этой связи фразу. «Французская кавалерия, – сказал он, – лучше английской, потому что ее всегда можно держать под контролем и остановить одной командой. Частично это связано с тем, что наши кони лучше и содержатся в хороших условиях» [216].

Пожалуй, о конях и их всадниках сказано достаточно. Теперь мне следует перейти к рассказу о более величественных воинах – слонах и их погонщиках. Я считаю, что он вполне обоснован, ибо одного появления слона и его рева было достаточно для того, чтобы перепугать всех лошадей, которые не были специально обучены сражаться вместе с ними или против них. Вскользь следует добавить, что появление верблюдов и их запах действовали на коней таким же образом. Верблюды периодически входили в состав древних армий, а в VI веке до н. э. они помешали действиям знаменитой лидийской конницы Креза [217]. Однако, несмотря на все их отвратительное обличье и мерзкий запах, они не обладали такой прекрасной особенностью, как толстая шкура. В итоге слоны (вернемся к рассказу о них) в период раннего эллинизма использовались для того, чтобы нейтрализовать превосходящую конницу противника. К примеру, в битве при Ипсе, произошедшей в 301

году до н. э., шеренга этих животных применялась для того, чтобы помешать победоносной кавалерии Деметрия снова вступить в бой [218].

Нам неизвестно, как сам Александр использовал бы слонов. Ему пришлось всерьез столкнуться с ними лишь однажды – когда они ожесточенно противостояли ему в сражении при Гидаспе. Во время битвы при Гавгамелах в состав персидского войска входили пятнадцать этих животных, но по неизвестной нам причине они не принимали участия в бою. Возвращаясь из Индийского похода, Александр вел с собой более сотни слонов, однако ему так и не удалось использовать их в битве. Большинство его преемников, особенно Селевк, сражавшийся против них в битве при Гидаспе и сделавший слона символом своей династии, содержали огромное число этих животных [219]. Сам Селевк уступил значительные территории индийскому царю Чандрагупте в обмен на пятьсот боевых слонов, большинство из которых он весьма эффективно использовал в битве при Ипсе. Антигон I попытался внезапно напасть на слонов своего врага Евмена из Кардии и захватить их, но, будучи хорошо выдрессированными, они сумели постоять за себя [220]. Птолеми основали город Птолемаиду Зверей (Птолемаиду Ферон) [221], которая должна была стать базой для охотников, отправлявшихся в походы за этими ценными животными. Некоторым полководцам периода эллинизма пришлось применить всю свою находчивость для того, чтобы заставить их оправдать свою репутацию. Слоны использовались совместно с легковооруженными солдатами, причем им прекрасно удавалось защищать друг друга, или размещались между подразделениями фаланги таким образом, чтобы строй в целом напоминал стену, снабженную башнями. Иногда их использовали в качестве прикрытия для конницы, входившие в состав которой лошади были обучены не бояться их; а порой – как своего рода авангард для пехоты, чтобы сломать или задержать вражескую атаку. В 317 году до н. э., в сражении при Парайтакене, таким образом, судя по описанию строя войск, сохранившемуся в сочинении Диодора, использовались как все 114 слонов Евмена, так и 65 этих животных, входивших в состав войска Антигона I. Однако далее, в описании самого сражения, о слонах ничего не сказано. Возможно, это связано с ошибкой, допущенной Диодором при переписывании сведений из источников, которыми он пользовался.

С другой стороны, в битве при Газе, произошедшей примерно через пять лет, Птолемей, в войске которого не было слонов, сумел сдержать этих животных, входивших в состав армии его противника Деметрия, используя передвижную конструкцию из шипов, соединенных кольями и цепями [222]. Животные наступали на острия своими нежными и уязвимыми ногами. Аналогичное приспособление использовалось в Греции за шесть лет до этого при обороне города. Шипы не удавалось увидеть прежде, чем почувствовать. Таким образом, они служили своего рода минным полем, которое при этом можно было передвинуть.

Все же в тот искушенный век, когда радостно приветствовалось каждое новое приспособление, военачальники не спешили расставаться со слонами. Подобно гигантским кораблям, они плыли в тумане войны; однако при этом они никоим образом не обеспечивали победу. По сути, проанализировав все сражения, в которых применялись эти животные, можно утверждать, что они чаще способствовали поражению, чем успеху. Предположение о том, что они были танками древности, соблазнительно, но не соответствует действительности [223]. Здесь, возможно, следует обратить внимание на то, что если на них умело напасть, то они могут податься в бегство. Именно это произошло во время Первой Пунической войны, когда была предпринята атака на римскую армию [224]. Кроме того, они подвержены панике и могут затоптать солдат, входящих в состав того же войска, как это произошло во время битвы при Магнезии. Они действительно были крайне ненадежными бойцами и требовали большого мастерства от своих погонщиков. Чтобы проиллюстрировать данный вывод, приведу в качестве примера одну довольно забавную ситуацию, в которой после демонстрации боевой силы слоны оказались в одном месте, а их наездники – в другом [225].

В те времена, как и в наши дни, слонов эффективно использовали для разрушения слабых укреплений, например частоколов, а однажды спартанский военачальник Ксантипп, находившийся на службе у Карфагена, сумел весьма успешно применить их против плотной шеренги пехотинцев. Но в большинстве сражений, за исключением случаев, когда они являлись основой тактических приемов, направленных против кавалерии, они оказывались гораздо более ненадежными воинами, чем можно было от них ожидать. Наиболее ярких успехов в сражениях против пехоты им удавалось достичь, если солдаты противника никогда их до этого не видели, например против галлов в знаменитом «сражении слонов» 275 году до н. э. [226] или в бою с римлянами, принесшем первую победу Пирру. О том, что последние до этого не имели об этих животных ни малейшего представления, свидетельствует сделанное ими странное описание слонов, названных ими «луканийскими коровами», а также высказанное Ксантиппом, о котором я уже говорил выше. Периодически они появлялись то в одном, то в другом войске. Во время сражения при Кинокефалах, состоявшегося в 197 году до н. э., возможно, именно из-за них произошла катастрофическая задержка при построении македонской фаланги. Цезарь обучал своих солдат атаковать слонов, входивших в состав войска нумидийского царя Юбы [227]. Прибыв в Британию, чтобы своим присутствием там подчеркнуть масштаб уже одержанной им победы, император Клавдий к своей гордости добавил достоинство нескольких слонов. Правда, впоследствии они перестали упоминаться в источниках, посвященных этой войне. Отдав слонам должное за те успехи, которых они периодически достигали, мы не можем с абсолютной уверенностью утверждать, что они полностью выполнили свое предназначение.

Осадное мастерство

Прежде чем завершить рассказ о методах ведения войны, мы должны поговорить об обороне городов, крепостей, военных позиций и способах их захвата. Употребив не совсем правильный термин, мы можем назвать защиту и нападение одним словосочетанием – осадное мастерство. В ходе археологических исследований слоев, датированных героическим периодом истории Греции, ученым удалось обнаружить несколько небольших крепостей, которые, несмотря на это, были очень хорошо укреплены и обладали крайне сложной планировкой. К их числу относится, например, Тиринф, напоминающий не столько укрепленный город, сколько средневековый замок [228]. Однако, когда *полис* перестал служить цитаделью или местом для убежища и превратился в республиканский город-государство, его укрепления стали защищать основу сообщества, городской центр, а не только царя и его непосредственное окружение. За городскими стенами находилась территория, находясь на которой большая часть граждан могла чувствовать себя в полной безопасности на протяжении длительного времени. Обычно сложенная из кирпича на каменном фундаменте, стена не была очень высокой или особенно крепкой, так как этого и не требовалось, хотя иногда делались попытки обратить особое внимание на укрепление городских ворот. В результате археологических раскопок в Малой Азии были обнаружены более прочные укрепления, которые, однако, в середине VI века до н. э. не смогли выстоять под натиском персов, научившихся искусству осады у ассирийцев. Но в самой Греции стены городов, какими простыми они бы ни были, прекрасно соответствовали целям, которые ставили перед собой их строители.

В имеющихся в нашем распоряжении источниках не упоминается ни один случай, относящийся к исторической эпохе (вплоть до первого этапа Пелопоннесской войны), когда эллины осаждали хотя бы один греческий же город. Жителям полиса следовало опасаться другого – постепенной смерти от голода или гибели из-за чьего-либо предательства. Согласно письменным источникам, Перикл применял осадные машины против Самоса [229], но на основании того, что город капитулировал лишь через восемь месяцев [230], мы можем предположить, что сдать его вынудил не прямой штурм, а блокада, голод или опасение того, что он может наступить. Во время Пелопоннесской войны крохотный городок Платеи после искусного штурма, вероятно считавшегося апогеем развития осадного мастерства того времени, в конце концов открыл ворота через два года из-за

продолжительной угрозы голода [231] . Афиняне слыли специалистами по осадам, но жители Потидеи сумели противостоять им на протяжении почти трех лет, а затем сдались лишь на определенных условиях, причем захватчикам для поддержания своего престижа крайне важно было овладеть этим городом как можно быстрее и решительнее [232] .

Осуществление осады было весьма дорогим предприятием. Так, на блокаду Потидеи была потрачена львиная доля средств афинской казны [233] . Когда Митилена восстала против Афин, овладеть ею удалось только тогда, когда население из-за начавшегося голода само сдало город. Получив оружие, граждане потребовали от более непоколебимых в своем стремлении держаться до конца аристократов, отвечавших за начало восстания, чтобы те сдали город [234] . Афиняне не сумели бы захватить и Сиракузы, если бы их жители не стали призывать к его сдаче. Длинные стены Мегар пали благодаря внезапному нападению, организовать которое помогли предатели [235] , а Брасид сумел захватить несколько небольших поселений на Халкидике. Поспешно построенные укрепления Делия пали под воздействием огня, который осаждающие выдували через огромную трубку; правда, эти укрепления представляли собой всего лишь частоколы [236] . Однако мы имеем все основания для того, чтобы утверждать: вплоть до последнего десятилетия V века до н. э. ни один греческий полис, какого размера бы он ни был, не был взят штурмом. Правда, хорошо укрепленные эллинские города на Сицилии были захвачены карфагенянами, которые привели с собой военные машины и штурмовые отряды, состоявшие из наемников-варваров. Это исключение, которое только подтверждает правило, состоявшее в том, что греческие полисы не сталкивались с большими потерями среди своих граждан, вызванными таким опасным предприятием, как приступ.

В IV веке до н. э. ситуация коренным образом изменилась. Изобретение вращающейся катапульты и ее разновидностей способствовало тому, что у осаждающих город наконец появилась возможность взять его штурмом [237] . Теперь они могли вести более продолжительный и интенсивный обстрел, мешающий защитникам сопротивляться во время осады и позволяющий разрушить защищающие их брустверы. Такой огонь можно было вести с земли или с осадных башен. Страх значительных потерь во время штурма, на протяжении столь продолжительного времени преследовавший греческих воинов, теперь значительно ослаб. Стало намного проще осуществлять подкопы; появились гораздо более мощные тараны. К укреплению городских ворот относились все более и более внимательно. Однако их куртины становились все уязвимее, хотя использование немного выдающихся вперед башен облегчило ведение продольного огня по нападающим по крайней мере по сравнению с простыми башнями, характерными для V века до н. э. Однако в первой половине IV века до н. э., судя по написанному в те времена сочинению Энея Тактика, посвященному искусству осады городов, эллины, несмотря на блестящий штурм прекрасно укрепленного города Мотии, что на Сицилии, предпринятый Дионисием I [238] , еще до конца не понимали, какие перспективы им сулит использование военных машин.

Несмотря на это, примерно к середине столетия между штурмом и обороной был достигнут своего рода баланс, и Филипп II Македонский, в распоряжении которого имелись новые осадные машины и служившие ему греческие инженеры, не сумел захватить города Перинф и Византий. Затем свое феноменальное умение осуществлять осады продемонстрировал Александр Македонский. Он проводил их решительно и умело. Ни один город, каким хорошо укрепленным он бы ни был, ни одна крепость, чем бы она ни была защищена – природой или мастерством человека, – не устояли перед его умелым натиском, ведь в противном случае он никогда не смог бы завоевать всю территорию Персидской державы [239] . От многих других полководцев его отличало то, что за его решительностью стояли его воины, не уступавшие ему в терпении и смелости. Когда после его смерти эллины восстали против Македонии, у них не хватило пыла для того, чтобы осуществить штурм крайне важной крепости Ламии [240] , а позднее планы Деметрия, которого за его выдающееся умение проводить осады прозвали Осаждающим (имеется в виду прозвище Деметрия I – Полиоркет. – *Пер.*), нарушили жители Родоса, непреклонно и умело

выдерживая самую известную осаду древности.

Искусство обороны развивалось вслед за мастерством нападения. Позднее, на протяжении того же и следующего столетия, на укреплениях стали появляться разнообразные катапульты, мешавшие осадным машинам противника приблизиться к стенам, замедлявшим продвижение артиллерии, таранов и осадных башен противника. Судя по подсчетам, приведенным в работах античных авторов, военные, жившие в те времена, уже умели производить научно обоснованное исчисление начальной скорости, необходимой для выпуска снарядов, различающихся по весу, на разные расстояния. К тому же в этих сочинениях приведены чертежи военных машин, а также катапульта, выпускавшая камни и стрелы, и даже своего рода скорострельного орудия. Это был вызов изобретательности древних греков, на который они весьма достойно ответили в III веке до н. э. Во время защиты Сиракуз, сражавшихся с римлянами во Вторую Пуническую войну, философ Архимед неоднократно демонстрировал свою изобретательность [241].

Применение этих раскручивающих катапульт и их аналогов, вероятно, способствовало увеличению эффективности метательных орудий [242]. При использовании катапульты, метавшей стрелы, можно было попасть в человека с расстояния 100 ярдов (примерно 91,4 м. – *Пер.*), а в нескольких людей – со вдвое большей дистанции. Метая снаряды по крутой траектории (более 45 градусов), эллины могли улучшить результат до 500 ярдов, но на столь большом расстоянии сильно страдала точность выстрела. С помощью такого оружия можно было стрелять через реку (как это сделал Александр), которая была слишком широкой для лучников и пращников. Камнеметательная катапульта могла выстрелить самым тяжелым камнем, относительно точно попав в цель, с расстояния более 200 ярдов (около 182 м. – *Пер.*). По дальности катапульты могли превзойти все немеханические виды оружия. Однако их сила упругости, которая, как правило, была обусловлена эластичностью веревок или волос, быстро уменьшалась. Кроме того, для того, чтобы перенатянуть их, требовалось слишком много времени, в результате чего эти орудия не были эффективны при ведении военных действий как при наступлении, так и в случае обороны, за исключением осады городов [243]. Также следует помнить, что катапульты способствовали снижению потерь, а наиболее действенными орудиями для разрушения укрепительных сооружений городов были тараны, траншеи и высокие осадные башни, унаследованные греческими армиями от войск восточных монархий.

Все эти соревнования в изобретательности при атаке и обороне, в отличие от того, что происходило в Европе в XVII веке, не превратили боевые действия в осадную войну. Предприимчивые военачальники, жившие в эллинистический период, пытались придумать как можно более быстрые способы достижения победы. Непрístupный город почти не мог оказать значительное влияние на ход военных действий. Хорошо укрепленные позиции, подобные *places d'armes* некоторых преемников Александра, могли способствовать выполнению стратегических задач [244]. К тому же они, как, например, три крепости: Деметриада, Халкида и Акрокоринф, которые были названы узами Греции и являлись оплотами македонского господства в III веке до н. э., иногда способствовали расширению политического контроля.

Однако для раскрытия моей темы важно не столько прямое действие этих орудий обороны и нападения, сколько те сведения о применении эллинской сообразительности и македонской решительности для развития военного искусства, которые можно получить на основании их изучения. Пока я не перешел к рассказу об иных сюжетах, мне, вероятно, следует привести ряд других примеров, свидетельствующих об изобретательности этих людей [245]. Вспомнив современные изобретения, мы поймем: большинство из них стало возможным благодаря использованию материалов, недоступных эллинам и македонянам, например натурального каучука, или процессов, требующих более высокой температуры, чем та, которой они могли добиться. Они или их соседи, жившие на Кавказе, были умелыми кузнецами, но изготовление быстрорежущей стали находилось за гранью их возможностей. Они могли потереть кусок янтаря и посмотреть, что из этого выйдет, однако, несмотря на то

что они называли его электроном, они не умели вырабатывать электричество. Правители Византийской империи ревностно оберегали секрет греческого огня, но в Античности не существовало стимула или патентного закона, благодаря которому можно было получить награду за свою находчивость. Ясные и живые умы эллинов более охотно решали теоретические, чем практические задачи. Однако и помимо катапульт, хотя даже в случае с ними греков больше захватывали проблемы определения начальной скорости, чем внедрение новых материалов, они создавали изобретения, служившие военным целям. В качестве примера можно привести лестницы. В источниках упоминаются и штурмовые лестницы, применявшиеся при приступе, и их «собратья», снабженные щитами для наблюдения. Тараны, как я уже говорил выше, становились все более и более мощными. Эти приспособления позволяли разрушать фундаменты стен, так как они были снабжены набором бронзовых поддонов, фиксирующих с помощью вибрации увеличение размеров подкопа. Греки, не имея ни малейшего представления о порохе, создали подобие огнемета и предшественника пистолета Вери (сигнальный пистолет, изобретенный в 70-х гг. XIX в. американским лейтенантом флота Э. Вери; для него была разработана особая двухцветная система сигналов. – *Пер.*). Они применяли уксус для того, чтобы сохранять мясо, которым питались воины. Маршал Франции Мориц, граф Саксонский (1696–1750 гг., выдающийся французский военачальник; серьезно изучал военное дело, написал посвященный ему трактат, являвшийся в XVIII в. основным пособием по военной науке. – *Пер.*), широко применявший это вещество, говоря о его пользе, приводит примеры из античной истории. Средиземноморские военные порты защищали подводные частоколы или столбы, вполне применимые при полном отсутствии приливов и отливов. Подобно римлянам, эллины использовали огненные или дымовые завесы для того, чтобы скрыть или замедлить продвижение войск.

Если бы я более твердо верил в правдивость исторических преданий, то я пересказал бы здесь легенду о мессенском герое Аристомене, который слетел с высокого холма, используя свой щит в качестве парашюта [246] . Я не думаю, что правильно ограничивать просторы веры, и готов принять во внимание сообщение Корнелия Непота и Юстина [247] о том, как Ганнибал, командовавший в то время эллинистическим флотом, отправил своих моряков на берег, приказав им набрать живых ядовитых змей.

Затем он поместил их в тонкостенные кувшины, которые бросил на вражеские корабли, чтобы породить у противника тревогу и отчаяние, а также побороть, как я полагаю, беспокойство собственных отважных моряков, вынужденных вербовать на службу столь ненадежных союзников. Мое инстинктивное, возможно, весьма прозаическое нежелание искренне поверить в правдивость этой истории, однако, не исключает того, что я испытываю глубокое уважение к неизвестному тактику, который придумал данный прием и приписал его авторство Ганнибалу. И у меня нет серьезных оснований для сомнений в том, что изобретатель был греком, поэтому я считаю своим долгом рассказать о нем в своих лекциях. Из всего сказанного в этом разделе я могу заключить, что высшие достижения греческого военного искусства являются проявлениями победы человеческого разума не столько над материей, сколько над другим умом.

Глава 5 СРЕДСТВА И ЦЕЛИ ОБЩЕЙ СТРАТЕГИИ

Кажущаяся рациональность сформулированного Клаузевицем определения войны, согласно которому она является «всего лишь продолжением политики, но с помощью других средств» [248] , обманчива, так как государства могут быть втянуты в боевые действия, о которых их политики даже не подозревали. Такие страны избежали бы их, если бы это было возможно без потери чести или свободы. Поэтому, определяя стратегию как «теорию использования сражений для военных целей» [249] , он также чересчур логично сужает ее границы. Разве не говорил Наполеон, что победа всегда почему-то выгодна? Кроме того, государства в построении своей стратегии никогда не учитывают события, следующие за

победой. Далеко не все они следуют максиме, вырезанной на постаменте статуи генерала Шермана, установленной в Вашингтоне, согласно которой законной целью войны является более совершенный мир. В данной работе мне следует использовать слово «стратегия» в более широком смысле, хотя, употребляя в заголовке этой ее части понятие «общая стратегия», я хотел обратить внимание слушателей на то, что в данной лекции ничего не будет сказано о стратегии, переходящей в тактику, о которой пойдет речь в разделе, посвященном действиям командования во время сражений. Под стратегией я понимаю политику, которая должна или может привести к началу войны либо стать ее следствием, а о политике можно говорить, описывая средства и цели, которые могут воздействовать друг на друга. В XIX веке Великобритания в своей политике преследовала определенные цели, как правило оборонительные, с помощью большого флота и маленькой армии. При этом в 70-х годах того же столетия на протяжении короткого периода большой популярностью пользовалось такое явление, как ура-патриотизм, ставшее следствием проведения политики, основанной на сомнительной позиции: «У нас имеются корабли, у нас есть люди, а также у нас водятся и деньги».

Теперь следует перейти от шовинистической песенки (считается, что слово *jingoism*, употребляемое автором книги, появилось благодаря английской песенке, содержащей угрозы вмешательства в Русско-турецкую войну 1876 г. – *Пер.*), звучавшей на городских улицах, к речам Перикла или, если хотите, Фукидида. Накануне Пелопоннесской войны этот историк вкладывает в уста Перикла слова о том, что успеха в войне чаще всего можно достичь с помощью хороших суждений и изобилия денег [250]. Слово, которое я перевел как «хорошие суждения», в данном контексте значит «надежная стратегия», а «изобилие денег» предполагает заранее собранные богатства или излишки. Это изречение было применимо к войне, предложенной Периклом, но оно не всегда справедливо для боевых действий, которые велись между греческими полисами в те либо более ранние времена. Лишь у небольшого числа эллинских государств было достаточное количество средств, а некоторым удавалось достичь успеха при отсутствии денег. Войны действительно могли начинаться при незначительной финансовой поддержке. Полисные гоплиты нередко приходили с запасом провизии на несколько дней и выступали в поход, воодушевленные верой в победу [251]. Пока они находились на дружественной территории, им оказывали помощь, а очутившись на вражеской земле, они добывали все необходимое самостоятельно. Они не нуждались ни в большом количестве поставщиков, ни в обширных запасах оружия. Свои потребности они удовлетворяли благодаря скромному обозу или нескольким животным, и, хотя воинам, вероятно, платили за участие в походах, эти кампании были довольно короткими и осуществлялись тогда, когда крестьяне могли позволить себе на время покинуть свои хозяйства. Продолжительные операции, в частности осады, возможно, требовали больших затрат, однако они были крайне редкими. Таким образом, финансовые соображения не сильно ограничивали стратегию большинства городов-государств.

Однако Афины времен Перикла отличались от большинства других полисов. В их распоряжении имелся большой флот, содержание которого стоило немалых денег, ибо гребцами на нем служили, как правило, бедные афиняне или жители союзных полисов, требовавшие за свой труд плату. Поддержание одной-единственной триремы в состоянии боевой готовности в течение месяца обходилось по эллинским меркам в целое состояние. Такие богатые полисы, как Сиракузы, Коркира и Коринф, а также несколько больших островов в Эгейском море могли позволить себе содержать флот. Планируя построить флот, способный потягаться с афинским, коринфяне и их союзники надеялись (правда, тщетно) воспользоваться сокровищами, хранившимися в святилищах Дельф и Олимпии. Помимо поддержания флота, Афины должны были быть готовыми к осаде городов. К тому же они отправили несколько заморских экспедиций, чтобы сохранить границы своих владений или покарать врагов. Для осуществления стратегии, проводимой Периклом на ранних этапах его карьеры, требовались огромные финансовые ресурсы, которыми Афины обладали. Средства были доступны и свободно тратились на протяжении еще какого-то времени. Большую часть

денег полис получал в виде дани, а сами афиняне на протяжении нескольких лет вносили определенную сумму, также тратившуюся на ведение боевых действий. В результате ежегодные расходы собранных полисом богатств сократились примерно до трети от изначальных [252]. Даже в этом случае логично предположить: одной из основных причин того, что Афины по истечении первых десяти лет войны заключили мир, стало именно уменьшение их финансовых ресурсов. Пополнив на протяжении последующих пяти лет относительного спокойствия свои резервы, полис сумел осуществить Сицилийский поход, который опять же обошелся в довольно большую сумму. В нашем распоряжении имеется мало сведений о последних десяти годах войны, но, судя по тому, что нам известно, Афины с трудом находили средства для ведения боевых действий. С другой стороны, финансовые проблемы их пелопоннесских противников были решены благодаря субсидиям, предоставленным персами.

В IV веке до н. э. стратегию греческих полисов нередко диктовали финансовые трудности. В силу сложившихся обстоятельств флоты стали меньше, а восстановив в середине столетия свое господство на море, афиняне, вероятно, были вынуждены ограничить проведение операций на других театрах боевых действий. Во время войны с персами, которая велась в Малой Азии, спартанские полководцы, в том числе даже Агесилай, стремясь собрать добычу для финансирования своих кампаний, прибегли к ошибочной стратегии. В самой Греции использование в боевых действиях наемников стало причиной затягивания войн, которое было выгодно больше самим солдатам, чем их нанимателям. Во времена Второго Афинского морского союза из-за недостатка средств афиняне отправили в поход, целью которого был поиск денег, а ценой – жизни друзей. Обладая более значительными средствами, персидский царь или его сатрапы могли нанимать к себе на службу некоторых греческих военачальников и солдат. Пока граждане сражались за свои города в переломный момент войны [253], греческим городам-государствам было нелегко постоянно держать их на поле боя. Предлагая организовать постоянный экспедиционный отряд для борьбы с Македонией, который состоял бы частично из наемников, а частично – из граждан полиса, Демосфен привел в качестве доказательства своей правоты тщательные экономические расчеты [254]. На ранних этапах своего правления Филипп II придерживался стратегии, которая была направлена в основном на обеспечение источников поставок в его казну золота и серебра. В то время деньги действительно нередко помогали осуществлять стратегию или, наоборот, мешали ее проведению, и Филипп прекрасно это понимал.

Отправляясь в поход против Персии, Александр находился в крайне стесненных финансовых обстоятельствах, и его будущее было крайне ненадежным [255]. Он должен был на протяжении короткого времени добиться успеха в Малой Азии, и именно по этой причине в ходе своего первого сражения – битвы при Гранике – он взял на себя большой риск. Начиная с того момента завоевание Персии более чем просто окупалось, и, захватив огромные количества золота и серебра в сокровищнице царя царей, он установил высокую планку военных расходов, которая оказалась вполне по силам его преемникам, владевшим обширными территориями. Услуги воинов, служивших в элитных подразделениях их войск, хорошо оплачивались на протяжении всего года. Антигон I повсюду возил с собой значительные средства на ведение войны, чтобы обеспечить верность своих солдат, и большинство его соперников поступало таким же образом [256]. На протяжении двух или трех десятилетий осуществлять подобную стратегию позволяли значительные финансовые ресурсы. Однако истощение запасов во владениях эллинистических правителей подорвало их благополучие и поставило под вопрос преданность их подданных. Таким образом, могущество греческих монархий постепенно угасало, даже несмотря на то что македоняне сохраняли верность династии Антигона вплоть до того, как ее последний представитель, Персей, потерпел поражение, которое было ускорено его нежеланием покупать услуги наемников на дорогом рынке, что опустошило бы его казну. Говоря о том воздействии, которое оказывают финансы на стратегию, мы должны помнить, что война в древности, будучи «бизнесом», оплачивалась наличными. У правителей не было волшебного кошелька –

национального долга, позволяющего современным государствам тратить сегодня деньги, которые они, возможно, получат завтра. Таким образом, при осуществлении общей стратегии наблюдается баланс средств и целей, правда далеко не всегда способствующий реализации последних.

Теперь нам следует перейти от рассказа о взаимодействии общей стратегии и денег к описанию ее взаимосвязи с географией. Положение Греции с точки зрения физической географии обладает рядом особенностей, частичным следствием чего стала специфика ее политической географии. Все это привело к тому, что ее территория вся испещрена границами, многие из которых относительно слабо укреплены. Профессор Гомме в своем великолепном вступлении к «Историческому комментарию к Фукидиду» (Historical Commentary on Thucydides) [257] поднял вполне уместный вопрос о том, почему греческие полисы в VI и V веках до н. э. не использовали свой военный потенциал для защиты рубежей. Частичный ответ на него, который я дал в своей первой лекции, заключается в том, что оборону горных границ лучше доверять легковооруженным войскам, чем гоплитам. Полисы предпочитали обеспечивать свою безопасность, полагаясь на последних, в то время как первые по причинам лишь отчасти военного характера не были обучены достаточно хорошо для того, чтобы выполнить эту действительно сложную задачу, требующую осуществления командованием, которое должно быть прекрасно осведомлено о происходящем, самостоятельных и активных действий. Также стоит помнить о том, что горы защищают только сами тебя. «На протяжении долгого времени, – пишет Жомини, – велись споры о том, является ли владение горами основанием для чьего-либо господства над долинами и наоборот» [258]. В IV веке до н. э., когда легковооруженные войска стали более эффективны, а в армиях начали использоваться наемники, которые могли служить на протяжении более длительного времени, чем граждане, эллины обратили внимание на проблему границ, и, как правило, им удавалось успешно ее решать. Жители Этолии, территория которой была покрыта горами, применяли против гоплитов следующую стратегию. Этолийцы позволяли им продвинуться в глубь страны, а затем, когда захватчики уходили далеко от местности, где они могли успешно действовать, их атаковали легковооруженные воины. Границы, отделявшие Аттику от соседних Беотии и Мегар, на протяжении долгого времени охраняла цепь небольших, но весьма умело расставленных крепостей, благодаря чему их крайне сложно было взять приступом. Однако пограничные форты Аттики почти никак не повлияли на ход Пелопоннесской войны.

Во время этого конфликта появился стратегический прием, способствующий увеличению доступности вражеской территории как по морю, так и по суше. Он назывался эпитейхизм и подразумевал возведение укреплений в определенной местности или регионе, для того чтобы оказывать давление на противника [259]. Данная идея витала в воздухе, когда обсуждались перспективы этой войны, и к ней прибегали в первую очередь афиняне, правда не всегда успешно. Приведу два примера удачного ее применения. На первом этапе войны предприимчивый афинский военачальник Демосфен занял позиции на западном побережье Пелопоннеса, что косвенным образом привело к захвату спартанской крепости, а напрямую (и на более долгий срок) – к возникновению места, где могли укрыться те спартанские илоты, которые решили вырваться из спартанского рабства [260]. Пелопоннесцы сумели отомстить афинянам, организовав на последнем этапе войны опорный пункт в Декелее, почти в пределах видимости своих противников. Туда с рудников, расположенных на юге Аттики, бежало множество афинских рабов, с которыми их хозяева обращались далеко не самым лучшим образом. Благодаря этим укреплениям спартанцы решили как экономическую – они блокировали удобный маршрут, по которому из Эвбеи можно было попасть в Афины, – так и военную задачу – афинские войска теперь вынуждены были постоянно находиться в состоянии боевой готовности [261].

Еще более важным с точки зрения стратегии был контроль над определенными ущельями, особенно Фермопильским. Снова и снова предпринимались попытки овладеть

Фермопилами, и каждый раз оборона завершалась неудачей, так как ущелье можно было обогнуть. Только во время правления Юстиниана оно стало центром хорошо укрепленной территории, достаточно большой для того, чтобы исключить эту опасность. Однако однажды, захватив его на непродолжительное время, афиняне и их союзники сумели остановить наступление Филиппа II [262], правда, мы не знаем, хотел ли царь в тот момент ввязаться в крупный конфликт, собрав дополнительные силы или обойдя ущелье. Ранее он говорил, что тогда отступил, подобно барану, чтобы в следующий раз ударить с большей силой. Он вполне мог отойти и подождать, пока появится возможность, при которой ему вовсе не придется бить; и через некоторое время такой шанс ему представился.

Поговорив о географических особенностях, которые могли быть использованы стратегами для предотвращения наступления противника, мы теперь должны обратиться к условиям, в которых они были способны сделать его своевременным и безопасным. Взаимодействие географии и стратегии особенно ярко проявилось во времена Александра Македонского и его преемников. Поставив перед собой цель захватить все необъятные просторы Персидской империи, он вынужден был столкнуться с проблемами, связанными с пространством, а стремление соперничавших друг с другом диадохов объединить или разделить между собой эти территории заставило их решать те же задачи. Так как они могли достичь своих целей с помощью войны, им была навязана стратегия, основанная на значительном географическом диапазоне. Приведу один пример. Принятое Александром решение обезопасить себя от возможных действий персидского флота, заняв побережья, на которых он базировался, а также аннексировать Сирию и Египет до встречи с Дарием лицом к лицу, свидетельствует о том, что македонский полководец крайне осмотрительно относился к географическому фактору и перед тем, как предпринимать какие-либо действия, произвел ряд соответствующих вычислений. Захват Персидской империи стал для него победой, одержанной над расстоянием, а также целой серией побед: сначала над Дарием, а затем над противниками, пытавшимися использовать против него горы и реки.

Этот аспект величия Александра вдохновил его преемников, полководцев, прошедших прекрасную школу ведения военных действий, которой был его лагерь. Они использовали в своих стратегических комбинациях далеко разбросанные друг от друга силы и применяли на практике традиционные доктрины современной военной мысли, включая ту, согласно которой при ведении боевых действий на двух фронтах следует обороняться на одном и наступать на другом [263]. Они прекрасно понимали, в каких случаях максима о том, что атака является лучшим способом защиты, справедлива более чем наполовину. Они перебрасывали огромные армии на гигантские расстояния и выгадывали для осуществления своих операций такое время, которое наилучшим образом способствовало осуществлению их далекоидущих целей. То, что одним из направлений внешней политики Птолемеев было использование Сирии одновременно в качестве гласиса оборонительной системы Египта и опорного пункта для строительства и содержания флота, свидетельствует о правильной оценке наличия на этой территории природных ресурсов и преимуществ ее географического положения [264].

Стратегия также может зависеть от человеческих ресурсов [265]. Царь, упомянутый в Священном Писании и задумавшийся о том, сумеет ли он с десятью тысячами солдат противостоять правителю, выступившему против него с двадцатью тысячами, был более осторожным стратегом, чем шовинист из ура-патриотической песенки, о которой я говорил в начале лекции. В V веке до н. э. стратегия Спарты была обусловлена тем, что значительную часть сил полиса всегда требовалось применять для усмирения илотов [266]. В Афинах складывалась противоположная ситуация. Благодаря своему флоту они могли успешно использовать в военных действиях широкие слои граждан, которые многие полисы не мобилизовали в принципе, а это, в свою очередь, способствовало тому, что в V веке до н. э. они сумели распространить свою стратегию на далекие заморские территории. Увеличить человеческие ресурсы государства могли за счет заключения союзов. Эта задача была относительно несложной, так как соединение отрядов гоплитов не было сопряжено с

большими трудностями. Для того чтобы увеличить количество своих воинов, Спарта заключила самый прочный из союзов, когда-либо существовавших между греческими государствами, – Пелопоннесскую лигу. Однако по условиям договора она должна была, в свою очередь, заботиться об интересах своих союзников и иногда действовать, руководствуясь их желаниями. Заключение и сохранение союзов входит в сферу дипломатии, и нам, если мы, в отличие от греков, считаем, будто спартанцы были людьми, лишенными хитрости, следует помнить о том, что из этого полиса происходило множество талантливых дипломатов. За спартанской дипломатией стояла армия, которая, однако, была настолько ценным орудием, что цель дипломатии заключалась в том, чтобы не допустить ее использования. Во время последних этапов Коринфской войны стратегия и дипломатия также шли рука об руку, так как каждая из воюющих сторон пыталась занять такую военную позицию, которая позволила бы дипломатам заключить мир, не заставляя полководцев одерживать победу в войне. Стратегия и внешняя политика Филиппа Македонского были совместно направлены на то, чтобы ввести в состав его войска отважных горцев, живших на границах его владений, и фессалийских конников. Они же были нацелены на то, чтобы максимально уменьшить силы его существующих и потенциальных противников. Об этом примере помнили и правители эллинистических государств, используя его в своих политике и стратегии, всегда ориентированных на обретение контроля над территориями, за счет которых они могли увеличить личный состав своих войск или (что происходило чаще) приобрести услуги высококлассных наемников [267] .

В греческом военном искусстве применялся и другой аспект стратегии – связанный с использованием того, что мы сейчас называем «пятой колонной». Политическая борьба между различными группировками внутри какого-либо полиса, характерная для V, а чаще для IV века до н. э., позволяла его противникам надеяться на то, что они сумеют получить помощь от одной из сторон таких конфликтов, которую можно назвать оппозицией. Дело в том, что, если эта борьба была особенно ожесточенной, некоторые греческие политики и сторонники той или иной партии считали более предпочтительным отдать город в руки врагов, чем своих политических противников. К примеру, накануне Пелопоннесской войны фиванская армия встретила в приграничном городке Платеи некоторых его жителей, готовых признать фиванцев и сделать так, чтобы их город перестал быть союзником Афин и плацдармом для военных действий на территории Беотии, а вместо этого заключил союз с Фивами, превратившись в Фиванский плацдарм для проведения операций на землях Аттики. Для реализации стратегических целей они отправили свои войска для проведения операций, которые им почти удалось [268] . Однако подобные предприятия далеко не всегда оканчивались провалом. В частности, в IV веке до н. э. спартанцы с легкостью овладели крепостью Фивами с помощью одной из группировок, существовавших в этом городе [269] . Тот факт, что Аргос в годы, последовавшие за Никиевым миром, никак не мог выбрать между двумя формами правления – аристократической и демократической, – позволил осуществлять не только военную, но и политическую стратегию. Предпринимая свою смелую акцию против афинян на территории, находившейся недалеко от Фракии, Брасид, вероятно, рассчитывал на то, что в этих городах действует антиафинское движение, и его надежды вполне оправдались. Если осажденные города было сложно взять приступом, нападающая сторона нередко надеялась, причем, как правило, вполне справедливо, на предательство их жителей или, по крайней мере, на то, что среди них распространены пораженческие настроения. В своем труде, посвященном обороне городов, Эней Тактик, кажется, уделил внутренней угрозе такое же большое внимание, как и внешней [270] . Уловки, к которым прибегал Филипп Македонский для завоевания или нейтрализации интересовавших его государств изнутри, стали почти хрестоматийными и даже привлекли внимание поэта Горация [271] . Вторгаясь в Малую Азию, Александр прибегнул к весьма трезвой стратегии, проводя политическую пропаганду против тираний и олигархий, являвшихся сторонниками Персии. Одним из направлений стратегии, применявшейся в войнах его преемников, было оказание помощи благожелательно настроенным по

отношению к ним группам и ослабление тех, кто выступал против них. Еще большую выгоду они получали, если им удавалось убедить ту или иную часть населения интересующего их региона изменить свои пристрастия и посеять в обществе семена раздора. Несмотря на это, правители реализовывали исключительно военную стратегию и предоставляли успеху на поле боя влиять на надежды и страхи обитателей греческих городов. Но даже при этих условиях в эллинистический период существовало освобождение особого типа, и те, кто получал его, могли примкнуть только к одной из сторон. Этот процесс происходил легче благодаря тому, что война была более гуманной и ограничивалась боевыми действиями между армиями. Этим проницательным стратегам не требовался Полибий для того, чтобы объяснить им: война не должна уничтожать плоды победы [272], – и они согласились бы со словами Талейрана, сказавшего Наполеону, что в состоянии мира народы обязаны причинять друг другу только добро, а во время войны – нанести как можно меньше вреда [273].

Диад охи и эпигоны, как и Филипп и Александр, пользовались еще одним преимуществом – они сами были не только собственными начальниками штабов, но и министрами иностранных дел. Им редко пользовались те, кто стремился решать судьбы греческих городов-государств. В аристократиях и олигархиях считалось, что власть следует передавать из рук в руки, в демократиях – что она зависит от воли народного собрания, а значит, ее можно разделить между военачальниками и убедительно говорившими ораторами и демагогами, порой соперничавшими друг с другом. Политика, проводимая спартанскими царями, была ограничена волей эфоров, а власть разделена между двумя равноправными правителями, которые могли придерживаться противоположных точек зрения. Полководцы, сражаясь на поле боя, иногда опасались превзойти или не оправдать ожидания членов совета или народного собрания, и из-за боязни провала они могли слишком спешить или медлить. Что произошло с афинскими полководцами после того, как первая, менее масштабная экспедиция на Сицилию стала предупреждением, которое Никий принял слишком близко к сердцу во время второго, более крупного предприятия? [274]

В IV веке до н. э. стало понятно, насколько сложно политикам, никак не связанным с военным делом, найти общий язык с военными, не являющимися государственными деятелями. В те времена не существовало унифицированной стратегии и единой линии поведения, которые вырабатывал, например, римский сенат. Те, кто считал, что демократия не является благом, исходили из мысли о том, что сегодняшний глава государства завтра может стать козлом отпущения. К тому же при открытом обсуждении военной политики не может быть и речи ни о какой секретности. Тот древнегреческий военачальник, который вслед за Фридрихом Великим мог сказать, что он бросил бы свой ночной колпак в огонь, если бы тот знал его планы, был поистине удачливым человеком. Наконец, следует отметить, что стратегия не может быть рассчитана на долгое время вперед. Демосфен осмелился сказать афинянам, что они похожи на сборище кулачных бойцов-варваров, которые вместо того, чтобы отбивать удары, хватаются за те части тела, куда попал противник [275]. Однако греки были крайне здравомыслящими людьми во всех вопросах, связанных с боевыми действиями, как, впрочем, и со всеми другими сферами жизни, и в кризисные моменты у них всегда хватало разума и смелости для того, чтобы прибегнуть к экстренным мерам. Когда в конце Пелопоннесской войны афиняне узнали о гибели своего флота (печальная весть распространилась из Пирея в город), в ту ночь ни один его житель не спал, а на следующее утро они начали приводить в порядок свою оборонительную систему [276]. Все это было тщетно, но жители Афин сделали все возможное.

Я привел надпись на пьедестале статуи генерала Шермана о том, что законной целью войны является достижение более совершенного мира. Несколько раз на протяжении IV века до н. э. грекам удавалось добиться того, что они называли всеобщим миром, который позволял им действовать, не выстраивая стратегию, но из-за того, что достичь его удалось с помощью той же стратегии, он использовался также для решения стратегических задач. Кроме того, в греческой ойкумене было не так много свободного пространства, что вкуче со слишком долгой историей давало множество поводов для разногласий, вызванных в том

числе чересчур яркими воспоминаниями. Государственные деятели, стремившиеся к миру, сталкивались с множеством трудностей, пытаясь дать своим согражданам выпить глоток целебной воды Леты. Запаса силы и политической стабильности, которым обладало большинство греческих государств, было недостаточно для того, чтобы позволять себе определять границы осознанного риска, являющегося неотъемлемой частью как политики, так и стратегии. Здесь, как и везде, опасность для мира представлял его старый враг – стремление не брать на себя риски, связанные с его сохранением.

Стратегия и политика могли объединиться для достижения политического равновесия, в котором военная основа сочетается с политическими расчетами, и в другой сфере. Тридцатилетний мир, имевший место в V веке до н. э., просуществовал на протяжении столь длительного периода из-за того, что мощь афинского флота компенсировалась силой сухопутной армии, состоявшей из спартанцев и их союзников, потому что каждая из сторон понимала: она не сможет одержать победу над другой. Таким же образом противоречивые амбиции преемников Александра, несмотря на их постоянные стратегические уловки, привели к тому, что в течение некоторого времени три великие эллинистические державы – Македония, Сирия и Египет – во избежание худшего должны были пытаться сосуществовать друг с другом.

Теперь поговорим более подробно о военных действиях. Не забывая о том, что их театр является сферой действия стратегии, а поле битвы – тактики, я хотел бы рассказать о том, каким образом стратегия может привести к войне. Ксенофонт пишет следующее: «Мудрое командование заключается в нападении на самое слабое место противника, даже если оно находится довольно далеко...» [277] Затем он добавляет: «Если вы атакуете, собираясь одержать победу, нападайте в полную силу, так как излишек победы не вызывал ни у одного завоевателя приступов сожаления» [278]. Эти замечания еще раз доказывают правильность определения стратегии как искусства сосредоточения большей части войска в наиболее важной точке, за исключением тех случаев (хотя они встречаются довольно редко), когда она не является самым слабым местом противника. Атака, предпринятая Эпаминондом во время битвы при Левктрах, о которой говорилось во второй лекции, является исключением из этого правила. Здесь следует вспомнить предложенный генералом Форрестом (генерал армии Конфедерации во время Гражданской войны в США; один из разработчиков тактики «мобильной войны». – *Пер.*) рецепт военного успеха: «Git thar fust with the most men». Словечко *thar*, используемое в этой фразе, употреблено весьма уместно – его можно перевести как «там, где это имеет значение». Данный принцип более четко проявился в древнегреческой тактике, чем в стратегии. Более того, численность греческих войск редко была значительной, а сами они не состояли из крупных подразделений, вследствие чего военачальники не могли прибегать к современной практике, предполагающей переброску разрозненных частей армии, которые объединяются непосредственно перед боем. Этому также, как правило, мешала нехватка хороших дорог. К стратегии, характерной для Наполеона, который предпочитал припереть противника к стене, ведя против него боевые действия, и в то же время использовать крупные отряды для перекрытия его линий коммуникации, в древности прибегали крайне редко. Частично это было обусловлено тем, что на том этапе развития, на котором находилось в те времена военное искусство, коммуникации не играли столь важной роли, а отчасти происходило из-за того, что полководцы не желали делить накануне сражения свои войска на несколько отрядов. Это также привело к тому, что использование крупного резерва, который можно было использовать в последний, решительный момент, почти нехарактерно для древнегреческого военного дела и македонской стратегии.

Стратегическое применение продолжительных марш-бросков, столь свойственное римскому военному искусству, особенно до битвы при Метавре, было ограничено тем, что силы солдат могли пригодиться во время сражения и их следовало беречь, а также, возможно, отсутствием соответствующей дисциплины и хороших дорог. Тем не менее они не были совершенно неизвестны эллинам. Примером их наиболее удачного использования

является блестящий ход, сделанный Филиппом II во время похода, предшествовавшего битве при Херонее [279] . Благодаря введению противников в заблуждение о преследуемых им целях, тщательным приготовлениям, которые велись в глубокой тайне, и быстрому наступлению, завершившемуся сокрушительной атакой, он сумел уничтожить десять тысяч наемников, находившихся на левом фланге растянутой линии обороны союзников, мешавшей ему на протяжении столь длительного времени. С помощью этого приема он ослабил их и заставил ввязаться в ожесточенное сражение, на которое он рассчитывал. Возможно, еще более яркое впечатление производит марш-бросок, предпринятый Антигоном I [280] . В 319 году до н. э. он решил напасть на своего потенциального врага, Анкета, мирно расположившегося лагерем вместе со своей армией, состоявшей примерно из двадцати тысяч солдат, почти в 300 милях (около 480 км. – *Пер.*) от него. Совершив за семь дней и ночей форсированный марш и преодолев это огромное расстояние, Антигон сумел перебросить все свое войско, в которое входили кони, пехотинцы и слоны, в местность, где находился противник, и напасть на ни о чем не подозревающую жертву, практически полностью уничтожив его армию. Следовательно, Антигону удалось добиться того, что его войско на протяжении каждых двадцати четырех часов преодолевало примерно 40 миль (около 64 км. – *Пер.*). Может показаться, будто совершить подобный подвиг невозможно. Однако в тот период специальным военным, назначенным на эту должность, велись подробные записи, в которых содержался рассказ о каждом дне похода. Таким образом, ими вполне мог пользоваться автор источника, из которого Диодор черпал сведения в ходе написания своего сочинения. Через два года Антигон снова решил испытать удачу [281] . В разгар зимы он выступил в поход против своего противника, Евмена из Кардии, войско которого, находившееся в девяти днях пути от его позиций и размещенное на зимовку в лагерях и домах, выбранных для постоя, бездействовало. Однако это предприятие провалилось, так как солдаты Антигона, несмотря на весьма успешное продвижение, пережив пять холодных ночей, в шестую отказались повиноваться командующим, запретившим им разжигать в лагере костры, свет от которых мог своевременно предупредить врагов о надвигающейся опасности. Если бы этот второй поход завершился успешно, Антигон навеки обрел бы репутацию несравненного эксперта по марш-броскам.

В V веке до н. э. эллинские полководцы несколько раз пытались прибегнуть к приему, который мы сейчас называем взятием в клещи, подразумевающему схождение в одной точке двух или более армий, сочетающееся с взятием противника врасплох. Один из этих военачальников был очень близок к успеху, но его предприятие все же провалилось [282] . Сочетание таких факторов, как низкая скорость, недостаточная секретность и, что еще более важно, сложность точного расчета времени при отсутствии качественных средств связи, приводило к тому, что замыслы, сами по себе являвшиеся несколько самоуверенными и нереальными, слишком сильно зависели от везения.

Теперь нам следует перейти от общей стратегии перед сражением к той, которой древние греки придерживались после битвы. Как я уже говорил в своей первой лекции, воины, победившие в бою между двумя армиями гоплитов, не стремились преследовать проигравших, и изначально стратеги не пытались закрепить свою победу, полностью уничтожив силы противника. Стратегия, направленная на разрушение, как правило, не соответствовала целям, преследуемым городом-государством во время войны. Однако, как и в сфере тактики, первенство здесь принадлежит Эпаминонду, начавшему новую эру в древнегреческом военном искусстве. Военное превосходство Спарты основывалось на ее непобедимой армии и территории, на которую не ступала вражеская нога. Разрушив миф о непобедимости спартанцев во время сражения при Левктрах, Эпаминонд зимой следующего года отправился в поход на Пелопоннес, в Лаконию, освободил Мессению, отчасти являющуюся экономической основой силы Спарты, и заключил союз с Аркадией, которая должна была нейтрализовать спартанское влияние в центральной части полуострова. Несмотря на то что со времени битвы при Левктрах прошло довольно много времени, эту операцию можно назвать своего рода преследованием, однако не тактическим, которое

обычно ведется на поле боя, а направленным на реализацию долгосрочных стратегии и политики. В сущности, качество или даже масштаб данной операции можно сравнить со стратегическим преследованием, имевшим место после битвы при Йене (одно из сражений Наполеоновских войн, произошедшее 14 октября 1806 г. между армией Наполеона и прусским войском. – *Пер.*), вследствие которого французы оказались в районе Прибалтики; или погоней, последовавшей за сражением в Нормандии, в результате чего войска союзников дошли до Рейна (очевидно, имеются в виду результаты контрнаступления союзников, происходившего с 25 декабря 1944 до конца января 1945 г. вследствие провала Германией Арденнской операции, направленной на то, чтобы изменить обстановку на Западном фронте в ее пользу. – *Пер.*). Ее можно также сравнить со стратегической погоней Александра за царем Дарием, ставшей продолжением тактического преследования, начатого им после сражения при Гавгамелах. В данном случае все возможные стратегические средства использовались для достижения далекоидущих целей.

Однако целью стратегии могут являться не только благоприятные для проведения сражения обстоятельства или выгоды, получаемые вследствие победы. Она также может быть направлена на отсрочивание или даже избежание битвы. Стратег здесь тоже вполне может добиться успеха. Когда Марий во время первой кампании, являвшейся частью войны, разразившейся между Римом и его итальянскими союзниками, занимал оборонительные позиции, вражеский военачальник, несомненно участвовавший во многих битвах, прокричал ему: «Если ты великий полководец, Марий, выйди и сразись со мной», а тот ответил: «Если сам ты великий полководец, то заставь меня сразиться с тобой против моей воли» (пер. С.П. Маркиша в обработке С.С. Аверинцева. – *Пер.*) [283] . Для того чтобы привести пример умелого откладывания сражения, нам следует снова обратиться к попыткам Антигона внезапно напасть на Евмена из Кардии. Когда жители близлежащих деревень увидели в ночном небе далекий отблеск зажженных в лагере костров и узнали о приближении Антигона, они отправили к Евмену быстрых дромадеров, чтобы сообщить ему эту новость. Его внушительные силы, во многом вопреки его собственным убеждениям, были разбросаны по довольно обширной территории, и ему требовалось несколько дней на сбор войск и подготовку к битве. Он нашел территорию, периметр которой составлял примерно 8 миль (около 12,8 км. – *Пер.*) и которая располагалась на возвышенности, а следовательно, была хорошо видна наступающим воинам. С помощью части армии, находившейся при нем, он разжег там костры на расстоянии примерно 30 футов (около 9,1 м. – *Пер.*) друг от друга. Люди, отвечавшие за них, должны были во время первой стражи поддерживать самый яркий огонь, во время второй ему следовало быть более тусклым, а во время третьей им было приказано потушить все костры, за исключением нескольких. Таким образом Евмен сумел убедить противников в том, что он располагает огромным войском, сосредоточенным на этом месте и готовящимся к сражению, осуществляя такие повседневные действия, как приготовление ужина и отход ко сну, и оставив после этого лишь несколько костров для охранявших лагерь дозорных. Антигон, естественно, решил, будто его внезапная атака не удалась, остановил наступление и предоставил своим солдатам отдых, который должен был продлиться до начала сражения, вместо того чтобы продвинуться вперед, уничтожить по крайней мере часть армии Евмена и захватить некоторые из его припасов [284] .

Стратегия может быть направлена не только на отсрочивание сражения, но и на избежание боя, хотя, как говорили после Дюнкеркской операции (Дюнкерк – порт на севере Франции, откуда в мае – июне 1940 г. была произведена массовая эвакуация союзнических войск (английских, а также частично французских и бельгийских) в составе 335 тысяч человек, которых вывозили на военных кораблях, реквизированных гражданских судах и небольших лодках, подвергаясь при этом постоянным немецким атакам с воздуха. – *Пер.*), войны не выигрывают с помощью эвакуации. Следует добавить, что в них также редко одерживают победу, не прибегая к сражениям. Мне следует вернуться к изречению Перикла, с которого я начал своей рассказ. Он говорил о хороших суждениях, подразумевая при этом тщательно разработанную стратегию. Втянув Афины в Пелопоннесскую войну, он стремился

избегать ожесточенных сухопутных битв, которые он обязательно проиграл бы, даже несмотря на то что для этого требовалось эвакуировать все сельское население Аттики. Он пытался охладить пыл своих противников. Это была стратегия, направленная на изнеможение и истощение, которая являлась прямой противоположностью использовавшейся Наполеоном стратегии уничтожения врага [285]. Она не заслужила того презрения, с которым к ней нередко относятся; и не обязательно должна быть полностью пассивной. Действительно, она может приводить к сражениям, о чем свидетельствуют события Семилетней войны, но эти бои не являются решающими. Перикл не отказался от осуществления менее масштабных операций, направленных на разорение противника и нанесение ему максимального ущерба. Кроме того, он, несомненно, с удовольствием согласился бы на проведение широкомасштабной морской битвы, если бы его оппоненты осмелились рискнуть и выставить свои силы против огромного афинского флота. Пока он был жив и стоял во главе государства, ему удавалось придерживаться данной стратегии. В итоге, если не учитывать единственную незначительную схватку, можно говорить о том, что афиняне последовательно выполняли эту часть его плана. В конце концов по прошествии десяти лет войны Афины сумели заключить мир, благодаря которому они получили именно то, чего Перикл пытался добиться (если даже не больше). Единственное, чего он по объективным причинам не смог предвидеть, – это разрушительная эпидемия чумы, заметно ослабившая Афины, из-за чего день, когда противники этого полиса признали, что он обладает мощью, сломить которую им не по силам, наступил позже, чем мог бы при более благоприятных условиях. Он также не мог знать о том, что его воспитанник, Алкивиад, убедит жителей Афин отринуть преимущества Периклова мира.

Глава 6 ПОЛКОВОДЧЕСКОЕ ИСКУССТВО В СРАЖЕНИЯХ

Параллельно с развитием стратегии начиная с времен гоплитской фаланги, когда военные операции, по сути, представляли собой пеший поход, завершавшийся сражением, и заканчивая влекущими серьезные последствия сложными предприятиями, осуществлявшимися в эллинистический период, эволюционировало и мастерство военачальников.

В исторических источниках содержатся более подробные сведения о тактике, чем о стратегии, так как большинство древних историков полагало (иногда вполне справедливо), что они способны описать битву, но лишь несколько древнегреческих авторов, включая Фукидида, Ксенофонта, Полибия и Арриана, могли охарактеризовать военную кампанию. Кроме того, в трудах некоторых античных авторов, несмотря на то что в них содержатся не всегда точные данные о расстояниях и сторонах света, присутствуют сведения, благодаря которым мы знаем (или можем предполагать), где состоялась та или иная битва, а следовательно, мы можем сами отправиться на поле боя и осмотреть его [286]. Однако мне пришлось на собственном опыте узнать, что облик того или иного места может сильно трансформироваться из-за изменения русел рек, линии побережья, уровня воды в озере либо потому, что с лица земли были стерты город или деревня. С помощью всех этих способов злое Провидение пытается обмануть нас. Слишком часто, несмотря на работу умных и старательных исследователей, осмотр поля битвы больше воздействует на воображение, чем дает пищу для размышлений и позволяет сделать новые выводы.

Самым простым критерием оценки действий военачальников на поле боя является степень успеха, которого они сумели добиться. В своем трактате «О военном искусстве» Макиавелли пишет: «Если полководец одерживает победу в битве, он таким образом оправдывает все свои ошибки и провалы» [287]. Сражения, заканчивающиеся вничью, – явление крайне редкое, поэтому в результате большинства боев *один* военачальник становится более именитым, чем прежде. При этом следует помнить о существовании таких явлений, как победа, доставшаяся кому-либо благодаря везению, и бой между солдатами (в этом случае вклад полководца в ход военных действий сводится к нулю). Для того чтобы

стать хорошим военачальником, недостаточно обладать большим опытом. «Мул, – как-то сказал Фридрих Великий, – может совершить двадцать кампаний от имени принца Евгения (имеется в виду Евгений Савойский (1663–1736), полководец Священной Римской империи, генералиссимус. – *Пер.*), но из-за этого он не станет лучшим тактиком». Для этого также недостаточно достичь пожилого возраста или, добавлю, быть молодым. Превосходного полководца отличают не технические приемы и практический ум. Приведу крайне удачную цитату: «Александр, Ганнибал, Сципион, Цезарь – все они обладали исключительными умственными способностями. То же справедливо и для великих Конде (Людовик II де Бурбон-Конде, принц де Конде, известный также как Великий Конде (1621–1686), французский полководец и генералиссимус; одержал ряд крупных побед в Тридцатилетней войне, а впоследствии находился на службе у Людовика XIV. – *Пер.*), Евгения, Фридриха и Наполеона. Но все эти знаменитые люди, одаренные выдающимся интеллектом, обладали еще более сильным характером» [288] . К данному перечню я добавил бы Густава Адольфа (шведский король, правивший в 1611–1632 гг.; он заложил основы современного Шведского государства; благодаря его частым военным победам Швеция стала одной из выдающихся мировых держав. – *Пер.*) и Роберта Э. Ли (генерал, участник Гражданской войны в США, командовавший силами Конфедерации (южан); благодаря его мастерству им удалось одержать ряд важных побед. – *Пер.*).

Одним из аспектов полководческого искусства является умение вселить уверенность в сердца солдат, которых невозможно заставить восхищаться кем-либо, если они сами этого не хотят. Поэт Архилох не скрывал своих предпочтений:

*Мне не мил стратег высокий, с гордой поступью стратег,
С дивно-пышными кудрями, с гладко выбритым лицом!
Пусть он будет низок ростом, пусть он будет кривоног,
Лишь бы шел он твердым шагом, лишь бы мощь в душе таил*
[289] .

(*Пер. Г. Церетели*)

Во время войны на Пиренейском полуострове участники Легкой дивизии сказали о Веллингтоне, что одного появления его длинного носа было достаточно для того, чтобы заменить тысячу воинов. Жизнерадостность, *хиларитас* , Цезаря, которую он проявил во время своего Африканского похода, успокаивала его легионеров, ожидавших прибытия столь необходимого им продовольствия [290] . В битве при Бленхейме непоколебимое спокойствие Мальборо (1650–1722 гг., герцог, английский генерал, командовавший британскими и датскими войсками во время Войны за испанское наследство и одержавший ряд значимых побед над французской армией Людовика XIV. – *Пер.*), если верить Аддисону, было способно носиться в вихре и управлять бурей [291] . Однако нас интересует не столько величие людей, сколько военное искусство, составляющей которого оно является.

В предыдущих лекциях я уже говорил о полководческом искусстве Мильтиада, Павсания, Эпаминонда и Филиппа II, а также о стратегии, к которой прибегали Клеомен I, Фемистокл и Кимон, о мастерстве флотоводца Формиона, способах командования пельтастами, примененных Ификратом, и методах руководства конницей, использованных Пелопидом. Афинский военачальник Демосфен во время операций на Пилосе и Сфактерии сумел проявить инициативу и проницательность как в стратегии, так и тактике. Фиванец Пагонд, одержавший в первом десятилетии Пелопоннесской войны победу в одной довольно важной сухопутной битве, сражении при Делии, возможно, не совсем заслужил ту похвалу, которую ему возносили. Не хочу быть несправедливым по отношению к этому человеку, по крайней мере обладавшему сильным желанием сражаться, благодаря которому появилось немало одаренных полководцев. Поэтому я считаю, что должен более подробно остановиться на этом сражении [292] . Значительная часть афинского сухопутного войска возвращалась домой после учреждения опорного пункта в Делии, на приграничной территории, принадлежавшей Беотии. Пагонд в сопровождении более многочисленной беотийской армии мог преградить им путь и настоял на необходимости этого. В основе этого

поступка лежала довольно трезвая стратегия – для беотийцев было важно доказать афинским гоплитам, что они не могут безнаказанно вторгаться на территорию Беотии и покидать ее. Афинский полководец Гиппократ оставил в Делии часть своей немногочисленной конницы. В его распоряжении не было достаточно хорошо обученных легковооруженных воинов, которые могли бы положительно повлиять на исход боя. В распоряжении Пагонда находилась тысяча беотийских всадников, славившихся своим мастерством. Вероятно, он отступал до тех пор, пока не нашел поле боя, на котором его кавалерия могла действовать эффективно. При этом он преградил афинянам путь в том месте, где, построившись обычными для них рядами глубиной по восемь человек, они могли защитить свои фланги, так как с каждой стороны от поля битвы имелись водные объекты. Пагонд атаковал прежде, чем афинский полководец успел пройти вдоль строя и завершить обращение к своим солдатам, выбрав таким образом довольно удачный момент. Афинской гоплитской шеренге нормальной глубины пришлось ответить на этот вызов. При этом глубина правого крыла, где стояли фиванцы, составляла двадцать пять человек. Таким образом, численность оставшейся части беотийской пехоты была меньше количества противостоявших им афинян. В результате фиванцы стали одерживать победу, а беотийцы – терпеть поражение. В связи с этим возник вопрос о том, сумеют ли афиняне, теснящие противника на одной части поля боя, компенсировать неудачу, которую терпели их товарищи на другой. Казалось, в сражении наступило неустойчивое равновесие. Затем Пагонд отправил отряд конницы в обход вокруг холма, рассчитывая на то, что всадники придут на помощь своим собратьям на левом крыле. Это был довольно мудрый ход, и конница смогла бы совершить перелом в битве, если бы сделать это позволила местность. Однако она не была предназначена для кавалерии [293], и вряд ли вступление всадников в бой привело бы к такому результату. Афиняне, сражавшиеся на победоносном правом крыле, увидев вражескую конницу, появившуюся на вершине холма, решили, будто на них наступает еще одно беотийское войско, поддались панике, и битва завершилась. Умные афинские гоплиты, прибавляя два к двум, получили пять. Если бы на их месте были не обладающие излишним воображением беотийцы, которые, возможно, нашли бы правильное решение задачи, получив в итоге четыре (или, что еще более вероятно, три), и продолжили бы сражение, то вполне смогли бы выиграть его. Вряд ли Пагонд надеялся оказать на афинян подобное психологическое давление, и существует вероятность того, что за свое полководческое искусство он был награжден гораздо более щедро, чем того заслуживал. Однако повторю еще раз, что решение о вступлении в бой, если и не именно в этом месте, было правильным, даже если бы не привело к столь явной победе.

Афинский полководец Никий был гораздо более талантливым солдатом, чем может показаться при изучении обстоятельств трагедии, произошедшей во время битвы за Сиракузы. Если бы он пал во время первого сражения за город, его репутация не пострадала бы и к нему продолжали бы относиться с большим уважением. То, каким образом он проводил военные операции с самого начала своей карьеры, свидетельствует о его близком знакомстве с новыми тенденциями, появившимися в военном деле. Осуществляя довольно амбициозную стратегию, умело используя военные машины, понимая, насколько сильно может конница повлиять на исход боя и применяя оборонительный резерв, военачальник обогнал свое время [294]. Те, кто утверждает, что он быстро действовал, но медленно принимал решения, совершенно правы. По крайней мере, зная, что нужно делать, Никий быстро решал, каким образом следует поступить. Однако, когда приблизился его печальный конец, охваченный тщетными надеждами и ложными страхами, он был подобен Помпею при Фарсале, которого Цезарь охарактеризовал следующим образом: «*Summae rei diffidens et tamen eventum exspectans*» («У него не было больше никаких надежд на успех своего дела, и он только выжидал исхода сражения» (пер. М.М. Покровского. – *Пер.*) [295]). Карьера спартамца Брасида представляет собой непрерывный ряд решительных, порой безрассудных подвигов, сочетавшихся с искусным командованием людьми и управлением событиями. Казалось, он может достичь большего с помощью небольшого отряда, чем любой другой

древнегреческий военачальник. Его последнее деяние, победа над армией Клеона при Амфиполе, увенчалось успехом благодаря сочетанию внезапности, своевременному пониманию того, что афиняне пали духом, и умению вдохновить собственных воинов, после чего те с готовностью атаковали превосходящее войско противника [296]. Однако вклад, который он внес в развитие военного искусства, ограничивался его возможностями, вследствие чего он не создал значительных тактических нововведений, придерживаясь традиционно использовавшихся в то время приемов. К числу других спартанских полководцев, живших в V веке до н. э., относились Гилипп, участвовавший в сражении при Сиракузах, который был весьма решительным мужем и обладал несвойственным лакедемонянам качеством – умением приспосабливаться к поставленной перед ним задаче; и Лисандр, командовавший в Ионийской войне и являвшийся не менее смелым человеком, способным понять намерения персидского царевича и воспользоваться представившейся его флоту возможностью. Сиракузский тиран Дионисий I изучал возможности использования в сражениях различных видов войск, его достоинствами были не победы, одержанные в битвах, а организационные способности, умение возводить укрепления и осуществлять осады. Впоследствии жители Сицилии не сумели внести вклад в развитие военного искусства, даже несмотря на смелую стратегию Агафокла из Сиракуз [297] и одержанную Тимолеоном благодаря счастливому стечению обстоятельств победу у реки Кримис.

Победа, одержанная Тимолеоном благодаря счастливому стечению обстоятельств... О ней следует рассказать более подробно. Я уже говорил о том, каким образом характер влияет на полководческое искусство, и о том, что он может оказаться более важным, чем талант и технические приемы. Сделать карьеру Тимолеону помог именно его характер, возможно самый крепкий из всех, которыми обладали жители древнегреческих городов-государств. В нашем распоряжении нет сведений, благодаря которым мы могли бы прийти к выводам о том, что ему было присуще выдающееся военное мастерство. Но Тимолеон был решительным человеком, способным воодушевить своих солдат и хорошо себя проявить, несмотря на плохие предзнаменования. Когда карфагеняне вторглись на Сицилию, отправив туда свою сокрушительную армию, включая тяжеловооруженные элитные подразделения, священный отряд граждан, он проявил отвагу и вступил с ними в схватку у реки Кримис. Не было лучшего места для сражения, но при этом у военачальника не было ни малейшего шанса на победу. Тем не менее он сумел одержать ее, блестящую и решительную, сохранив таким образом благое дело эллинизма на Сицилии. Однако как это ему удалось? Фортуна, как известно, любит смелых и открывает им врата рая. Кримис, подобно «реке Кишон, древнему потоку», описанной в Священном Писании, стал разливаться, когда его успела пересечь только часть карфагенского войска. Воины, входившие в священный отряд, в своих тяжелых доспехах застряли в грязи и, беспомощные, были перебиты греческими легковооруженными солдатами, которые не сумели бы противостоять им на поле боя. В итоге карфагеняне пришли в замешательство и бежали [298]. Таким образом, победа была одержана благодаря счастливому стечению обстоятельств. Дождь не идет по приказу даже наиболее выдающихся военачальников, и ни один самый мудрый предсказатель погоды не сумел бы предвидеть, что совпадут два события: сильный ливень и переход войска через Кримис. Это было своего рода вознаграждение за смелость. В конце концов, как сказал Наполеон: «*Qui ne risque rien, n'attrappe rien*» («Кто не рискует, тот ничего не добивается». – *Пер.*), а здесь на кону было все или ничего.

Теперь следует вернуться к рассказу о спартанском царе Агисе, в 418 году до н. э. одержавшем победу в первой битве при Мантинее. Именно в этом сражении стало понятно, что в военном отношении спартанцы превосходят всех остальных греков. В ходе предыдущей кампании Агис уже доказал, что он деятельный стратег, но тогда он, возможно, слишком многого ожидал от плана, выполнение которого зависело от точной координации действий трех отрядов, передвигавшихся ночью [299]. Во время этого сражения, в 11 часов, полководец приказал своей шеренге перестроиться, что могло бы иметь положительные последствия, но только в том случае, если его приказы будут выполняться незамедлительно.

Однако этого не произошло, а победить ему удалось, вероятно, благодаря мощи своих войск [300]. Можно предположить, что его интеллект значительно превосходил хватку, а сам он был одним из тех полководцев, которые, как сказал Наполеон, «видели слишком многое одновременно». Но его действия в битве при Мантинее примечательны потому, что, осуществляя их, он внес изменения в традиционный и, казалось бы, непреложный принцип функционирования фаланги гоплитов. Один из его преемников, Агесилай, пошел дальше: в 394 году до н. э. в сражении при Херонее он трансформировал саму структуру битвы, даже несмотря на то что ему не удалось сдержать атаку глубокой колонны фиванцев и таким образом окончательно одержать победу [301].

С другой стороны, сражение при Коринфе, предшествовавшее битве при Херонее, было охарактеризовано как «столкновение, типичное для времени существования древнегреческого военного дела, когда еще не была разработана современная наука» [302]. Этот бой является классическим случаем применения традиционной спартанской тактики, о которой говорилось в первой лекции. Однако искусство ведения боевых действий в те времена уже изучалось и применялось. На него обращали внимание не только софисты, требовавшие, чтобы полководец проходил специализированное обучение, а также Сократ и Платон, изображавшие с точки зрения философии человека, хорошо умеющего сражаться, но и менее выдающиеся люди, назначенные «экспертами» по использованию оружия и практике командования войсками. В своем «Анабасисе» [303] Ксенофонт с некоторой злобой описывает некоего Койратида из Фив, ездившего по греческим государствам и предлагавшего всем желающим нанять его в качестве военачальника. Сам автор этого сочинения, будучи хорошим солдатом, изучал военное искусство, посвящал ему свои трактаты, небольшие руководства, в которых немало здравого смысла, и проявил некоторую фантазию во время написания «Киропедии».

О развитии полководческого искусства в первую очередь свидетельствует то, какое место военачальник стал занимать во время битвы. Он перестал возглавлять первые ряды гоплитской фаланги. Во время сражения при Херонее Филипп, вероятно, руководил действиями своих солдат, находясь вне их строя, хотя также возможно, что он выступил с ними, когда они приготoвились к атаке [304]. О том, какое место занимал Александр, командуя своими товарищами, я скажу ниже, а в период эллинизма полководцам полагалось быть в районе крыльев своих армий или даже, возможно, позади них, чтобы в случае необходимости они могли свободно передвигаться по полю боя [305].

Полномасштабный активный резерв, в отличие от стремления не допустить эффекта реверса, почти нехарактерен для греческой и македонской практики ведения боевых действий [306], но систематически мысливший военачальник теперь мог позволить себе использование во время сражения новых диспозиций, если оно требовалось.

Однако нам следует вернуться к основной теме. Водоразделом между старой и новой тактикой ведения боя стали методы, применявшиеся Эпаминондом. Благодаря введенным им новшествам этот полководец сумел одержать победу в своем первом сражении – битве при Левктрах – еще до того, как оно началось. Во время боя при Мантинее, второго и последнего столкновения, в котором он принимал участие, он продемонстрировал полководческое искусство еще более высокого класса. Перед тем как нанести сокрушительный удар, Эпаминонд предотвратил весьма ловкие попытки заранее помешать ему [307]. Как уже было сказано выше, будучи весьма умелым военачальником, Филипп сумел получить тактическое преимущество, благодаря которому он одержал уверенную победу в сражении при Херонее. Однако между битвами, в которых командовал он, и теми, где руководил его более великий сын, имеются отличия, подобные существующим между шашками и шахматами. Вряд ли неоправданным является сравнение атак конницы, решавших исход сражений, в которых участвовало войско Александра, с мастерским ходом конем.

Тому, что Александр одержал свою первую победу – в битве при Гранике, способствовала неправильная дислокация персидских войск, однако это сражение стало ярким свидетельством того, насколько мастерски ему удавалось приводить свои войска в

действие [308] . Последняя победа, одержанная великим македонским полководцем, – в битве при Гидаспе – стала следствием не менее блестящего решения проблемы, связанной с пересечением широкой реки, нарушением стратегии, выработанной его достаточно искусным противником, и созданием помех его слонам [309] . Однако наиболее ярко мастерство и хитрость Александра проявились во время сражений при Иссе и Гавгамелах. Например, перед битвой при Гавгамелах, вероятно, был разработан всеобъемлющий план, предусматривающий осуществление оборонительных действий именно там и тогда, когда они были необходимы, и нанесение решающего удара, там и тогда, когда он мог быть наиболее результативен, вследствие чего противостоявший македонскому полководцу царь потерпел сокрушительное поражение. Во время этого сражения Александр действительно бросился в атаку во главе конницы, состоявшей из его приближенных, и белые перья, украшавшие его шлем, подобно султану того же цвета, принадлежавшему герцогу Наваррскому и развевавшемуся в ходе битвы при Иври (сражение, состоявшееся в 1590 г. во время французских Религиозных войн; сокрушительную победу в нем одержал Генрих Наваррский, возглавлявший силы гугенотов в борьбе против Католической лиги под предводительством герцога Майеннского. – *Пер.*), привели их к победе. Только таким образом врагу можно было нанести смертельный удар, причем, как показал ход боя [310] , полководцу удалось сохранить контроль над своими товарищами и в то же время не отклониться от тех точных расчетов, благодаря которым воинам, входившим в состав фаланги, и гипаспистам удалось зажать врага в клещи, в результате чего стало возможным проведение полномасштабной атаки. Кроме того, он постоянно был готов в случае необходимости прийти на помощь оборонительному крылу, сражавшемуся слева от него и с трудом сдерживавшему сильнейший натиск неприятеля. В ходе битвы также стало заметно наличие между войсками Александра, выполнявшими функции прикрытия, тщательно налаженного взаимодействия, в результате чего противнику, применявшему форсированную тактику, не удалось помешать реализации его ключевых целей.

Завоевания Александра стали возможны также благодаря разнообразным способностям его военачальников и их умению быстро и четко реагировать на непредвиденные обстоятельства, проявленному во время его многочисленных военных операций, а также крупномасштабных сражений. Они не походили на людей, которыми можно с легкостью управлять; не напоминали они и нагретый металл, залитый в литейную форму. Они должны были понимать, что делают, и импровизировать, не дожидаясь приказов: у них были свои головы на плечах, которые им не хотелось потерять. И несмотря на все их амбиции и жесткость преследуемых ими целей, эти люди должны были стать тем, чем, как считалось, являлись капитаны Нельсона, – братьями. Произнеся эту фразу, я должен привести довольно важную параллель, на которую обратил мое внимание мой друг [311] . Во времена, когда действовал флот Нельсона, корабли могли давать друг другу только самые общие сигналы, но в ходе постоянных встреч, которые адмирал проводил со своими капитанами, они на инстинктивном уровне стали понимать, какая тактика соответствует его стремлениям. Следовательно, их объединяло утешительное ощущение того, что ни один капитан, приблизившийся к вражескому кораблю, не совершит ошибку. Так как флагманский корабль Нельсона был своего рода школой ведения боевых действий, мы можем предположить, что во время походов Александра эти функции выполняла его палатка.

Теперь следует перейти к рассказу о ситуации, сложившейся в период эллинизма. Во время первой лекции я привел слова Мардония о том, что эллины выбирают наилучшее место для проведения сражений. В целом этот тезис действительно справедлив, если речь идет о решающих столкновениях, происходивших между войсками, состоявшими из гоплитов, нуждавшихся в подобном поле битвы для того, чтобы воевать так, как их учили. Данного правила воины придерживались и перед большинством решающих битв эллинистического периода, но поступали таким образом они потому, что применяли сложную, а не простую тактику. Координация действий различных видов войск: тяжеловооруженной и легковооруженной конницы, фаланги или родственных ей пехотных

подразделений, пельтастов, отрядов легковооруженных солдат того или иного типа, а нередко еще и слонов – вряд ли была бы возможна на поле битвы, где нет достаточного пространства. Армии стали более многочисленными, часто они во много раз превосходили по количеству входивших в их состав людей гоэлитские войска [312]. Два столь крупных и пестрых по составу скопления людей следовало размещать на большом расстоянии от места конфликта. Так, перед битвой при Газе Птолемей и Селевк успели изменить диспозицию своих сил перед тем, как выяснилось, что Деметрий сосредоточил ударную силу слева, а не справа, как обычно поступали полководцы со времен Александра, который в ходе сражений при Иссе и Гавгамелах выстроил свою армию в боевом порядке, впоследствии ставшем привычным. Военачальники получили возможность планировать ход битвы, давать подчинявшимся им командирам инструкции о том, каким образом им следует действовать в соответствии с планом, и, возможно, о том, как надлежит устранять ожидаемые помехи для его выполнения.

Почти все приемы, применявшиеся военачальниками эллинистического времени, и ответы на них были использованы в трех сражениях: при Парайтакене, при Габиене и при Газе [313], в которых принимали участие войска полководцев, прошедших школу Александра (а также юный Деметрий, с детства прекрасно разбиравшийся в характерных для нее методах). Все три битвы состоялись на равнинах, являвшихся, по сути, шахматными досками, где, нападая и защищаясь, двигались разнообразные фигуры. Прекрасно обученными солдатами командовали великолепно подготовленные военачальники. Те из них, кто руководил целой армией или значительной ее частью, вполне могли участвовать в крайне сложных соревнованиях на силу ума и воли. Однако нельзя было исключать и влияние, оказываемое различными случайностями. В ходе сражения при Габиене действия конницы привели к тому, что поднялась пыль, создав пелену, в которой Антигон не мог двигаться к своей цели. Хороший полководец должен был использовать любой шанс и небольшой успех и таким образом по мере возможности не допустить, чтобы этим воспользовался его противник. Во время битвы при Парайтакене, увидев, как неотвратимо приближаются знаменитые Серебряные щиты Евмена, Антигон нанес им встречный удар по флангу, из-за чего они вынуждены были остановиться. В качестве примера можно привести еще одно, более позднее сражение. В битве при Ипсе конница Деметрия добилась значительного успеха справа, и он исчез в поднимающейся тучи пыли, пропав таким образом с игровой доски, а Селевк передвинул своих слонов, чтобы помешать ему вернуться. В итоге пехота Деметрия оказалась в крайне тяжелом положении и дезертировала либо потерпела поражение. Полководцы, участвовавшие во всех этих столкновениях, проявили себя как прекрасные знатоки македонского военного искусства. Случалось, что победоносные войска, напавшие на вражеский лагерь, терпели поражение, но Антигон, воспользовавшись во время битвы при Габиене предоставленным ему шансом и завладев серебряными щитами, которые носившие их воины сумели выкупить, лишь выдав Евмена, своего полководца, и перейдя на сторону его врага. Антигон принял такую победу, но позаботился о том, чтобы Серебряные щиты больше никогда не принимали участия в крупных сражениях. Дать оценку выдающимся полководческим качествам диадохов нелегко. Они были очень ярко выраженными, но при этом немногочисленными. Антигон, очевидно, был деятельным военачальником, превратившим свою решимость в упрямство, из-за чего нередко доводил своих солдат до переутомления. Евмен из Кардии являлся прекрасным предводителем, быстро принимал решения, и ему была свойственна почти безграничная находчивость. Единственный его недостаток, который невозможно было исправить, заключался в том, что он не был македонянином, а значит, не всегда имел возможность настаивать на своем. Птолемей I, вероятно, мог предвидеть опасности и справляться с ними. Селевк I, возможно, был самым дальновидным стратегом из всех них, по крайней мере судя по кампании 302 года до н. э., предшествовавшей битве при Ипсе, которая произошла в следующем году [314]. Лисимах был мастером обороны, и ему изредка удавалось выиграть время за счет пространства. Если слова Веллингтона справедливы и хороший военачальник должен знать,

когда нужно отступить и как сделать это, то Лисимаха можно считать одним из лучших полководцев.

Наиболее примечательным представителем следующего поколения являлся Пирр, хотя он, как правило, одерживал победы не столько в кампаниях, сколько в отдельных сражениях. Он писал трактаты, посвященные военному делу, и внес значительный вклад в его изучение. К примеру, он, вероятно, осознавал, насколько несовершенна характерная для его времени фаланга, которая уже успела потерять гибкость. Во время походов в Италию он пытался придать своей фаланге это качество [315]. Кроме того, Пирр стал защищать ее уязвимые фланги, размещая там конницу и слонов. Однако в те времена к македонским традициям стали относиться излишне серьезно, и полководец проиграл сражение при Беневенте, вероятно именно из-за того, что слишком увлекся осуществлением маневров в холмистой местности и в ночное время. Ведению боевых действий в таких регионах больше соответствовали римская тактика и значительная гибкость легионов, на которую в следующем столетии обратил внимание Полибий. В частности, несмотря на то что Филипп V был прекрасным стратегом и умело использовал скорость и фактор неожиданности, нанося «тщательно подготовленный быстрый и острый укол там и тогда, когда этого меньше всего ожидали» [316], он потерпел поражение во встречном бою при Киноскефалах, а его сын Персей – в бою при Пидне. Однако во второй половине III века до н. э. в Македонии и Греции появились талантливые воины, представление о личных качествах которых можно составить, проанализировав ход одного-единственного сражения.

Битва при Селласии состоялась в 20-х годах III века до н. э. [317]. Антигон, прозванный Досоном, возглавлял армию, состоявшую из опытных солдат, относившихся к различным видам войск, и сражался против Клеомена III из Спарты, обладавшего более слабыми силами, но занимавшего выгодную оборонительную позицию. Наиболее важным местом в обороне спартанцев являлся холм Эва, располагавшийся слева от них. Он был хорошо укреплен, а его склоны оказались слишком крутыми для того, чтобы войска могли штурмовать его, преодолевая ожесточенное сопротивление. Удержав возвышенность, Клеомен мог развернуться на ней и в случае необходимости отступить. Справа располагалось плато, где он мог развернуть свою фалангу, а посередине – довольно узкая равнина, по которой протекала река. Антигон Досон на протяжении нескольких дней изучал свое не самое удачное положение, а затем решил штурмовать холм с помощью легковооруженных воинов, которых он собирался бросить в решительную атаку. Защитники позволили нападающим зайти слишком далеко и лишь после этого ответили на удар, вследствие чего возвышенность была захвачена Антигоном. Однако, нанеся этот удар, Досон не одержал победу в сражении, но дал понять: если он сделает это, победа станет решающей. Проигравшее войско вынуждено было отступить, и македонская фаланга выдвинулась на плато, готовясь к решающему столкновению. Такова роль, которую сыграл в битве Антигон Досон.

В это время себя проявил другой солдат. В долине, расположенной в центре, вместе с союзниками Досона находился молодой греческий командующий Филопомен. В разгар сражения на холме войска Клеомена, стоявшие в долине, стали обходить его с фланга. Нападение могло сорваться, если, конечно, оно, по крайней мере частично, не было уловкой. Однако, так как оно таковой не являлось, необходимо было что-то предпринять. В итоге, не получив приказа или послушавшись его, Филопомен предпринял атаку, оказавшуюся полностью успешной. Когда Досону пожаловались на самовольство молодого солдата, он, улыбнувшись, сказал: «Юноша повел себя как великий полководец».

Клеомен, несмотря на то что в связи с захватом холма его положение значительно ухудшилось, не стал отводить войска. Вместо этого он приказал своей фаланге перейти в наступление. Завязался ожесточенный бой, но атака захлебнулась из-за значительного преимущества и огромного опыта воинов, входивших в состав македонской фаланги. Это была катастрофа, и Клеомен, первый спартанский царь, переживший поражение, бежал к

кораблю, ожидавшему его в гавани Гифиона. Вопрос состоит в том, правильное ли решение принял полководец, приказав начать эту атаку, и не была ли она ошибкой. Очевидно, ответ на него заключается в следующем: потеряв контроль над холмом Эва, Клеомен лишился хорошего пути к отступлению, и, лишь одержав в тот день победу, он мог спасти Спарту, так как солдаты, которым удалось выжить, не сумели бы оказать серьезного сопротивления в случае начала маневренной войны, а сама Спарта не выдержала бы осаду. У воинов, ринувшихся в атаку, почти не было шансов на победу, но даже небольшая вероятность удачного исхода была лучше, чем ее отсутствие. Иногда во время войны худшее становится лучшим, и хороший военачальник должен бросать вызов судьбе, а не сдаваться ей. Руководя в этой битве, Антигон Досон доказал, что является проницательным полководцем, прекрасно умеющим выбирать подходящий момент; поступок Филопомена стал залогом блестящей карьеры, позволившим ему стать одним из лучших военачальников, родившихся в древнегреческих полисах после Эпаминонда [318] ; а предприняв наступление, Клеомен вошел в число полководцев, репутация которых заслуживает того, чтобы пережить поражение.

К тому времени стала заметна военная мощь Рима, и через несколько лет началась борьба между Ганнибалом и республикой. Времена выдающихся эллинистических полководцев закончились, и Филипп V уже был не в силах противопоставить что-либо натиску римских легионов. Римским властям действительно очень повезло – им не пришлось приказывать своим военачальникам вступить в схватку с Александром или диадохами. К тому же не стоит забывать о том, что во время боевых действий с Македонией и державой Селевкидов римлянам помогали эллинские войска, возглавляемые полководцами греческого происхождения. Одна из первых побед, одержанных ими на Востоке, была в то же время последней, достигнутой благодаря применению методов, разработанных Александром Македонским. В ходе битвы при Магнезии царь Антиох с помощью конницы предпринял характерную для конфликтов эллинистического периода обходную атаку и обогнул римскую армию слева, в то время как правитель Пергама Евмен, сражавшийся на стороне его противников, приказал начать конную атаку, благодаря чему левое крыло войска Антиоха потерпело поражение, а затем нацелился на его фалангу, которая оказалась зажатой в тиски из-за того, что в центре против нее выступили легионы [319] . В этом бою Евмен доказал, что является достойным преемником Александра, и, следовательно, может претендовать на далеко не самое последнее место в длинном перечне эллинистических командиров конницы.

В своих лекциях я попытался рассказать о том многостороннем вкладе, который эллины и македоняне внесли в развитие военного искусства. Разнообразными были не только применявшиеся ими методы, но и степень успеха. Из-за того, что в итоге, когда время расцвета их государств прошло, этим людям пришлось подчиниться превосходящей силе Рима, покорившись сенату, проводившему искусную политику сраживания греков и македонян, и его легионам, где царили непоколебимость и железная дисциплина, мы не должны приуменьшать масштабы их достижений. Впоследствии эволюция боевых действий и военного искусства происходила под влиянием римских, а не эллинских или македонских традиций. Однако последние внесли в происходившее на протяжении многих столетий развитие военного искусства заметный и весьма ценный вклад, который, помимо всего прочего, свидетельствует об уме греков и воле македонян.

Письменные источники

Сведения о состоянии древнегреческого военного искусства на первых стадиях его развития, во времена господства городов-государств, получены благодаря аргументированным выводам, сделанным на основании изучения эллинского оружия, государственных и общественных институтов, местности и т. д. Древнейшие войны, разгоравшиеся в Греции в исторический период, не описывал никто из античных авторов. Рассказывая о событиях V века до н. э., мы можем обратиться к труду Геродота, вероятно

общавшегося с ветеранами Персидских войн, описанных в его сочинении, и, возможно, драматическим произведениям Эсхила, чьи «Персы» созданы под влиянием ярких воспоминаний о битвах, в которых он участвовал. Однако, несмотря на все заслуги Геродота, он, в отличие от Цезаря, назвавшего себя так, не являлся «человеком военным». Несмотря на то что «отец истории» придает военным действиям, о которых пишет, поистине эпический размах, подчеркивая величие и трогательность освещаемых им событий, его труд почти бесполезен для получения нами знаний о военном искусстве. Во второй половине V века до н. э. жил первоклассный историк, прекрасно разбиравшийся в войне и описывавший происходившие в его время события. Рассказывая о военных действиях, Фукидид прекрасно понимал, что привело к победе, а из-за чего тот или иной полководец потерпел поражение. Перикл у него рационализирует войну, отдавая при этом себе отчет в том, что в ней присутствует иррациональный элемент – непредвиденные обстоятельства. Историк считал: для участия в боевых действиях требуются храбрость и находчивость, гибкость ума и ясность мыслей, позволяющие потягаться с фактором случайности. Описывая военные операции, он старался непредвзято оценивать все обстоятельства, поскольку они были знакомы ему.

Составляя речи, произносимые полководцами перед сражениями, Фукидид обращал основное внимание не на эмоциональность их слов, а на факторы, оказывающие воздействие не только на саму битву, но и на сущность войны как таковой [320], а иногда он напрямую указывает на полководческие качества военачальников. Историк не склонен восхвалять или обвинять, он не оправдывает никого, даже самого себя, и не судит на основании одних лишь успехов. Говоря об афинском воине Клеоне, обещавшем покорить спартанцев на Сфрактерии за двадцать дней, Фукидид называет его слова сумасбродными [321], даже несмотря на то что благодаря руководству Демосфена оно было выполнено. Клеону удалось сделать это, хотя, как показали последующие события, он был далеко не лучшим военачальником. Фукидид хорошо разбирался в военной тематике, частично благодаря тому, что обладал соответствующим опытом, отчасти из-за того, что должен был понимать, о чем он пишет, чтобы его сочинение в будущем могло быть полезно полководцам и государственным деятелям. Однако, освещая события Пелопоннесской войны, какими он видел их, из-за структуры своей работы и используемых источников историк опускает множество подробностей, касающихся, в частности, местности, где происходили военные действия, в связи с чем мы не можем даже попытаться восстановить объективный ход войны самостоятельно. Профессор Гомме [322] доказал, что Фукидид многое считал само собой разумеющимся, вследствие чего о том, как он и другие военачальники, жившие в его время, участвовали в войнах, мы знаем гораздо меньше, чем могли бы. При этом о боевых действиях, которые велись в Греции во второй половине V века до н. э., нам известно гораздо больше, чем о каких-либо других войнах, имевших место до кампаний Цезаря.

Когда период, описанный в произведении Фукидида, закончился, эстафету принял Ксенофонт, составивший для этого «Греческую историю», интеллектуальный уровень которого все же оказался несколько ниже, чем у его предшественника. «Анабасис» Ксенофонта в определенном смысле является крайне важным источником по истории военного дела. Этот трактат написан на основании сведений, полученных из первоисточников, данных о событиях, в которых главную роль играл сам его автор. Ксенофонт был превосходным воином, и другие свои сочинения он посвятил размышлениям о различных аспектах войны. Однако в «Греческой истории» отсутствуют проницательность и беспристрастность, характерные для сочинения Фукидида. Эфора, жившего еще позднее, сложно назвать хорошим военным историком, по крайней мере судя по фрагментам его произведений, сохранившимся в сочинении Диодора, и критике, которой его труды подверг Полибий [323], правда признававший, что его предшественник более или менее разбирался в ведении боевых действий на море.

Многое мы также можем узнать, ознакомившись с сохранившимися фрагментами сочинения Полибия и отрывками, содержащимися в произведении Гита Ливия. Полибий

также обладал опытом участия в военных действиях, имел доступ к первоклассному материалу; его исследование военного искусства получилось довольно точным, хотя в нем отразилось некоторое самодовольство автора. Наконец, наши знания о походах Александра Македонского основываются на трудах, написанных представителями поколений, живших после его смерти. В первую очередь к их числу следует отнести сочинение Арриана, рассказывавшего о военном искусстве через четыреста лет после описываемых им событий. Понять, что он имел в виду, далеко не всегда просто, но о том, насколько выдающимися были достижения Александра, мы знаем именно благодаря тому, что произведение этого автора, посвященное величайшему македонскому полководцу, сохранилось до наших дней.

Сведения о последних этапах развития греческого и македонского военного искусства (в частности, о действиях самого Александра), имеющиеся в нашем распоряжении и содержащиеся в тех фрагментах «Истории» Диодора, которые основаны на источниках, написанных в ту же эпоху, довольно точны. То же относится к данным, приведенным Плутархом в его «Сравнительных жизнеописаниях», героями которых, в частности, являются Евмен из Кардии, Деметрий, Пирр, Филопомен, а также римские военачальники республиканского периода, сталкивавшиеся на поле боя с эллинистическими полководцами.

Сведения об обороне городов мы можем почерпнуть из сохранившегося труда Энея Тактика, написанного около 357 года до н. э. Однако он не столько писал о нововведениях, характерных для военного искусства его времени, сколько обращался к событиям недавней истории. Некоторые более поздние авторы посвящали свои сочинения техническим приспособлениям, таким как баллисты и укрепления, но в их трудах описывается в основном изготовление боевых механизмов и строительство таких стен, которые соответствовали бы целям их возведения. Люди, сочинявшие в более позднее время трактаты, посвященные тактике, в частности Элиан, Арриан и Асклепидот, заимствовали сведения друг у друга, рассказывали о прошлом и говорили о тактических передвижениях в вакууме, а не в условиях реальных военных действий. Наконец, следует сказать о Полиэне, поспешно составившем подборку рассказов о военных хитростях, чтобы просветить недалекого Луция Вера во время его Парфянского похода. В сочинении Фронтинуса, как и в его римской копии, отсутствует критичность, но, что еще хуже, в нем сохранился осадок, оставленный войной. В любом случае, изучив эти исторические источники, проанализировав данные археологии и побывав на местах сражений, мы вполне можем реконструировать общий ход развития греческого и македонского военного дела, по крайней мере до тех пор, пока оно не превратилось в нечто формальное и лишенное гибкости.

Примечания

1

Meyer E. Kleine Schriften. II. P. 231–232.

2

Полемика, связанная с этим вопросом, освещается в *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst. I. P. 349, 443, 436, 457; *Meyer E.* Op. cit. P. 198 ff.

3

Livy. VIII. 8.

4

Schulten A. / The Cambridge Ancient History. VIII. P. 318.

5

Altham E. The Principles of War. P. 410–411.

6

Polybius. VI. 31, 14.

7

Fischer W. Das römische Lager. P. 134 ff.

8

Aeschylus. Agamemnon. 1236.

9

Polybius. VI. 21, 4–5.

10

Ibid. XVIII. 28, 10.

11

Livy . XLII. 34.

12

Delbrück H. Op. cit. I. P. 464.

13

Tacitus. *Annals*. I. 23, 4.

14

Polybius. VI. 24, 9.

15

Last H. / C.A.H. IX. P. 136; *Parker H.M.D.* The Roman Legions. P. 26.

16

Last H. *Ibid.* P. 146–147.

17

Last H. / C.A.H. VII. P. 342.

18

C.A.H. VII. P. 589.

19

Thucydides. IV. 11, 4.

20

Plutarch. *Antonius*. 64, 3.

21

Tacitus. *Historiae*. I. 31; *Bellum Africum*. 34, 6.

22

Cassius Dio . XI. 43, 9; *Diodorus*. XXIII. 2.

23

Plutarch . *Pompeius*. 50.

24

Bellum Alexandrinum. 44–47.

25

Livy. VIII. 14, 12.

26

Ibid. 14, 8.

27

Mommsen . *Staatsrecht*. II. P. 580.

28

Polybius . I. 20.

29

Rodgers W.L. Greek and Roman Naval Warfare. P. 319 ff.

30

Benecke P.V.M. / C.A.H. VIII. P. 263.

31

Livy. XL. 18, 7. 26, 8. 28, 7, 42, 8; XLI. 1, 2 ff.

32

Ormerod H.A. Piracy in the Ancient World. P. 187.

33

Livy. XL. 28, 7.

34

Ibid. XLV. 43, 10.

35

C.A.H. V. P. 195.

36

Rodgers W.L. Op. cit. P. 348.

37

Diodorus. XX. 112.

38

Mahan A.T. Influence of sea power upon history. 1660–1783. P. 22.

C.A.H. VII. P. 595–596.

40

Ibid. P. 611 ff.

41

Frank T. / C.A.H. VII. P. 688.

42

Вообще, в римской истории мало примеров распространявшихся в армии эпидемий, что свидетельствует о внимательном отношении римлян к этому вопросу. С другой стороны, в римской армии не существовало никакой специальной медицинской службы и лишь некоторых офицеров сопровождали в походах их личные врачи (*Suetonius. Div. Augustus II*).

43

Schulten A. / C.A.H. VIII. P. 313, 317.

44

Schulten A. Sertorius. P. 107, 118 ff.

45

Syme R. / C.A.H. X. P. 355.

46

Last H. / C.A.H. IX. P. 148 ff.

47

Gardner R. Ibid. P. 197.

48

Ormerod H.A. / Piracy in the Ancient World. P. III.

49

Cicero. / Pison. 16, 38.

50

Delbrück H. Op. cit. P. 548 ff.

51

Caesar. Bellum Gallic. I. 2.

52

Syme R. / C.A.H. X. P. 352.

53

Charlesworth M.P. / Ibid. P. 84 ff.

54

Caesar. Bellum Civilization. III. 58, 1.

55

Caesar's Art of War and of Writing / The Atlantic Monthly. XLIV. 1879. P. 282.

56

C.A.H. VII. P. 585–586.

57

Delbrück H. Op. cit. В разных местах.

58

Frank T. / C.A.H. VII. P. 683.

59

Hallward B.L. / C.A.H. VIII. P. 31.

60
Ibid. P. 33.
61
Ibid. P. 60 ff.
62
Hallward B.L. / C.A.H. VIII. P. 96.
63
Polybius. XXXVIII. 22; 2.
64
Jomini. Précis de l'art de la guerre. P. 144.
65
Rostovzeff M. / C.A.H. VIII. P. 644.
66
Schulten A. Ibid. P. 314.
67
Benecke P.V.M. Ibid. P. 303.
68
Sallust. Histories. IV.
69
Polybius. XXIX. P. 1; Livy. XLIV. 22, 8.
70
Cicero. Ad Family. XV. 1, 2.
71
C.A.H. X. P. 598–599.
72
Jomini. Op. cit. P. 90.
73
Polybius. XI. 8, 1–3.
74
Sallust. Jugurtha. 85, 12.
75
C.A.H. VII. P. 605.
76
Ibid. P. 611–612.
77
Liddell Hart B.H. A Greater than Napoleon; Scipio Africanus.
78
Scullard H.H. Scipio Africanus in the Second Punic War. P. 138.
79
Benecke P.V.M. / C.A.H. VIII. P. 270.
80
Plutarch. Marius. 33, 4.
81
Schulten A. Sertorius.
82
Cicero. Letters to Atticus. IX. 10, 2.
83
Cassius Dio. XXXVI. 16, 3.
84
C.A.H. IX. P. 647, 899.
85
Caesar. Bellum Civilization. I. 64, 3.

86

Ibid. III. 93, 1.

87

Bellum Africum, 10, 2–4.

88

Delbrück H. Op. cit. P. 548 ff.

89

C.A.H. IX. P. 644 ff.

90

Ibid. P. 664–665.

91

Bellum Africum. P. 73.

92

The Atlantic Monthly. XLIV. 1879. P. 278.

93

Jomini. Résumé stratégique. P. 30.

94

Thucydides. . 111, 82, 2.

95

Politics. I. 9, 1253a.

96

Odyssey. VIII. 73.

97

Впервые это слово было применено к знаменитой македонской фаланге, представлявшей собой разновидность строя гоплитов, обладающую рядом особенностей. Более подробно далее.

98

Lorimer H.L. The Hoplite Phalanx / British School at Athens. XLII. 1947. P. 76 ff.

99

Некоторые города-государства содержали сравнительно небольшие отряды отборных войск, непрерывно тренировавшихся и постоянно находившихся в состоянии боевой готовности. Более подробно см.: *Pauly-Wissowa.* Realenc. S. v. Kriegskunst. Col. 1831; а также (на примере Аргоса): C.A.H. V. P. 258. Возможные способы использования этих войск в мирное время см. в: *Aeneas Tacticus.* XVI. 7. Комментар. Хантера (Hunter).

100

Гоплиты, входившие в фалангу в ранний период, не полагались на моральную и материальную поддержку со стороны укрепленного лагеря, столь характерную для римского метода ведения войны. Мы не очень хорошо знаем о том, что происходило в IV веке до н. э., – сочинение Энея Тактика, посвященное данной теме, не сохранилось.

101

Cichorius C. Zu den Namen der attischen Steuerklassen / Griechische Studien H. Lipsius dargebracht. P. 135 ff.

102

Liddell Hart B.H. Elements of War. P. 131.

103

Herodotos. VII. 9.

104

См.: *Grundy G.B.* Thucydides and the History of His Age. I. P. 246 ff.

105

См.: *Luschnat O.* Die Feldherrnreden im Geschichtswerk des Thukydidés / Philologus. Suppl. XXXIV. 2. 1942. Одно из утерянных в настоящее время сочинений Энея Тактика было посвящено произнесению полководцами речей.

- 106
Grundy G.B. Op. cit. P. 249, 257.
- 107
Rüstow W., Köchly H. Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhos. P. 145; C.A.H. IV. P. 166.
- 108
Thucydides. V. 68, 3.
- 109
Gomme A. W. Historical Commentary on Thucydides. B. I. P. 14, 22.
- 110
Thucydides. V. 71, 1.
- 111
Lysias. XVI. 17.
- 112
Aristophanes. Acharns. 279.
- 113
Caldwell W.E. Hellenic Conceptions of Peace; *Gomme A. W.* Essays in Greek History and Literature. P. 122 ff; *Nestle W.* Der Friedensgedanke in der antiken Welt / Philologus. Suppl. XXXI. 1. 1938.
- 114
Turyn. Frag. 120. Vv. 5–6.
- 115
Ibid. Vv. 445–462.
- 116
Цит. по: *Jomini .* Précis de l'art la guerre. P. 617.
- 117
Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. P. 1–2. Здесь авторы цитируют работу Дельбрюка (Delbrück).
- 118
Diehl E. Frag. 6.
- 119
Thucydides. IV. 125, 1; ср.: *Aeneas Tacticus.* XXVII.
- 120
Platone. Symposium. 221A – B.
- 121
How W.W. Arms, Tactics and Strategy in the Persian War / Journ. Hell. Studies, XLIII. 1923. P. 117 ff.
- 122
Kirsten E. Athener und Spartaner in der Schlacht bei Plataiai / Rhein. Mus. LXXXVL 1937. P. 50 ff.
- 123
Herodotos. IX. 61–62.
- 124
Demosthenes . De Corona. 208.
- 125
Aischylos. Persae. 817.
- 126
О причинах этого будет сказано в гл. 4.
- 127
Euripide. Herakles. I. P. 344, 188–203. Виламовитц-Мёллендорф (Wilamowitz-Moellendorf) обращает внимание на то, что в этом фрагменте отразились распространенные в те времена представления о ведении войны.

128

Подробнее о дальнотойности метательного оружия см. в: Rüstow W., Köchly H. *Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhos*. P. 129.

129

Xenophontis. *Anabasis*. IV. 2. 28.

130

Фукидид (*Thucydides*. IV. 94, 1) знал о недостатках использования легковооруженных подразделений, не прошедших необходимое обучение. См. также: *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе (*Xenophontis*. *Memorabilia*. III. 5, 2–5). В Афинах фетов могли использовать в качестве гребцов на кораблях. Однако тот факт, что установление демократии (например, в Аргосе) само по себе не ослабило веру в превосходство гоплитов, ничего не значит.

131

Битва при Делии; см. гл. 6.

132

Thucydides. III. 94–98.

133

Ibid. IV. 29 ff.

134

Ibid. II. 79.

135

Bauer A. *Ansichten des Thukydides über Kriegführung / Philologus*, L (N.F. IV), 1891. P. 401 ff.

136

См.: *Parke H.W.* *Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus*. Возможно, это явление получило широкое распространение благодаря ионийцам, многие из которых отправлялись на службу к египетским царям из Саисской династии. См.: *Tarn W.W.* *Hellenistic Military and Naval Developments*. P. 9.

137

Diehl E. *Alcaeus*. *Frag.* 50.

138

Tod. *Greek History Inscription*. 4.

139

Diehl E. *Anth. Lyr. Graec.* II. P. 128–129.

140

Parke H.W. *Op. cit.* P. 11 n. 3. P. 14.

141

Parke H.W. *Op. cit.* P. 20.

142

Aristophanes. *Acharnions*. Vv. 156–166.

143

Thucydides. VII. 29, 4.

144

Diodorus. XV, 44, 3; *Cornelius Nepos.* *Iphicrates*. 1. См.: *Parke H.W.* *Op. cit.* P. 76 ff.

145

Griffith G.T. *The Mercenaries of the Hellenistic World*. P. 71.

146

Xenophontis. *Hellnvika*. VII. 1, 21.

147

Diehl E. *Frag.* 60; см. гл. 6.

148

См. особенно приписанные Ификрату (*Iphicrates*).

149

См.: *Polybius*. 17, 1: «...считавшийся человеком исключительного ума, смелости и непревзойденного военного опыта».

150

Aristotele. *Nicomachean Ethics*. III. 1116 b 15. См.: Parke H.W. *Op. cit.* P. 137.

151

См. гл. 5.

152

См.: *Tarn W.W.* *Hellenistic Military and Naval Developments*. P. 12.

153

Перед фалангой стояла проблема сохранения ровного линейного построения батальонов, необходимого для того, чтобы враг не воспользовался возникшей в нем брешью. См. критику Полибия: *Polybius*. XVIII. 28–33, особенно 31–33. См.: *Tarn W.W.* *Op. cit.* P. 13–14.

154

См.: *Kromayer J.* *Antike Schlachtfelder*. I. P. 127 ff; *Delbrück H.* *Geschichte der Kriegskunst*. I. P. 175–176; *Hammond N.G.L.* *The Two Battles of Chaeronea (338 B.C. and 86 B.C.)* / *Klio*. XXXI. 1938. P. 186 ff.

155

Henry L.E. *Napoleon's War Maxims*. P. 23.

156

Carpenter R. *The Greek Penetration of the Black Sea* / *American Journal of Archaeology*. LII. 1948. P. 6 n 1.

157

Kirk G.S. *Ships on Geometric Vases* / *Ann. Brit. School at Athens*. XLIV. 1949. P. 93 ff.

158

Ibid. P. 143.

159

Davison J.A. *The First Greek Triremes* / *Class. Quart.* XLI. 1947. P. 18 ff.

160

Thucydides. II. 93, 2.

161

Сведения, подтверждающие справедливость точки зрения, которой придерживается автор данной книги, см.: *Tarn W.W.* *The Greek Warship* / *Journal of Hellenistic Studies*. XXV. 1905. P. 137 ff, 204 ff, а также: *Idem.* *The Oarage of Greek Warships* / *Mariner's Mirror*. XIX. 1933. P. 52 ff; *Brewster F.* *The Arrangement of Oars in the Trireme* / *Harvard Classical Studies*. XLIV. 1933. P. 205 ff. Доводы, приводимые в пользу противоположной точки зрения, см.: *Morrison J.S.* *The Greek Trireme* / *Mariner's Mirror*. XXVII. 1941. P. 14 ff.

162

Herodotos. I. 166.

163

Ibid. VI. 8-15.

164

Aischylos. *Persae*. 392–394.

165

Ibid. 413–416.

166

Plutarch. *Cimon*. XII. 2. То, какой именно характер имели эти изменения, является предметом дискуссии.

167

Thucydides. I. 49, 1–3.

168

- Thucydides*. II. 83 ff.
169
- Thucydides*. VII. 34.
170
- Ibid. VIII. 104–106; *Diodorus*. XIII. 39–40; см.: *Rodgers W.L.* Greek and Roman Naval Warfare. P. 179; *Custance R.* War at Sea. P. 40 ff.
171
- Xenophon*. *Hellnvika*. I. 1, 13–19; *Diodorus*. XIII. 50; *Plutarch*. Alcibiades. 28.
172
- Custance R.* Op. cit. P. 109.
173
- Constitution of Athens. II. 6 ff.
174
- См.: С.А.Н. V. P. 195; *Gomme A.W.* Essays in Greek History and Literature. P. 190 ff; Historical Commentary on Thucydides. B. I. P. 19–20.
175
- Например, человек, идущий вброд, мог подняться на трирему, плывущую на поверхности воды (*Thucydides*. II. 90, 6).
176
- Сражение Лептина против карфагенян (*Diodorus*. XIV. 55) и битва Клетта против Никанора (Ibid. XVIII. 72; *Polyaenus*. IV. 6, 8).
177
- О потерях в морских сражениях см.: *Droysen H.* Heerwesen und Kriegführung der Griechen. P. 308 n. 2.
178
- Tarn W.W.* Op. cit. P. 124. Он добавляет: «Конечно, это преувеличение, но я нашел его полезным для того, чтобы взвешенно подойти к теме и избежать ассоциаций, которые возникают у современного человека, услышавшего слово «корабль».
179
- Tarn W.W.* Op. cit. P. 130 ff; Bauer A. Griech. Kriegsaltertümer. P. 417–418.
180
- Tarn W.W.* Op. cit. P. 134 ff.
181
- Diodorus*. XX, 50–52; *Plutarch*. Demetrius. 16.
182
- Например: *Thucydides*. III. 30, 4.
183
- Herodotos*. VI. 76–77.
184
- Custance*. Op. cit. P. 27.
185
- С.А.Н. IV. P. 223.
186
- С.А.Н. VI. P. 40.
187
- Ibid. V. P. 77, 87.
188
- Ibid. VI. P. 54, 146–147, 249–250, 375, 486, 498.
189
- См. выше.
190
- С.А.Н. V. P. 341 ff.

191

Miltner F. Die Meerengenfrage in der griechischlkn Geschichte / *Klio*. XXVIII. 1935. P. 1 ff;
Graefe F. Die Operationen des Antalkidas im Hellespont. *Ibid.* P. 262 ff; *Judeich W.* /
Pauly-Wissowa. Realenc. S. v. Antalkidas. Col. 2344.

192

См. книгу Б.Г. Лидделл-Гарта (В.Н. Liddell Hart) *The strategy of indirect approach* (London, 1941).

193

Aristoteles. II. 11; рассказ о том, как афиняне потеряли господство на море в 413 году до н. э., см.: *Thucydides*. VIII. 1, 3.

194

Tod. *Op. cit.* 66, 11. 35–41; см. также: *Thucydides*. IV. 108, 1; о событиях IV века до н. э. см.: *Xenophontis*. *Hellnvika*. VI. 1, 4.

195

См.: *Koester A.* / *Kromayer J., Veith G.* Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. P. 173 ff.

196

С.А.Н. VI. P. 363.

197

Ibid. P. 403, 414 ff.

198

Tarn W.W. *Op. cit.* P. 20.

199

Xenophontis. *Hipparch*. I. 16; *Re equestri*. IV. 3–4.

200

См.: *Pauly-Wissowa*. Realenc. S. v. Pferd. Col. 1440–1441.

201

Herodotos. V. 63.

202

Thucydides. I. 111, 1.

203

Herodotos. IX. 68.

204

Thucydides. VI. 70, 3.

205

Xenophontis. *Hellnvika*. III. 4, 15.

206

Xenophontis. *Anabasis*. II. 2, 18–19.

207

Сведения о первых примерах применения стремян см.: *Tarn W.W.* *Op. cit.* P. 75 n. 1.

208

См., например: *Xenophontis*. *Hellnvika*. III. 4, 13–14; V. 2, 41.

209

Diodorus. XIX. 29, 7. Он использует слово *φύρομαχαιν*.

210

Marmont. *Modern Armies*. P. 31.

211

Благодаря этому он значительно превосходил большинство военачальников эллинистического периода, которые нередко слишком рано отдавали своим конницам сигнал к наступлению.

212

С.А.Н. VI. P. 382.

213

Например, при Ипсе. См.: *Plutarch. Demetrius. 29, 3.*

214

Период расцвета конницы длился около столетия после смерти Александра, а затем доминирующим родом войск снова стала фаланга. См.: *Tarn W.W. Op. cit. P. 27–28.*

215

Marmont. Op. cit. P. 32.

216

Stanhope P.H. Notes of Conversations with the Duke of Wellington. 1831–1851. P. 221.

217

Herodotos. I. 80.

218

Plutarch. Demetrius. 29.

219

Tarn W.W. Op. cit. P. 94.

220

Diodorus. XIX, 39.

221

Или Эпиферас (*Strabo. XVI. 768, 770.*)

222

Diodorus. XIX, 83–84. Предположение о том, что преграда состояла из шипов, гипотетическое и сделано по аналогии с приспособлением, использовавшимся в 318 году до н. э. при защите Мегалополя (Он же. XVIII. 71, 2–6). Диодор, описывая битву при Парайтакене, говорит только о *χάραξ σεσιδηρωμένος*. Однако он мог неверно понять текст используемого им источника, так как крайне сложно представить себе какой-либо иной инструмент, который можно эффективно применять в данной ситуации, кроме шипов. См.: *Geer R.M.* в переводе Диодора, выпущенном в серии «Люэб» (*Vol. X. P. 60–61*), а также: *Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst. I. P. 243.*

223

См.: *Tarn W.W. Op. cit. P. 95.* Об использовании слонов в целом см.: *Glover R.F. The Tactical Handling of the Elephant / Greece and Rome. XVII. 1948. P. 1–11.*

224

Polybius. I. 40, 13. См. также: *Bellum Africanum. 27.*

225

Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. P. 214–215.

226

Lucian. Zeuxis. 8–11.

227

Bellum Africanum. 72.

228

См.: *Pauly-Wissowa. Realenc. S. v. Kriegskunst. Col. 1829.*

229

Plutarch. Pericles. 27.

230

Thucydides. I. 117, 3.

231

Thucydides. III. 52.

232

Ibid. II. 70.

233

Она стоила 2 тысячи талантов (*Thucydides. II. 70, 2*). Осада Самоса обошлась более чем в 1400 талантов (*Tod. Op. cit. 50*).

- 234
Thucydides. III. 27–28.
- 235
Ibid. IV. 66–68.
- 236
Ibid. 100.
- 237
Подробнее о вращающихся военных машинах см.: *Schramm E. / Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer*. P. 220 ff; *Tarn W.W.* Op. cit. P. 103 ff.
- 238
Diodorus. XIV. 47–53.
- 239
См.: *Delbrück H.* Op. cit. P. 175.
- 240
Tarn W.W. Op. cit. P. 47.
- 241
Polybius. VIII. 5–6; *Plutarch*. *Marcellus*. 15.
- 242
О дальнобойности см.: *Schramm E.* Loc. cit., выше.
- 243
Таково правило. Наиболее примечательным исключением из него является применение катапульт Маханидом в битве при Мантинее (207 до н. э.). См.: *Polybius*. XI. 11–12.
- 244
С другой стороны, даже эллинистические полевые лагеря не были так хорошо организованы и укреплены, как римские (*Polybius*. VI. 42. Ср.: V. 20, 4; XVIII. 18). См.: *Bauer A.* *Griech. Kriegsaltertümer*. P. 458.
- 245
Большинство из них см.: *Kromayer J., Veith G.* *Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer*. P. 243.
- 246
Polyaenus. II. 31, 2.
- 247
Cornelius Nepos. *Hannibal*. 10, 4–5; 11, 5–6; *Justin*. XXXII. 6–7. Юстин пишет только о «всевозможных змеях», но это лишь немногим способствует усилению веры в правдивость его рассказа.
- 248
Clausewitz. *On War / Trans. Graham*. I. P. 12.
- 249
Ibid. P. 44.
- 250
Thucydides. II. 13, 2: τὰ δὲ πολλὰ τοῦ πολέμου γνῶμη καὶ χρημάτων περιουσία κρατεῖσθαι.
- 251
О продовольственном снабжении греческих армий см.: *Tänzer K.* *Das Verpflegungswesen der griechischen Heere bis auf Alexander den Grossen*. Diss. Jena, 1912.
- 252
Tod. Op. cit. 64.
- 253
Griffith G. T. *The Mercenaries of the Hellenistic World*. P. 5.
- 254
Demosthenes. IV. 28.
- 255
С.А.Н. VI. P. 360.

256

Diodorus. XX. 108. См.: Griffith G.T. Op. cit. P. 45, 51 ff., а о финансировании войск: Ibid. Chap. X, а также: *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. II (= Bibl. des écoles franç. d'Athènes et de Rome, fasc. 169). P. 724 ff.

257

Gomme A. W. B. I. P. 10 ff.

258

Jomini. Précis de l'art de la guerre. P. 333.

259

См.: *Adcock F.E.* ΕΠΙΤΕΙΧΙΣΜΟΣ in the Archidamian War // *Class. Rev.* LXI. 1947. P. 2 ff.; ср. также: *Demosthenes*. IV. 5 (о IV веке до н. э.).

260

Thucydides. V. 14, 3.

261

Ibid. VII. 27; 28, 1; VIII. 69, 1.

262

C.A.H. VI. P. 220.

263

Tarn W.W. Op. cit. P. 39.

264

См.: *Koester A. / Kromayer J., Veith G.* Op. cit. P. 196–197.

265

Следует помнить, что в целом у греческого города-государства было недостаточно сил для осуществления продолжительной военной оккупации значительной части вражеской территории.

266

См.: *Dickens G.* The Growth of Spartan Policy / *Journ. Hell. Stud.* XXXII. 1912. P. 1 ff.

267

См.: *Griffith G.T.* Op. cit. P. 44 ff.; 254 ff.

268

Thucydides. II. 2–6.

269

Xenophontis. *Hellnvika*. V. 2, 25 ff.

270

См. особенно главы: II, X–XI, XVII–XVIII, XXII.

271

Harace. *Odes*. III. 16, 13–14.

272

Polybius. *Aeneas Tacticus*. XVIII. 3, 4–8; см.: *Tarn W.W.* Op. cit. P. 44.

273

Earle E.M. *Makers of Modern Strategy*. P. 33.

274

Thucydides. IV. 65, 3–4; VII. 14, 4.

275

Demosthenes. IV. 40.

276

Xenophontis. *Hellnvika*. II. 2, 3–4.

277

Xenophontis. *Hipparch*. 4, 4, 14.

278

Ibid. 7, 11.

279

- Hammond N.G.L. Op. cit. / Klio. XXXI. 1938. P. 186 ff.
280
Diodorus. XVIII. 44–45.
281
Diodorus. XIX. 37; Cornelius Nepos. Eumenes. 8; Plutarch. Eumenes. 15, 3–4.
282
C.A.H. V. P. 227, 229, 239–240, 269–270.
283
Plutarch. Marius. 33, 4.
284
Diodorus. XIX. 38; Cornelius Nepos. Eumenes. 9; Plutarch. Eumenes. 15, 4–7.
285
См.: Delbrück H. Die Strategie des Perikies erläutert durch die Strategie Friedrichs des Grossen.
286
Подробнее о географических координатах мест сражений см.: Kromayer J., Veith G. Schlachten-Atlas zur antiken Kriegsgeschichte; Kromayer J. Antike Schlachtfelder.
287
Machiavelli. Arte della Guerra. P. 275.
288
Marmont. Modern Armies. P. 188.
289
Diehl E. Frag. 60.
290
Bellum Africanum. 10.
291
Addison. The Campaign. I. 292.
292
См.: Thucydides. IV. 90 ff.; Diodorus. XII. 69–70 (хотя его дополнения обладают меньшей ценностью).
293
Grundy G.B. Op. cit. II. P. 134 ff.
294
См., например: Thucydides. III. 51; VI. 21; VI. 67, 1.
295
Caesar. Bellum Civili. III. 94, 6.
296
Thucydides. V. 8–10.
297
См.: C.A.H. VII. Chap. XIX.
298
Diodorus. XVI. 79–80; Plutarch. Timoleon. 25–28.
299
C.A.H. V. P. 296–270.
300
Woodhouse W.J. King Agis of Sparta and His Campaign in Arkadia in 418 B.C.; Gomme A.W. Essays in Greek History and Literature. P. 132 ff.
301
C.A.H. VI. P. 47–28.
302
Ibid. P. 47.
303

- Xenophontis*. *Anabasis*. VII. 1, 33, 40.
304
См. гл. 2.
305
См.: *Tarn W.W.* Op. cit. P. 30–31.
306
См.: *Griffith G.T.* Op. cit. P. 30 ff.
307
Xenophontis. *Hellnvika*. VII. 5, 22 ff.; *Diodorus*. XV. 85–87. О тактике, применявшейся Эпаминондом во время этой битвы, см.: *Lammert E.* Die geschichtliche Entwicklung der griechischen Taktik / *Neue Jahrbücher*. III. 1899. P. 27.
308
С.А.Н. VI. P. 361–362.
309
Ibid. P. 407–408.
310
Griffith G. T. Alexander's Generalship at Gaugamela / *Journ. Hell. Stud.* LXVII. 1947. P. 77 ff.
311
Мистер Гриффит.
312
О численности полисных армий, состоявших из гоплитов, см.: *Beloch K.J.* Griechische Aufgebote / *Klio*. V. 1905. P. 341 ff.; о количественном составе войск эллинистического периода: *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst. I. P. 289.
313
См.: *Kromayer J.* Drei Diadochenschlachten / *Antike Schlachtfelder*. IV. P. 391 ff.
314
См.: *Tarn W.W.* *Class. Rev.* XL. 1926. P. 14–15.
315
Polybius. XVIII. 28, 10; *Tarn W.W.* *Hellenistic Military and Naval Developments*. P. 14.
316
Walbank F.W. Philip V of Macedon. P. 44.
317
С.А.Н. VII. P. 760 ff.; *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst. I. P. 244 ff.; *Kromayer J.* *Antike Schlachtfelder*. I. P. 199 ff.
318
Свои окончательно сложившиеся полководческие умения Филопомен продемонстрировал в ходе сражения при Мантинее (207 год до н. э.). О проводившемся им изучении военного искусства и реформах см.: *Polybius*. X. 22–24; *Livy*. XXXV. 28, 1–7; *Plutarch*. *Philopoemen*. 4–5.
319
См.: С.А.Н. VIII. P. 222 ff.; *Kromayer J.* *Antike Schlachtfelder*. II. P. 154 ff.
320
См.: *Luschnat O.* Op. cit. 1942.
321
Thucydides. IV. 39, 3.
322
Gomme A.W. *Historical Commentary on Thucydides*, B. I. Introd.
323
Polybius. XII. 25.